

ISSN 2312-7899 (print)
ISSN 2408-9176 (online)

ПРАΞΗΜΑ

проблемы визуальной семиотики

2 0 2 3

№ 2 (36)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАΞΗΜΑ

ПРОБЛЕМЫ ВИЗУАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ

Научный журнал

2023

№ 2 (36)

ПРАΞΝΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 2 (36) [18+]

Главный редактор

В. В. Обухов (Томский государственный педагогический университет)

Заместители главного редактора

С. С. Аванесов (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого)

И. В. Мелик-Гайказян (Томский государственный педагогический университет)

Ответственный секретарь

М. С. Горбулёва (Томский государственный педагогический университет)

Редакционная коллегия

Е. В. Афонасин (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск)

М. Н. Вольф (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск)

И. Н. Инишев (Высшая школа экономики, Москва)

С. Б. Куликов (Томский государственный педагогический университет)

А. М. Лидов (Научный центр восточнохристианской культуры, Москва)

М. Моравчикова (Трнавский университет, Словакия)

К. Е. Осетрин (Томский государственный педагогический университет)

О. В. Рыбчинский (Национальный университет «Львовская Политехника», Украина)

В. В. Савчук (Санкт-Петербургский государственный университет)

Н. И. Сазонова (Томский государственный педагогический университет)

В. А. Суровцев (Томский государственный университет)

В. А. Суханов (Томский государственный университет)

П. Я. Ференски (Вроцлавский университет, Польша)

А. И. Щербинин (Томский государственный университет)

Редакционный совет

Т. Андина (Туринский университет, Италия)

Р. Г. Апресян (Институт философии РАН, Москва; Апресян Р. Г. признан иностранным агентом Министерством юстиции Российской Федерации 09.12.2022)

О. А. Донских (Новосибирский гос. университет экономики и управления)

И. Т. Касавин (Институт философии РАН, Москва)

Л. Карали (Национальный университет, Афины, Греция)

Е. Н. Князева (Высшая школа экономики, Москва)

В. В. Лепяхин (Университет г. Сегед, Венгрия)

Т. С. Симян (Ереванский государственный университет, Армения)

Н. В. Скорин-Чайков (Высшая школа экономики, Санкт-Петербург)

И. Топп-Вуйтович (Вроцлавский университет, Польша)

Е. Р. Ярская-Смирнова (Высшая школа экономики, Москва)

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя: ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел.: (3822) 52-17-54

Адрес редакции: ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел.: (3822) 52-06-17

E-mail: praxema@tspu.edu.ru

Электронная версия журнала: <http://praxema.tspu.edu.ru>

Отпечатано: ПК «Скорость Цвета»,

пр-т Ленина, 30/2, Томск, Россия, 634050. E-mail: voc2006@mail.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 57493

Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

Подписано в печать: 27.01.2023. Дата выхода в свет: 28.02.2023. Формат: 70×100/16. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 8. Тираж: 500 экз. Цена свободная. Заказ: 1247/Н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: А. И. Алышева

© Томский государственный педагогический университет, 2023. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

ПРАΞΗΜΑ

JOURNAL OF VISUAL SEMIOTICS

Научный журнал

2023

№ 2 (36)

ИПАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics. 2023. № 2 (36) [18+]

Chief Editor

Valery Obukhov (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Deputy Chief Editor

Sergey Avanesov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)

Irina Melik-Gaykazyan (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Executive Secretary

Maria Gorbuleva (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Editorial Board

Eugene Afonasin (Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)

Piotr Jakub Fereński (University of Wrocław, Poland)

Ilya Inishev (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Sergey Kulikov (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Alexei Lidov (Scientific Center of Eastern Christian Culture, Moscow, Russia)

Michaela Moravchikova (University of Trnava, Slovakia)

Konstantin Osetrin (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Oleh Rybchynskiy (Lviv Polytechnic National University, Ukraine)

Valery Savchuk (Saint-Petersburg State University, Russia)

Natalia Sazonova (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Alexei Scherbinin (Tomsk State University, Russia)

Vyacheslav Sukhanov (Tomsk State University, Russia)

Valery Surovtsev (Tomsk State University, Russia)

Marina Volf (Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)

Editorial Council

Tiziana Andina (University of Turin, Italy)

Ruben Apressyan (Institute of Philosophy, Moscow, Russia; Ruben Apressyan recognized as a foreign agent by the Ministry of Justice of the Russian Federation 09.12.2022)

Oleg Donskih (Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia)

Elena Iarskaia-Smirnova (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Lilian Karali (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)

Ilya Kasavin (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Helena Knyazeva (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Valerij Lepahin (University of Szeged, Hungary)

Tigran Simyan (Yerevan State University, Armenia)

Nikolai Ssorin-Chaikov (Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)

Izolda Topp-Wójtowicz (University of Wrocław, Poland)

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address: ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel.: +7 (3822) 52-17-54

Corresponding address: ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel.: +7 (3822) 52-06-17

E-mail: praxema@tspu.edu.ru

Online version: <http://praxema.tspu.edu.ru>

Printed by: "Skorost' Tsveta",

Lenina avenue, 30/2, Tomsk, Russia, 634050. E-mail: voc2006@mail.ru

Certificate PI № FS 77 – 57493

by the Ministry of Mass Communication of the Russian Federation

Approved for printing on: 27.01.2023. Date of issue: 28.02.2023. Format: 70×100/16. Paper: offset.

Printing: screen. Edition: 500. Price: not settled. Order: 1247/H.

Production editor: Yu. Yu. Afanasyeva. Text designer: A. I. Alisheva.

© Tomsk State Pedagogical University, 2023. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Иванов Д. И.* (Сианьский университет иностранных языков, Китай);
Лакербай Д. Л. (Ивановский государственный университет, Россия)
Концептуально-смысловая формула
когнитивно-прагматической программы «Закон совести»
(на материале кинотекста «Пацаны»).....9
- Шайгозова Ж. Н.* (Казахский национальный педагогический университет
им. Абая, Казахстан);
Наурызбаева А. Б. (Казахская национальная консерватория
им. Курмангазы, Казахстан);
Нехвядович Л. И. (Алтайский государственный университет, Россия)
Традиционная казахская художественно-символическая основа
концепта «дом» в аспекте визуальной семиотики.....30
- Чернявская В. Е.* (Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Россия; Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, Калининград, Россия)
Типографика как социальный индекс: советский ландшафт
в современном российском дискурсе..... 50
- ИНДИКАТОР ВИЗУАЛИЗАЦИИ ГРАНИЦ В «УСТРОЙСТВЕ» НАУКИ**
- Донских О. А.* (Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Новосибирский государственный
технический университет, Россия)
Язык как индикатор визуализации научного мышления..... 74
- Аршинов В. И.* (Институт философии РАН, Россия)
Наука как когнитивно-семиотический процесс
в оптике парадигмы мышления-вместе-со-сложностью 81
- Болдачёв А. В.* (Лаборатория институционального
проектного инжиниринга, Россия)
От поэзии к науке или от правил к теории..... 95
- Жуков Л. Б.* (Институт проблем связей с общественностью, Россия)
Как устроена наука: визуальная ориентация
в семиотическом пространстве..... 103

<i>Донских О. А.</i> (Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирский государственный технический университет, Россия)	
Визуализация относительности (ответ оппонентам).....	115
Сведения об авторах.....	126

CONTENTS

ARTICLES

- D. Ivanov* (Xi'an International Studies University, Xi'an, China);
D. Lakerbai (Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation)
Conceptual-Semantic Formula of the Cognitive-Pragmatic Program
"Law of Conscience" (Based on the *Boys* Film Construct).....9
- Z. Shaygozova* (Abai National Pedagogical University, Almaty,
Republic of Kazakhstan);
A. Naurzbayeva (Kurmangazy Kazakh National Conservatory, Almaty,
Republic of Kazakhstan);
L. Nekhvyadovich (Altai State University, Barnaul, Russian Federation)
Traditional Kazakh Artistic and Symbolic Basis
of the Concept "Home" In the Aspect of Visual Semiotics 30
- V. Chernyavskaya* (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation; Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation)
Typography as Social Index: Soviet Landscape
in the Modern Russian Discourse 50

BOUNDARY VISUALIZATION INDICATORS IN THE 'STRUCTURE' OF SCIENCE

- O. Donskikh* (Novosibirsk State University of Economics and Management;
Novosibirsk Technical State University, Novosibirsk Russian Federation)
Language as an Indicator of the Visualization
of Scientific Thinking 74
- V. Arshinov* (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation)
Science as a Cognitive-Semiotic Process in the Optics
of the Thinking-Together-with-Complexity Paradigm 81
- A. Boldachev* (Laboratory of Institutional Design Engineering,
Moscow, Russian Federation)
From Poetry to Science or from Rules to Theory 95
- L. Zhukov* (Institute for Public Relations Problems, Moscow, Russian Federation)
How Science Works: Visual Orientation in Semiotic Space 103

O. Donskikh (Novosibirsk State University of Economics and Management;
Novosibirsk Technical State University, Novosibirsk Russian Federation)
The Visualization of Relativity (A Reply to Opponents) 115

Authors 127

СТАТЬИ / ARTICLES

КОНЦЕПТУАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ ФОРМУЛА КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ «ЗАКОН СОВЕСТИ» (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОТЕКСТА «ПАЦАНЫ»)

Д. И. Иванов

Сианьский университет иностранных языков, Китай
Ivan610@yandex.ru

Д. Л. Лакербай

Ивановский государственный университет, Россия
lakomotion@yandex.ru

В свете авторской теории когнитивно-прагматических программ (КПП) в статье рассматривается концептуально-смысловая формула кинотекста (фильма) «Пацаны». Кино-текст в нашем понимании – это синтетическая форма воплощения и передачи (трансля-ции) одной / нескольких КПП, играющих роль фундамента для сознания, самосознания и поведения персонажей.

Создатели фильма сталкивают два варианта КПП социализации личности подростка: дидактически-принудительный, основанный на внешнем копировании и воспроизведе-нии («закон закона»), и гуманистиче-ский, основанный на конструктивности равнопра-вия, любви, сопричастности, совести (внутренний «закон совести»). В первом конструк-тивное воздействие общества воспринимается объектом «принудительной соци-ализа-ции» как деструктивный акт подчинения. В результате воспитатель-ный импульс усваи-вается внешне, на уровне «социальной маски», или перенаправляется обратно в форме искаженной агрессивной реакции.

Второй вариант – КПП «Закон совести» – концептуализирован как единственно воз-можный, согласно концепции авторов фильма, продук-тивный способ конструктивной со-циализации личности. Он двусоставен («вернуть подростка самому себе»; «привести подростка к людям»). Основным инструментом здесь является совесть, блокирующая процесс симулятивной «социальной маскировки» и помогающая подростку осоз-нать, что предлагаемые ему нормы, установки и модели поведения не должны приниматься автоматически.

Образная формулировка данной КПП – «нужно разбудить сердце» – имеет два субъ-ектно-ролевых вектора реализации: «разбудить сердца ро-дителей»; «разбудить сердце подростка, попавшего в круг отчуждения». Векторы взаимосвязаны, но при этом возмож-ны два основных ракурса реализации: индивидуально-персонологический (когда невозможно «разбудить сердца родителей»); комплексный. Подросток, попавший в

«круг отчуждения и десоциализации», не может адекватно оценивать ни себя и свои поступки, ни действия окружающих.

В свете неотменимой двусоставности концептуальной формулы КПП «Закон совести» формируется четкая структура необходимых воспитательных действий, включающих в себя отказ от силового давления, демонстрацию равенства и равнодушия, апелляцию к «голосу совести» (побуждение к ответственному самоанализу), разрыв или трансформацию искаженных социальных связей, ставку на формирование гражданской идентичности. Внешнее давление со стороны общества заменяется конструктивным внутренним напряжением (переживанием чувства долга и ответственности в себе). Подростку больше не нужно защищаться или прятаться, он может и должен быть самим собой, для чего необходимо следовать принципам своей пробужденной совести.

Ключевые слова: кинотекст, деструктивная / конструктивная социализация, когнитивно-прагматическая программа, «круг отчуждения», концептуально-смысловая формула, «закон совести»

**CONCEPTUAL-SEMANTIC FORMULA
OF THE COGNITIVE-PRAGMATIC PROGRAM
“LAW OF CONSCIENCE”
(BASED ON THE BOYS FILM CONSTRUCT)**

Dmitry I. Ivanov

Xi'an International Studies University, Xi'an, People's Republic of China
Ivan610@yandex.ru

Dmitry L. Lakerbai

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
lakomotion@yandex.ru

The article considers the conceptual-semantic formula of the Boys film construct through the authors' theory of cognitive-pragmatic programs (CPPs). In terms of this theory, the film construct is a specific synthetic (creolized) form of embodiment and transmission (translation) of one/several CPPs that have received the status of the foundation of subjective reality (i.e., that determine the consciousness, self-consciousness, and behavior of the characters of the film). The filmmakers confront two options for the CPP of socialization of a teenager's personality: didactical-compulsory, based on external copying and reproduction ("law of the law"), and humanistic, based on the constructiveness of equality, love, involvement, conscience (intrinsic "law of conscience"). In the first, the constructive impact of society is perceived by the object of "forced socialization" as a destructive act of subordination. As a result, the educational impulse is absorbed externally, at the level of a "social mask", or is redirected back in the form

of a distorted aggressive reaction. The second option is conceptualized as the only possible productive way of a constructive socialization of the individual. The CPP "Law of Conscience" is a key semantic and structural component of the authors' concept and has a two-part structure ("to return the teenager to himself"; "to bring the teenager to the people"). This is the only possible productive way of an individual's constructive socialization. The main instrument here is conscience, which blocks the process of simulative "social disguise" and helps the teenager to realize that the norms, attitudes and behaviors offered to him should not be automatically adopted. The figurative formulation of this CPP – "one's heart needs to be woken up" – has two subject-role vectors of implementation ("to wake the hearts of parents"; "to wake the heart of a teenager trapped in a circle of alienation"). The vectors are interconnected, but, at the same time, two main perspectives of implementation are possible: a) individual-personological (when it is impossible to "wake the hearts of parents"); and b) the complex one. A teenager trapped within the "circle of alienation and desocialization" cannot adequately assess himself and his actions, or the actions of others. In the light of the irrevocable two-part conceptual formula of the CPP "Law of Conscience", a clear structure of necessary educational actions is being formed, including the rejection of "repressive pressure", the attitude towards the adolescent as an equal, indifference and involvement, the desire to awaken responsible introspection (conscience), to break or transform distorted relationships with sources of desocialization, to awaken civic identity. External pressure from society is replaced by constructive internal stress (feeling a sense of duty and responsibility in oneself). A teenager no longer needs to defend himself or hide, he can and should be himself, for which it is necessary to follow the principles of the basic moral quality of his person-ality (his conscience).

Keywords: film construct, destructive/constructive socialization, cognitive-pragmatic program, "circle of alienation", conceptual and semantic formula, "law of conscience"

DOI 10.23951/2312-7899-2023-2-9-29

Введение

Если отступить в сторону от сегодняшних стереотипов, подразумевающих разделение кинопродукции на массово-развлекательную и авторскую («артхаусную»), то не мешает вспомнить точное суждение: «...кинематограф <...> играет роль инструмента самопознания и самосовершенствования общества. Кино <...> поднимает важные социальные проблемы, разница лишь в методах их обнаружения. Так, социология использует свой выверенный научный инструментарий, а кинематограф – чутье и интуицию создателей фильма» [Мкртычева 2012, 113–114]. Отметим, однако, что немалое

количество известных кинолент, которые мы условимся называть кинотекстами в традиции семиотического подхода [Анисимова 1992; Слышкин, Ефремова 2004], содержат открыто и программно оформленные концепции, причем без всякого ущерба для художественной убедительности. Именно таков известный фильм Д. Асановой «Пацаны» (1983)¹, преобразивший значительный документальный материал, где в качестве актеров задействованы настоящие «трудные подростки», в остроконфликтную «социальную драму». «Зритель может наблюдать их лица, поведенческие манеры, характерные интонации, хотя и вписанные в рамки художественного сюжета, но максимально приближенные к реальной ситуации и достоверно ее передающие» [Русина 2019, 82].

Согласно М. И. Жабскому, как некая общественная ценность фильм имеет три основных измерения: художественно-эстетическую ценность; идеологическую ценность (измеряется вкладом в развитие общественного сознания); «социальную (в узком смысле) ценность <...> аспект его социальной полифункциональности, выраженный в зрительской интерпретации воздействия» [Жабский 2013, 28].

О социальной ценности картины «Пацаны» во всех этих измерениях говорят не только данные проката (25 миллионов зрителей за год). Как отмечено в более ранней работе М. И. Жабского, отечественная публика начала 1980-х годов осознанно ориентировалась на широкий спектр функций кинематографии [Жабский 1987], то есть умела считывать основной «месседж» кинотекста. Именно поэтому режиссер мог предложить публике фильм с очень серьезной и теоретически обоснованной концептуальной программой, направленной на выявление наиболее эффективных способов реализации конструктивной социализации / ресоциализации личности (подростка / взрослого).

Очевидно, что авторская концепция социализации личности, визуализированная в пространстве кинотекста «Пацаны», базируется на целом комплексе актуальных в контексте социологического / социокогнитивного дискурса теорий. Назовем некоторые из них:

а) теория внутренней противоречивости биологической и социальной природы личности Э. Дюркгейма, в рамках которой ядром социализации является мораль, понимаемая как система социально обусловленных правил и норм поведения [Дюркгейм 1996];

¹ «Пацаны» (1983, реж. Д. Асанова, «Ленфильм», СССР). Далее фрагменты кинотекста приводятся без повтора указаний на источник.

б) теория подражания С. Г. Тарда, реализованная в системе взаимоотношений субъектных модальностей «учитель–ученик» / «воспитатель–воспитанник» [Тард 2011];

в) психоаналитическая теория З. Фрейда, в рамках которой личность определяется как неразрывная, но противоречивая целостность трех начал («Оно», «Я», «Сверх-Я»), вырабатывающих специфическую систему «защитных механизмов» [Фрейд 2007], «обеспечивающих целостность и стабильность личности в процессе социализации» [Ковалева 2004, 141];

г) идеи Г. М. Андреевой, понимающей процесс социализации личности как целостную систему, включающую в себя три основных сферы – деятельность, общение, самосознание [Андреева 2009];

д) теория целостности и генетической взаимообусловленности всех осознаваемых / автоматизированных действий, производимых как ребёнком, так и взрослым [Кон 1989].

На наш взгляд, именно идея генетической взаимообусловленности субъектно-деятельностной системы «ребенок–взрослый» [Кон 1998], актуализированная в контексте проблемы социально-психологического становления личности, становится одной из базовых установок всей программы конструктивной социализации личности подростка-взрослого, воплощенной в пространстве кинотекста «Пацаны». Авторы фильма воспринимают феномен детства и юношества как «пройденный жизненный путь развития взрослого человека. Взрослый несет в себе наследие детства. Ребенок не может существовать без взрослого; его мысли, чувства, поведение тесно связаны с миром взрослых и производны от него» [Бабунова 2008, 147].

Итак, мы видим, что теоретический контекст, используемый авторами для создания концептуально-смыслового ядра кинотекста, который мы рассматриваем не только как полисемиотический, концептуально целостный феномен, но и как специфическую концептуально смысловую «форму комплексного воплощения отраслевых, профильных, имиджево-ролевых и национально-специфических когнитивно-прагматических программ (КПП)» [Иванов 2019а, 303], достаточно широк. Это позволяет создателям картины при моделировании программы кинотекста актуализировать и семиотически визуализировать сразу два взаимосвязанных ракурса становления личности: ракурс социализации и ракурс развития личности. На наш взгляд, этот путь является достаточно продуктивным, так как «подлинно научное рассмотрение вопроса о социализации ни в коей мере не снимает проблемы развития личности,

а напротив, предполагает, что личность понимается как становящийся активный социальный субъект» [Андреева 2009, 76].

Все это свидетельствует о том, что данный фильм является актуальным объектом как семиотического, так и социокогнитивного исследования. При этом одной из главных его характеристик становится принципиальная программность, имеющая ярко выраженную социологическую направленность.

Опираясь на программную природу фильма, при анализе «концептуальной формулы» кинотекста «Пацаны» мы будем использовать авторскую теорию когнитивно-прагматических программ, в рамках которой КПП – это «своеобразная концептуальная матрица, опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ) (целевых, самоидентификационных (ролевых), инструментальных, оценочно-результативных), формирующихся в пространстве когнитивного сознания отдельной личности / определенной социальной группы / нации / народа» [Иванов, 2019б, 252]. Теория КПП позволяет системно представить развертывание внутренних установок личности / социальных групп в целенаправленную социальную деятельность, в том числе и на примере кинотекста [Иванов 2020].

Концептуальная формула кинотекста: общая характеристика

Основной конфликт кинотекста – это антитеза двух вариантов КПП социализации личности подростка. Первый можно назвать дидактически-принудительным, он основан на внешнем копировании и воспроизведении (говоря словами актера Валерия Приемыхова², исполнителя главной роли начальника спортивно-трудового

² «Ведущий программы “Час Пик” (Ведущий): Позволю себе вспомнить одно ваше высказывание. Сейчас не закон совести, а закон закона. Вот когда будет закон совести, тогда всё будет хорошо. Поясните вашу мысль. **В. Приемыхов:** Вы понимаете, человека можно научить быть добрым... Дети иногда путают понятия. Когда на съемках фильма “Пацаны”, мы спрашивали ребят: “Что такое добро?”. Многие отвечали примерно так: “Добро – это когда мальчик бабушке уступает место в трамвае”. **Ведущий:** Хорошая модель для маленького. Правильная модель. **В. Приемыхов:** Получается, что человека можно научить следовать определенным общепринятым правилам. И он будет делать всё, что должен. Он будет вежливо вам улыбаться, уступит вам место, в горе вам поможет деньгами... Однако обязательно будет какая-то внештатная ситуация в жизни, где эти этические навыки не будут работать. В это время должен вступать такой регулятор, как совесть <...> И как только он попадает внезапно в нестандартную для него ситуацию... Человека заклинивает. Совесть – это великий регулятор» (Час пик : программа с участием В. Приемыхова. 1997. URL. <https://www.youtube.com/watch?v=bRibwilrDb> (дата обращения: 28.12.2020)).

лагеря П. В. Антонова, это «закон закона» и связанные с ним «закон отчуждения» и «закон антизакона», то есть криминализация норм; в нашем изложении это КПП-2, КПП-3, КПП-4). Второй предстает как внутренний «закон совести», основанный на гуманизме, сочувствии, равноправии, сопричастности, любви (КПП-1).

В первом случае осуществляется директивно-назидательное воздействие, направленное на перевоспитание «трудного» подростка. Это воздействие воспринимается им как покушение на внешнюю и внутреннюю свободу, как деструктивный акт подчинения. Сам же «воспитатель», всецело полагающийся на нормы и механически насаждающий их, добивается от объекта социализации в лучшем случае «социальной маски», в худшем – агрессивной реакции (показательна сцена, когда второй воспитатель спортивно-трудового лагеря О. П. Куренной, пытаясь заставить работать своих воспитанников после задержания милицией одного из них, получает дерзкий ответ от командира отряда и бьет его, что в итоге заканчивается «бунтом» и избиением самого «воспитателя»). Это чрезвычайно негативный сценарий, поскольку утверждение своей внутренней свободы превращается не только в отрицание общества, но и в самоотрицание (себя как полноценного члена общества).

«Закон совести» (КПП-1) – единственно возможный, согласно концепции авторов фильма, *продуктивный* способ конструктивной социализации личности. Именно поэтому Д. Асанова, визуализируя данный вариант программы, стремится реализовать принцип ее предельной концептуализации. Смысл «закона совести» в том, что именно совесть является основным инструментом, помогающим подростку осознать: предлагаемые ему нормы, установки и модели поведения не должны приниматься автоматически. «Закон совести» и есть то, что должно позволить подростку вернуться к себе через внутреннее самопреодоление и самосовершенствование, не отрицая, а осознанно принимая Другого (общество). Траектория социализации здесь мыслится в единстве всех компонентов, от влияния внешней среды до системы диспозиций личности, включающей представления о ценностях, общую жизненную концепцию и пр. ([Ковалева 2004, 142–143]). Совесть является интегративным инструментом, синтезирующим в себе «бытийную» и «ментальную» подструктуры личности. Совесть – это ключевой компонент конструктивной социализации личности: «В качестве нравственного регулятора совесть возвышается над разного рода благоразумными или конъюнктурными самопредостережениями и выражает ответственность человека прежде всего перед самим собой» [Ильин 2017, 29].

Но как сделать подростка полноправным участником процесса социализации, как избавить его от страха и ощущения необходимости прятаться, как заменить «автоматические» недоверие, маскировку, агрессию переживанием чувства долга и ответственности? Ответом на это является весь сюжет фильма, мы же остановимся здесь на осмыслении исходной формулы «закона совести».

Журналист беседует с П. В. Антоновым, который является центральной субъектно-ролевой фигурой / ключевым субъектом-источником, транслирующим этот вариант КПП. Суть позиции воспитателя – отказ от силового давления: «**Антонов П. В.:** Я хочу их привести к самим себе, понимаешь... Вернуть людям... Надо уметь расшевелить их гражданское чувство... Разбудить сердце, понимаешь? <...> **Журналист:** Хорошо... А что ты будешь делать с такими, как Зайцев? **Антонов П. В.:** Зайцев подонок... Но, ты знаешь, его тоже надо будить...»

В максимально обобщенном виде формулу КПП-1 «Закон совести», в рамках которой актуализируется процесс конструктивной социализации, можно представить так: «*нужно разбудить сердце*». Здесь необходимо обратить внимание на один принципиальный момент. Согласно авторской концепции, данная формула имеет два субъектно-ролевых вектора реализации.

«*Нужно будить сердца родителей*». Первый вектор реализации – взрослые (родители), которые своим преступным бездействием / асоциальным поведением, безразличием создали «круг отчуждения» (КПП-3 «Закон отчуждения») и толкнули подростка в этот порочный, замкнутый круг одиночества, безверия, ненависти и преступления (КПП-4 «Закон антизакона»). Выразительна в этом плане сцена, в которой воспитанник П. В. Антонова В. Киреев узнает, что из-за аморального поведения его отца Маргарита (сестра Володи) совершает попытку суицида.

«*Нужно будить сердца подростков, попавших в “круг отчуждения”*». Второй вектор реализации – подростки, попавшие в зону деструктивно-манипулятивного воздействия КПП-3 и КПП-4 и получившие симулятивный когнитивно-ментальный статус «социальный сирота» («**Антонов П. В.:** Эти дети... Они никогда не знали, что такое родительская ласка или забота <...> Его не пускают в приличные дома, чтобы он не испортил хороших мальчиков... И поэтому единственное место, где он чувствует себя человеком – это подворотня...»).

Оба вектора реализации когнитивно-ментальной формулы КПП-1 «Закон совести» взаимообусловлены. В рамках авторской

концепции (взгляд на ментальное и социальное поведение подростков через анализ ментального и социального поведения взрослых) между этими векторами установлена жесткая причинно-следственная связь. Если не «разбудить сердца» взрослых (причина десоциализации), то «круг отчуждения» будет постоянно расширяться и пополняться новыми «социальными сиротами», жизни и сердца которых искалечены взрослыми (следствие). Подчеркнем, что оба вектора реализации в равной степени актуальны и значимы для создателей фильма. Это обеспечивает концептуально-смысловую целостность программы «Закон совести» и существенно повышает уровень ее функциональной активности.

Данная формула имеет в пространстве кинотекста два основных ракурса реализации: индивидуально-персоналогический и комплексный. В первом случае объектом ресоциализации становится только подросток, попавший в «круг отчуждения». Этот ракурс реализации формулы-программы подразумевает полное разрушение деструктивной причинно-следственной связи между подростком и источником десоциализации (родителями). Показательна сцена, в которой отец Вовы Киреева издевается над его сестрой (отрезает ей волосы), доводя ее до попытки суицида. В результате подросток не просто ненавидит своего отца, но жаждет отомстить ему за сестру, застрелить его. Вова берет в палатке Антонова ракетницу и, не сказав никому ни слова, отправляется в город, чтобы совершить задуманное. Очевидно, что в данном случае говорить о какой-либо возможности «разбудить сердце отца» не приходится. Неслучайно П. В. Антонов называет его «спившимся, озверевшим» человеком. Связь между отцом и сыном разорвана навсегда.

Второй ракурс реализации формулы-программы предусматривает не разрушение причинно-следственной связи, а ее кардинальную комплексную двустороннюю (*взрослый–подросток; подросток–взрослый*) когнитивно-ментальную перекодировку. Речь идет о смене статуса этой связи с деструктивного на конструктивный. В зону функциональной активности программы попадает как источник десоциализации (родители), так и сам подросток. Соответственно, здесь одновременно активизируется два вектора реализации ключевой формулы программы (*нужно будить сердце взрослого + нужно будить сердце подростка*).

Формула-программа «Закон совести» «нужно будить сердце» обладает сложной внутренней структурой. Она включает в себя два последовательно реализуемых и взаимообусловленных процесса: а) «нужно привести подростков к самим себе»; б) «нужно вернуть

подростков людям». Рассмотрим специфику каждой части более подробно.

**Специфика первой части формулы КПП «Закон совести»:
«нужно привести подростков к самим себе»**

Здесь источник социализации (тот, кто ведет подростка к себе) активизирует процесс индивидуальной когнитивно-ментальной перекодировки «сущностного Я» подростка. При этом он стремится гармонизировать его сознание, сформировать в нем ядро «самости» (самосознание) и закрепить в нем представление о том, что он (подросток) как личность уникален, неповторим, одарен и внутренне свободен [Богаченко 2015, 144].

Апеллируя к «самости» как к «символу целостности личности, которая достигается на стыке взаимодействий сознательного и бессознательного, как к цели человеческой жизни и двигателю самопознания и самосовершенствования» [Богаченко 2015, 141], источник социализации (П. В. Антонов) пытается скорректировать искаженное деструктивным воздействием «круга отчуждения» (само)восприятие и (само)оценку подростка. Другими словами, он пытается вернуть ему истинный образ самого себя. Именно поэтому П. В. Антонов каждый день перед общим ужином обращается к своим воспитанникам: «Друзья мои, пусть каждый из нас подумает о том, добром поступке, который он совершил сегодня. Или полезном поступке... Напряглись...», – давая понять, что путь возвращения к себе и к людям лежит не через исполнение «внешних» заданий (Антонов максимально сокращает дистанцию между собой и воспитанниками, устраняя страх и недоверие), а через активизацию самоанализа, который должен научить подростка самостоятельно объективно оценивать свои действия.

Значимость этого процесса обусловлена тем, что, попадая в «круг отчуждения», подросток теряет способность к адекватному (само)восприятию и (само)анализу. Он не способен провести конструктивную операцию внутреннего самоотождествления (достигнуть своей истинной «самости», гармонии внутреннего мира и внешней социокультурной среды). Он принимает себя не как себя, а как «Другого» в себе, который отрицается им же самим и не принимается внешним миром (обществом). Причем в роли «Другого» в данном случае выступает не сам субъект / социум, который, как ему кажется, его отрицает, а «круг отчуждения» (его разнообразные субъектно-ролевые проекции, деструктивные (асоциальные)

модели поведения и т.д.). Соответственно, псевдоконструктивная и псевдорезультативная операция «принятия себя» отождествляется с внутренним самоотрицанием. Подросток не может понять, что социум отрицает не его, а его деструктивный образ, отождествленный с «кругом отчуждения». В этот момент в сознании подростка формируется симулятивный образ «псевдосамости» (своеобразная ментальная форма реализации «круга отчуждения»), деструктивное воздействие которого «заставляет» подростка поверить в истинность симулятивной целостности, «гармоничности» своего «сущностного Я».

Принципиально, что в действительности этот образ подростку не принадлежит, а только приписывается ему «кругом отчуждения». Однако сам человек этого не осознает. Он воспринимает наличие «псевдосамости»-в-себе как своеобразный предельно автоматизированный импульс-катализатор когнитивно-ментальной «активности» своего сознания. В условиях блокировки самосознания подросток «теряет способность к настоящей внутренней активности, а также к способности к самоотжеству, что приводит к синдрому отчуждения» [Богаченко 2015, 142]. При этом (само)отчуждение / (само)отрицание постоянно нарастает и постепенно приобретает тотальный характер. Это закономерно приводит к тому, что подросток переходит из «круга отчуждения» в зону деструктивной активности КПП-4 «Закон антизакона» и встает на путь преступления. Однако даже этот «переход» (симуляция социокогнитивного роста личности) продолжает восприниматься подростком как высшая форма внутреннего единства с самим собой. В результате негативного воздействия «круга отчуждения» в сознании подростка формируется система деструктивных изменений. Выявление и нейтрализация этих симулятивных изменений определяет целевую направленность первой части КПП-1 «Закон совести» («нужно привести подростков к самим себе»).

Специфика второй части формулы КПП «Закон совести: «нужно вернуть подростков людям»

В рамках этой части формулы КПП-1 «Закон совести» источник социализации стремится активировать в сознании подростка механизм формирования социальной идентичности. С социологической точки зрения «идентичность представляет собой категорию, посредством которой приобретаются или усваиваются нормы, идеалы, ценности, роли и мораль представителей тех социальных групп,

к которым принадлежит данный индивид» [Гальчук 2017, 46]. Для этого подросток переводит свое «сущностное Я» в интерсубъективный режим функционирования, что позволяет приобщить и адаптировать объект социализации к условиям социокультурной среды на семиотико-знаковом (символическом) уровне [Богаченко 2015, 144].

Процесс символического взаимодействия с социумом (социокультурной средой) позволяет подростку найти (обрести) свою «самость», но уже не внутри себя, а в системе отношений «Я (субъект) – Другой (образ субъекта-социума-в-себе)». В результате в сознании объекта социализации формируется убеждение о том, что его личная идентичность может осуществиться в полном объеме только через процесс взаимодействия с «Другим» (социумом): «Личная идентичность всегда является не только знанием о собственной самотождественности (я есть я), но и знанием о том, что объединяет или отделяет меня (мое я) от других. Иными словами, ответить на вопрос “кто я?” невозможно без того, чтобы не ответить прежде на вопрос “кто мы?”» [Гальчук 2017, 48].

Ставя перед собой этот вопрос, подросток подсознательно трансформирует (обогащает) свою личную идентичность, наполняя ее новым когнитивно-ментальным содержанием. Личное в данном контексте начинает восприниматься как неотъемлемая часть социального. При этом взаимодействие личного и социального осуществляется по принципам: взаимоотражения; взаимодополнения; взаимокорректировки. Так активизируется процесс формирования социальной идентичности подростка. Его цель – «отождествление индивида с ожиданиями и нормами его социальной среды» [Гальчук 2017, 46].

Для источника социализации ключевое значение приобретает не сам факт активизации этого процесса, а специфика его реализации, точнее то, как подросток воспринимает и «переживает» формирование своей социальной идентичности в себе. Т.В. Шамовская, ссылаясь на исследования Дж. Мид, отмечает: «Социальная идентичность может быть принята как данность, механически и остаться неосознанной, а может подвергнуться рефлексии, быть соотнесенной с личностными характеристиками и стать структурным элементом личности» [Шамовская, 2010, 135]. Подчеркнем, что для обеспечения конструктивно-результативной реализации второй части формулы КПП-1 «Закон совести» («вернуть подростка людям») источник социализации сознательно отказывается от первого (рефлекторно-автоматизированного) способа формирования социальной идентичности. По мнению создателей фильма,

этот способ является деструктивным, так как «приятие социальной идентичности как данности» возможно только в двух случаях: когда она формируется в атмосфере морально-психологического давления на подростка, в условиях жесткого контроля со стороны источника социализации; когда когнитивно-ментальная (оценочно-аналитическая) активность «сущностного я» подростка полностью нейтрализована деструктивным воздействием со стороны «круга отчуждения», поэтому он автоматически (неосознанно) принимает то, что ему «предлагают» (навязывают).

Д. Асанова стремится сделать приобретенную социальную идентичность «структурным элементом личности» подростка. Для этого он не просто должен стать ее обладателем (носителем) – он должен провести ее ментально-рефлексивную персонификацию. Это позволит ему в полной мере реализовать конструктивный потенциал ключевой функции социальной идентичности и научиться «воздействовать и оценивать других членов социальной группы (социума) для своей самореализации и своего самовыражения» [Гальчук 2017, 46].

Однако подросток в деструктивном «круге отчуждения» не может адекватно (конструктивно) произвести ни одну из названных выше операций. Знание о том, что его объединяет с «Другим» / отделяет от «Другого», крайне нестабильно. В этих условиях доминирующей операцией становится позиция внутреннего тотального отрицания. Он не может найти внутри своего «сущностного Я», отождествленного с «псевдосамостью» (тотальным самоотчуждением, самоотрицанием), ни одного конструктивного компонента, объединяющего его с социокультурной средой. Он ощущает себя «социальным изгоем», место которого – «подворотня».

Именно поэтому каждая попытка ответить на вопрос «кто мы?» превращается в бессмысленную и симулятивную операцию самоотрицания. «Мы» для подростка – это не общество, которое, как ему кажется, отрицает его, а то, что должно быть от него отчуждено (изолировано) и уничтожено. Другими словами, «мы» (для подростка, попавшего в «круг отчуждения») – это асоциальная часть общества; «мы» – это «социальные изгои», разрушающие гармонию социокультурной среды. Именно как изгоев, которых необходимо «изолировать», и воспринимает «бунтарей» О. П. Куренной, тем самым укрепляя эту деструктивную модель: **«Куренной О. П.:** Паш, я все слышал... Молодец... Эти пять человек портят все... Паша, наконец-то ты все понял! <...> Их надо, к черту, отправить в зону <...> Я займусь ими, Паша, сейчас... **Антонов П. В.:** Стой! **Куренной О. П.:** Это надо делать сейчас... Поздно будет...»

В сложившихся условиях проведение конструктивной операции ментально-рефлексивной персонификации социальной идентичности существенно затруднено. Это обусловлено тем, что, находясь в зоне деструктивного воздействия «круга отчуждения», подросток не способен к проявлению «системной рефлексии» [Леонтьев, Осин 2014], основанной на принципе конструктивного внутреннего самодистанцирования. Отсутствие «системной рефлексии», точнее ее замена «дурным рефлексивным состоянием» – «квазирефлексией», приводит к следующему: во-первых, подросток не может «избирательно относиться к самому себе как к авторскому проекту, заботиться о себе и работать над собой» [Леонтьев, Осин 2014, 115–117]; во-вторых, он не способен занять определенную (объективную, адекватную) позицию по отношению к самому себе (своей социальной идентичности) / «Другому» (к определенной социальной группе / источнику этой идентичности); в-третьих, внутренняя «диспозиционность» не позволяет ему осуществить действия, направленные не только на самого себя (на персонификацию своей социальной идентичности), но и на других членов социальной группы. В данном случае речь идет о симуляции процессов самореализации и самовыражения подростка.

Для создателей картины «вернуть подростка людям» означает сформировать в нем гражданскую идентичность, [Безгина, 2013, 243]. Её формирование в сознании подростка в рамках кинотекста неразрывно связано с процессами гармонизации его «сущностного Я» / (формированием личной идентичности) и социализации (формированием социальной идентичности). При этом создатели картины убеждены в том, что «вернуть подростка людям» можно только в том случае, если он станет «полноправным гражданином» своей страны (то есть удастся «расшевелить гражданское чувство»). Понимание сущности термина «гражданин», на которое опираются авторы фильма, во многом совпадает с качественными характеристиками человека-гражданина в формулировке В. Т. Лисовского: «...мера усвоения личностью общечеловеческих, нравственно-гуманистических, национальных и других ценностей <...> преданность и глубина понимания подлинных обязанностей перед обществом и государством, способность к социально ответственному гражданскому поведению и деятельности» (цит. по: [Джаббаров 2011, 276]).

На наш взгляд, ключевой сценой кинотекста, в которой определяются доминантные (для авторов фильма) установки гражданского поведения / гражданской идентичности подростка, является фрагмент, в котором начальник лагеря П. В. Антонов собирает во-

круг себя всех своих воспитанников после того, как они устроили в лагере погром.

Здесь нужно обратить внимание на специфический способ репрезентации ключевых установок гражданского самосознания, актуализированных в пространстве картины. Д. Асанова утверждает их, указывая на их полное отсутствие в сознании воспитанников Антонова. Этот прием позволяет режиссеру не только обозначить доминантные качества человека-гражданина, которые еще только должны быть сформированы в сознании подростка, но и определить целевую направленность этой зоны реализации КПП-1 «Закон совести».

Исходя из содержания сцены «после погрома», «вернуть подростка людям» («расшевелить их гражданское чувство»), для авторов картины значит:

1) научить подростка уважать себя и других людей («Продались за бутылку водки!.. За пачку сигарет!..»);

2) научить подростка пресекать в «себе» / «другом» любые формы асоциального (преступного поведения) («Машину кирпича толкнули!..»);

3) научить подростков отвечать за свои поступки как перед собой, так и перед обществом («Нашли себе теплое местечко...»);

4) научить подростка ценить и уважать свой собственный труд и труд других людей («Хлеб топтать! А вы знаете, что такое хлеб?.. <...> Вы его сеяли?! Вы цену ему знаете?!»);

5) произвести внутреннюю социокогнитивную оценку статуса подростка («Трудные... Дармоеды!.. Животные...»);

6) научить подростка жить и работать на пользу общества и страны («Какую пользу вы можете принести стране?! Какую?!»).

Создание условий для личностного становления

В кинотексте Д. Асановой «любить» значит понимать, чувствовать, сопереживать, поддерживать, направлять. «Любить» значит создавать максимально комфортные условия для когнитивно-ментального роста личности подростка. Речь идет не о физическом, а о психоэмоциональном комфорте.

Воспитанники спортивно-трудового лагеря, которым руководит Антонов, занимаются тяжелым физическим трудом. Они ломают амбар, скирдуют сено, пропалывают свеклу, разгружают вагоны с химикатами и т.д. Ключевой установкой является следующий принцип: «Что заработаем, то едим». Труд – один из инструмен-

тов социализации личности, но не основной ее источник. Именно поэтому, когда перед руководителем лагеря встает вопрос – отпустить или не отпустить одного из воспитанников (Сашу Белоусова) на несколько дней в город к матери, которая освободилась из мест заключения и хочет встретиться с сыном, Антонов сам настаивает на том, чтобы эта встреча состоялась.

Сцена 1: «**Антонов П. В.:** Мать приехала. Знаешь? **Белоусов Саша:** Знаю... **Антонов П. В.:** Не хочешь ее увидеть? **Саша:** Не хочу... **Антонов П. В.:** Собирайся, поедешь в город! **Саша:** Не поеду... **Антонов П. В.:** Надо, Саша! **Саша:** А работать? **Антонов П. В.:** Ну ладно насчет работы. Как-нибудь обойдемся!»

Сцена 2: «**Антонов П. В.:** Саша, мать ждет... Не соскучился? (*Саша молчит*) **Антонов П. В.:** Думаешь, завтра приедет? (*Саша молчит, утвердительно кивает головой*)».

Руководитель лагеря прекрасно осознает: возможность наладить отношения с матерью – это исключительная возможность для подростка. Если она будет успешно реализована, то Саша не просто сможет преодолеть «круг отчуждения» (КПП-3 «Закон отчуждения»), но и активировать процесс конструктивной социализации «в себе».

Повторная актуализация данной темы (сцена 2) очень важна. Саша обижен на мать. Он прямо говорит о том, что не хочет ее видеть. Однако, несмотря на это, очевидно, что он любит и ждет ее. На второй вопрос («Думаешь, завтра приедет?») он отвечает молчанием, но утвердительно кивает головой. Обида не дает ему проявить свои истинные чувства. Ему страшно, что он снова может быть отвергнут, поэтому он стремится защитит себя, создавая иллюзию полного безразличия.

Антонов чувствует внутреннее напряжение подростка и старается предельно корректно подвести его к правильному решению, которое тот должен принять сам. Первой фразой: «Саша, мать ждет...» – Антонов пытается показать, что мать так же, как и сам Саша, хочет этой встречи. Когнитивный код «ждет» в данном контексте ассоциативно соотносится с такими понятиями, как «скучает», «переживает», «любит», «просит прощения». Антонов стремится вернуть Саше веру в материнскую любовь. Задавая подростку первый вопрос («Не соскучился?»), Антонов не ждет честного прямого ответа. Здесь важен не формальный автоматический ответ, а то, какие чувства вызовет этот вопрос.

В данном случае он выполняет функцию резонирующего инструмента, активизирующего в сознании подростка особое кон-

структивное напряжение. Внешняя реакция Саши на этот вопрос вполне ожидаема. Он отрицательно качает головой, – однако в то же самое время начинает осознавать, как сильно он скучает по матери. Внутреннее напряжение, появление которого спровоцировал вопрос-резонатор, приводит к переосмыслению. Вопрос «не соскучился ли Саша по матери?» приобретает для него новую форму: «не соскучилась ли мать по нему?». И опять здесь важен не ответ. Переадресация вопроса является самостоятельным конструктивным когнитивно-ментальным действием подростка, доказывающим, что его внутренняя связь с матерью не прервана и может быть восстановлена.

Далее Антонов задает второй вопрос: «Думаешь, завтра придет?» Этот вопрос условно можно назвать «контрольным». Он так же, как и первый, обладает резонирующей функцией. Важно, что, отвечая на него, Саша продолжает молчать, – это знак блокировки автоматической рефлекторной отрицательной реакции и знак внутренней работы сознания подростка.

После долгого молчания Саша утвердительно качает головой: несмотря ни на что, он ждет мать и готов на конструктивный диалог с ней. Доказательством этого является разговор с бабушкой, которая приехала к Саше в лагерь в день посещения: «**Саша:** А что мама не приехала? **Бабушка Саши Белоусова:** Да пьет она опять... Ты же знаешь...». Мы видим, что мать к Саше так и не приехала. Однако в рамках этого варианта программы (КПП-1 «Закон совести») принципиальное значение приобретает не фактический результат – безразличие и пьянство матери (КПП-3 «Закон отчуждения»), а то, что Саша, несмотря ни на что, продолжает любить ее.

Вербальная фиксация когнитивно-ментальной формулы КПП-1 «Закон совести» производится в одной из ключевых сцен фильма. Журналист беседует с начальником лагеря (см. ранее цитированную сцену о необходимости «будить» даже таких, как «подонок» Зайцев). Именно так, пытаясь «разбудить сердце», П. Антонов стремится удержать и закрепить чувство любви к матери в сознании Саши Белоусова.

Труд же в лагере превращается в некий аналог спортивного соревнования, в котором каждый отряд хочет оказаться первым (победить). По результатам рабочего дня каждому отряду начисляется определенное количество очков. Так руководители лагеря стимулируют внутренний интерес подростков к труду и формируют в них чувство товарищества, равно как честности и ответственности. Д. Асанова понимает, что «трудотерапия» только тогда эффектив-

на, когда объект социализации чувствует себя внутренне свободным. При этом внутренняя агрессия и страх потери своей внутренней свободы нейтрализуются. Эти состояния обретают новый конструктивный когнитивно-ментальный статус и становятся частью органического, естественного процесса внутреннего самопреодоления.

Заключение

Образная формулировка КПП-1 «Закон совести» – «нужно разбудить сердце» – имеет два субъектно-ролевых вектора реализации («разбудить сердца родителей»; «разбудить сердце подростка, попавшего в круг отчуждения»). Векторы взаимосвязаны, но при этом возможно два основных ракурса реализации: индивидуально-персонологический (когда невозможно «разбудить сердца родителей») и комплексный. Десоциализированный и отчужденный подросток не способен к адекватной оценке своих и чужих поступков, поэтому первостепенной задачей является научить его уважению (к себе и другим) и ответственности за свои поступки. В свете неотъемлемой двусоставности концептуальной формулы данной КПП («вернуть подростка самому себе»; «привести подростка к людям») формируется система целевых установок КПП, становящихся действиями: отказ от силового давления, демонстрация равенства и равнодушия, апелляция к «голосу совести» (побуждение к ответственному самоанализу), разрыв или трансформация искаженных социальных связей, ставка на формирование гражданской идентичности.

Процесс целеполагания является одним из ключевых механизмов трансформации субъекта / программы (в лице ее носителя), и мы можем назвать три целевых катализатора действия, соответствующих ракурсам концептуально-смысловой формулы КПП «Закон совести» («разбудить сердце подростка» = «привести его к самому себе» + «вернуть его людям»). Каждый из этих катализаторов – «разбудить»; «привести»; «вернуть» – «отвечает» за реализацию трех основных процессов, определяющих целевой вектор реализации КПП «Закон совести». Данные векторы: изменение базовых когнитивно-ментальных подсистем сознания «деструктивного» (в силу воздействия «негативных» КПП) подростка; формирование в сознании такого подростка конструктивной идентичности – личной, социальной и гражданской; по возможности полная блокировка воздействия на подростка деструктивно-манипулятивных программ, позволяющая закрепить воспитательный эффект.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреева 2009 – *Андреева Г. М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2009.
- Анисимова 1992 – *Анисимова Е. Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизо-ванных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71–79.
- Бабунова 2008 – *Бабунова Е. С.* Личность как социально-психологический феномен в контексте культуры детства // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 13. С. 147–155.
- Безгина 2013 – *Безгина Н. В.* Психологическая структура гражданской идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 241–249.
- Богаченко 2015 – *Богаченко В. В.* «Самость» как атрибут целостности субъекта социального действия и ее социокультурные уровни формирования // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. 2015. № 5 (178). С. 140–145.
- Гальчук 2017 – *Гальчук Д. С.* Понятие «идентичность личности» // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 5. С. 44–51.
- Джаббаров 2011 – *Джаббаров В. Х.* Генезис научных представлений о понятии «Гражданин» // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 2-2. С. 272–277.
- Дюркгейм 1996 – *Дюркгейм Э.* Социология образования. М.: ИНТОР, 1996.
- Жабский 1987 – *Жабский М. И.* Кино и массы : (проблемы социокультурного взаимодействия). М.: Знание, 1987.
- Жабский 2013 – *Жабский М. И.* Механизмы социальной организации кинопроцесса // Кино и коллективная идентичность / под общ. ред. М. И. Жабского. М.: ВГИК, 2013. С. 12–47.
- Иванов 2019а – *Иванов Д. И.* Моделирование кинотекста: система статусно-ролевых политических маркеров // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 298–319.
- Иванов 2019б – *Иванов Д. И.* Теория когнитивно-прагматических программ / Гуандунский университет международных исследований (Китай). Иваново: ПресСто, 2019.
- Иванов 2020 – *Иванов Д. И.* «Долг» советского человека: опыт реконструкции понятия (на материале кинотекста) // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 105–114.
- Ильин 2017 – *Ильин Е. П.* Психология совести: вина, стыд, раскаяние. СПб.: Питер, 2017.

- Ковалева 2004 – Ковалева А. И. Социализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 139–147.
- Кон 1989 – Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.
- Кон 1998 – Кон И. С. Ребенок и общество. М.: Просвещение, 1998.
- Леонтьев, Осин 2014 – Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «Хорошая» и «Дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 110–135.
- Мкртычева 2012 – Мкртычева М. С. Кино как предмет социологического изучения: возможности и перспективы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 113–118.
- Русина 2019 – Русина Ю. А. История советского кино. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019.
- Слышкин, Евремова 2004 – Слышкин Г. Г., Евремова М. А. Кино-текст : (опыт лингво-культурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004.
- Тард 2011 – Тард Г. Законы подражания. М.: Академический проект, 2011.
- Фрейд 2007 – Фрейд З. Психология бессознательного. М.: АСТ-Хранитель, 2007.
- Шамовская 2010 – Шамовская Т. В. Условия и механизмы формирования и развития социальной идентичности личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 3. С. 133–138.

REFERENCES

- Andreeva, G. M. (2009). *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Aspekt Press.
- Anisimova, E. E. (1992). Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannykh i gibridnykh tekstov) [Paralinguistics and text (on the problem of creolized and hybrid texts)]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1, 71–79.
- Babunova, E. S. (2008). Lichnost' kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen v kontekste kul'tury detstva [A person as a socio-psychological phenomenon in the context of childhood culture]. *Sibirskiy pedagogicheskii zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*, 13, 147–155.
- Bezgina, N. V. (2013). Psikhologicheskaya struktura grazhdanskoy identichnosti [Psychological structure of civil identity]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki – Proceedings of the Tula State University. Humanities*, 3-1, 241–249.

- Bogachenko, V. V. (2015). "Samost'" kak atribut tselostnosti sub"ekta sotsial'nogo deystviya i ee sotsiokul'turnye urovni formirovaniya ["Self" as an attribute of the integrity of the subject of social action and its socio-cultural levels of formation]. *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya – Proceedings of BSTU. Series 6: History, Philosophy*, 5(178), 140–145.
- Durkheim, E. (1996). *Education and Sociology*. INTOR.
- Dzhabbarov, V. Kh. (2011). Genesis of scientific ideas about the concept of "Citizen". *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2–2, 272–277. (In Russian).
- Freud, S. (2007). *Psychology of the unconscious*. AST-Khranitel'.
- Gal'chuk, D. S. (2017). Ponyatie "Identichnost' lichnosti" [The concept of "Identity of the individual"]. *Vestnik BGU – Bulletin of the Buryat State University*, 5, 44–51.
- Il'in, E. P. (2017). *Psikhologiya sovesti: vina, styd, raskayanie* [Psychology of conscience: guilt, shame, remorse]. Piter.
- Ivanov, D. I. (2019a). Modeling of screen text: the system status and role of political markers. *Kritika i semiotika – Criticism and Semiotics*, 1, 298–319. (In Russian).
- Ivanov, D. I. (2019b). *Teoriya kognitivno-pragmaticheskikh programm* [Theory of cognitive-pragmatic programs]. PresSto.
- Ivanov, D. I. (2020). "The Duty" of the Soviet man: the experience of reconstruction of the concept (on the material of kinotext). *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2, 105–114. (In Russian).
- Kon, I. S. (1989). *Psikhologiya ranney yunosti* [Psychology of early youth]. Prosveshchenie.
- Kon, I. S. (1998). *Rebenok i obshchestvo* [The child and society]. Prosveshchenie.
- Kovaleva, A. I. (2004). *Socialization. Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*, 1, 139–147. (In Russian).
- Leont'ev, D. A., & Osin, E. N. (2014). Reflection "Good" and "Bad": from an explanatory model to differential diagnosis. *Psikhologiya. Zhurnal VshE – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 4, 110–135. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 14.02.2022

Материал поступил в редакцию после рецензирования 29.11.2022

**ТРАДИЦИОННАЯ КАЗАХСКАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ ОСНОВА
КОНЦЕПТА «ДОМ» В АСПЕКТЕ ВИЗУАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ**

Ж. Н. Шайгозова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Алматы, Казахстан
zanna_73@mail.ru

А. Б. Наурзбаева

Казахская национальная консерватория имени Курмангазы,
Алматы, Казахстан
naurzbaeva_a@mail.ru

Л. И. Нехвядович

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
lar.nex@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках проекта Министерства науки
и высшего образования Республики Казахстан АР09259280
«Языки казахской культуры как основа этнической идентичности:
семиотика и семантика».

Существует достаточно исследований, доказывающих, что дом в традиционной культуре в любом его воплощении – деревянном, каменном или войлочном – один из символически сложных элементов культуры, концептуально наполненный мифологически вселенским смыслом.

В казахской натурфилософии понятие «дом» наполнено значением, отразившимся в выражении «тал бесиктен жер бесикке дейин». Смысловой перевод передает представление о том, что жизненный цикл человека заключен между детской колыбелью и колыбелью земли, то есть местом погребения, сакрально означенным в казахской традиционной культуре. Тем самым от рождения до смерти человек пребывает в «доме» как духовно-ментальной конструкции, где первой земной обителью представляется детская колыбель – бесик, далее жилой дом – кииз уй (юрта), и последнее его пристанище – мавзолей (мазар). Символически означенные «дома» предстают как части единой цепи жизненного мира человека.

Гипотезой настоящего исследования является предположение о том, что условная символическая триада «колыбель – жилой дом – место захоронения» в традиционной казахской культуре представляет собой систему взаимосвязанных визуальных знаков.

Выдвинутая гипотеза определила цель и задачи данного исследования, которые заключаются в изучении особенностей визуальных знаков казахской колыбели – бесик, кииз уй (юрты) и мавзолея (места захоронения) как семиотических подсистем единого концепта «дом».

Ключевые слова: визуальные знаки, колыбель, юрта, мавзолеев, казахи, произведение искусства, визуальная семиотика, коммуникации

**TRADITIONAL KAZAKH ARTISTIC AND SYMBOLIC BASIS
OF THE CONCEPT "HOME" IN THE ASPECT
OF VISUAL SEMIOTICS**

Zhanerke N. Shaygozova

Abai National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan
zanna_73@mail.ru

Almira B. Naurzbaeva

Kurmangazy Kazakh National Conservatory, Almaty,
Republic of Kazakhstan
naurzbaeva_a@mail.ru

Larisa I. Nekhvyadovich

Altai State University, Barnaul, Russian Federation
lar.nex@yandex.ru

As we know, "home" is among the basic archetypes of culture, interpreted as a sign of mastered space and time, as well as the symbolically signified centre of human existence. Therefore, in this aspect, "home" has an infinite potential as an object of research. Thus, studies of «home» in traditional culture in any of its material incarnations – wooden, stone, or felt – concur in the view that it represents one of the symbolically complex elements of culture, conceptually filled with a mythologically universal meaning. This article is dedicated to the study of "home" in the traditional culture of the Kazakhs, the peculiarity of which is a stable legacy of a nomadic civilization. The idea of Tengri as the all-encompassing supreme heavenly god and the nomadic way of life substantiated the specificity of the traditional Kazakh mentality, characterized by a peculiar worldview – the awareness of one's self in unity with the Universe. The Kazakhs perceived their dwelling with the family as a certain conventional point in unity with the infinity of the universe, accentuated the sacralised in a three-part vertical spatial projection. Therefore, the research focuses on the object-visual elements of "home" – the dwelling of a person in its three ontologically significant and symbolically signified manifestations: cradle – yurt – burial place. Thus, from birth to death a person stays in the "home" as a spiritual-mental structure, where the first earthly abode is a child's cradle – besik, then the dwelling house – kiiz ui (yurt), and the last abode is the mausoleum (mazar). Symbolically, these "homes" are seen as parts of a single chain of the human lifeworld. Hence the choice of spatial semiotics approaches with access to the techniques of visual semiotics is conditioned. The hypothesis of the present study is the assumption that the conditional symbolic triad, cra-

dle – dwelling house – burial place, in the traditional Kazakh culture is a system of interconnected visual signs. The first element belongs to the sphere of Heaven; the second to the Middle World, the world of the “living”; and the third to the Lower World, which is emphasised by design features and ways of decorating the interiors of Kazakh mausoleums. This hypothesis defined the aim and objectives of this research, which are to study the features of visual signs of the Kazakh cradle – besik, kiiz ui (yurt), and mausoleum (burial place) as semiotic subsystems of the single concept “home”.

Keywords: visual signs, cradle, yurt, mausoleum, Kazakhs, work of art, visual semiotics, communication

DOI 10.23951/2312-7899-2023-2-30-49

Введение: концепт «дом» как семиотическая единица

Визуальные (изобразительные) формы коммуникации как предмет научного анализа и богатый источник информации в последние годы все чаще привлекают внимание семиологов, культурологов, искусствоведов и других представителей гуманитарных наук. Появились целые научные направления, такие как «визуальная антропология», «визуальная семиотика», «визуальная социология» и т.п., и все их объединяет методологический «стержень»: изучаемый объект рассматривается как текст. Разнообразие интересов этих научных направлений предметно безгранично: от изучения семиотических знаков в рекламе туризма [Lourenção, Giraldi, Oliveira 2020], контента семиотического анализа визуальных кодов этикеток вин Бордо [Celhay, Rемаud 2018] до роли семиотики в изучении архитектуры [Pane, Fachrudin, Fibriasari 2018] и многое другое.

В свою очередь, семантика дома как целостного объекта на примере традиционных культур была изучена М. Элиаде [Элиаде 2000], А. Байбуриным [Байбурин 1983], М. Ю. Лотманом [Лотман 1996], Г. Башляр [Башляр 2004], Т. В. Цивьян [Цивьян 1978] и рядом других исследователей, раскрывших космогонические представления о доме как Центре Вселенной. Знаковые функции дома изучались и отечественными семиологами [Галиев, Баткалова, Югай 2016]. Ими подчеркивалось, что дом является своего рода моделью, структурирующей не только пространство, но и социум [Галиев, Баткалова, Югай 2016, 73].

Из сравнительно недавних исследований внимание привлекает ряд работ, посвященных сакральной топике русского города как визуально-семиотического пространства [Аванесов 2017], интер-

претации архетипа дома в фильмографии А. Тарковского, который в одном случае выступает как символический образ человечества, а в другом – как символ личности [Дульгеру 2014]. Не менее интересна для настоящего исследования работа О. Н. Болотниковой [Болотникова 2016], посвященная анализу гоголевской мифопоэтики дома в контексте восточнославянской обрядовой культуры. Современные исследователи делают акцент на различных визуально-коммуникационных аспектах концепта «дом». Безусловно, этот ряд может быть дополнен семиотическими исследованиями визуальных знаков традиционной казахской культуры.

В основание нашего исследования положен семиотический подход в изучении концепта «дом» в казахской культуре через рассмотрение его визуальных атрибутов. Колыбель, юрту и мавзолей можно «расшифровать» посредством принципов визуальной семиотики как структуры единой системы традиционных представлений о бытии человека, как части сакрального пространства и эстетической картины мира.

Методология исследования вытекает из поставленных задач и ориентирована на семиотический, структурно-функциональный и сравнительный подходы. «Дом» как концепт рассматривается через систему визуальных знаков-символов, что позволяет анализировать их художественную ценность в системе эстетико-символических традиций в семиотическом ключе. Исследование опирается на так называемые «ядерные» семиотические системы культуры казахов: тенгрианскую модель мира, космологические мифы и их сакральные и в целом устойчивые этнические принципы кодирования пространства и времени.

Материалом для анализа выступили полевые исследования авторов статьи по изучению фондов РЭМ и МАЭ (2019–2021), ряда краеведческих музеев Казахстана, этнографической коллекции Сержана Баширова (2021), зарисовок с оригиналов росписей мавзолеев Западного Казахстана, сделанных Алмасом Ордабаевым (2017), а также фотографии Татьяны Крупы (2019).

Детская колыбель как «первый дом»

Практически во всех культурах мира детская колыбель, как и казахский бесик, считается первым домом человека, к ее изготовлению и практике использования относились с большим трепетом, что связано с определенными запретами-табу, приметами, обрядами и обычаями.

Работу по изготовлению деталей и сборке конструкции традиционно выполняют мужчины, а текстильное убранство изготавливается женщинами. Мужчины-мастера стремились изготавливать колыбель из ценных пород дерева, олицетворявших священное Мировое древо – Байтерек – и отличавшихся прекрасными технологическими свойствами (крепкость, гибкость и т.д.). У некоторых народов Центральной Азии, к примеру у туркмен, древесина, из которой изготавливают колыбель, должна отличаться не только крепостью, но и долголетием – качествами, которые по законам магии передавались ребенку [Ботякова, Ботякова 1998], а в Южном Хорезме перекладину колыбели вырезали исключительно из плодового дерева [Фирштейн 1978], что связано с культом плодородия. Аналогичные воззрения относятся и к выбору материала для изготовления дома (строительство дома из глины и т.д.), что неоднократно упоминается в этнографической литературе.

Смысл «дома» находит свое выражение и в оформлении колыбели. В отличие от узбекского бешик, таджикской гахворы казахский бесик не отличается богатством декора¹. Об этом свидетельствуют изученные этнографические образцы колыбелей из фонда РЭМ: 8764–17179 № 39 – альбом рисунков В. Н. Плотникова; фонд МАЭ – колыбели на фотографиях С. М. Дудина и др. Между тем на фотографии женщины с бесиком 1930-х годов, сделанной Д. Багаевым в Павлодарской области (Центральный Государственный архив Республики Казахстан), представлена колыбель, где на дугообразных планках видны чередующиеся в равной удаленности узоробразные засечки. Эти узоры, вероятнее всего, символизируют смену дня и ночи, жизни и смерти и т.д.

Космологические представления находят отражение в художественном оформлении люльки эвенков. На одном из таких экземпляров [Старостина 2009] из фонда Якутского государственного музея изображены три орнаментальные дуги, которые соотносятся с трехуровневой моделью мира (Верхний, Средний и Нижний миры). Привлекают внимание росписи на колыбелях славянских народов, сюжеты которых передают пожелания радостной и полной жизни или доброе напутствие младенцу, а в качестве визуальных оберегов вступают образы райских птиц, фантастических цветов, крепких деревьев и др.

¹ Вероятнее всего, бесики, инкрустированные резьбой, костью, металлом и т.д., существовали в казахской культуре. Но, к сожалению, нам они неизвестны: скудный фонд артефактов детской культуры объясняется суевериями.

На колыбелях узбеков и таджиков (фонды РЭМ: 13019-10; 10866-18 и др.) орнаментом покрывались все видимые части. Борты и дугообразные планки украшались различными сочетаниями геометрического и растительного орнамента. Чаще всего встречаются мотивы треугольника (тумарша), зигзагообразные линии (су) и т.д. Особое внимание привлекает художественное оформление перекладки колыбели, которая оформлялась чередующимися яркими полосами красного, зеленого, желтого и других цветов. Это многоцветье соотносится с концептом «ала» – пестрый, разноцветный, яркий, содержащий идею пожелания яркой и насыщенной жизни младенцу. Подобные колыбели бесик встречаются в Южном Казахстане.

Интересные сведения о взаимосвязи концепта «ала» и детской колыбели встречаются у А. Союновой [Союнова 1987]. В конструкции туркменской колыбели длинные веревки, называемые аладжа йуп – пестрая веревка, плетутся из ниток контрастного цвета, чаще всего черного и белого. По версии ученого, «узорная черно-белая веревка в колыбельном комплексе напоминает змею и, возможно, связана с образом змеи. К тому же в числе амулетов-оберегов, навешиваемых на колыбель, можно встретить и змеиную голову» [Ботякова, Ботякова 1998, 74]. Специалисты не раз обращали внимание на существование в Средней Азии с древнейших времен культа змеи, образ которой несет в себе «идею плодородия и является существенным атрибутом иконографии женского божества», «связан с космогоническим началом, с представлением о “бесконечности времени”» [Беленицкий, Мешкерис 1986, 27], а также это хтоническое существо, связанное с подземным миром.

Нарядный вид колыбели придавали фетиши-обереги, которые навязывались на перекладину. Это могли быть яркие бусы, пучок из перьев филина / совы, волчий клык и т.д. Встречаются амулеты в виде «тумар» (треугольник с изречениями из Корана), куска шкуры с перьями утки-атайки, лап беркута, когтя медведя, куска медвежьей шерсти, волос яка, хвоста лисицы, головы филина и др. Яркие узоры, висящие предметы-фетиши (подобие современной погремушки) фокусировали внимание ребенка.

Шить текстильное убранство колыбели неизменно начинали в «хороший день». Например, у таджичек это был четверг или понедельник. Первые стежки сопровождалась пожеланиями ребенку долгой жизни: «Пусть твоя жизнь будет долгой, боже, стежки (узелки) выпадут, то есть нитки швов от времени порвутся» [Абрамзон 1949, 125].

Одеяльца, подушки, повязки, которыми ребенок привязывается к колыбели, украшали орнаментами, повторявшими образы фе-

тишей-амулетов, что было отмечено еще С. М. Абрамзоном: «...в прошлом им приписывались те же свойства и функции оберегов, которыми якобы обладали вышеназванные предметы» [Абрамзон 1949, 123]. У казахов колыбельные повязки чаще всего оформлялись в лоскутной технике (комбинации треугольков-гумаров, звезд или других геометрических фигур), они шивались из жыртыс – ритуальных лоскутов, полученных на похоронах знатных людей или долгожителей. Богато украшалось и детское одеяло, накрывавшее колыбель, символически служившее своеобразной границей «своего» и «чужого».

Дом-колыбель во всех предметных и не предметных смыслах призван «защищать» своего владельца, а составляющие его художественный образ знаки-символы, как «сообщения», формируют, закрепляют и передают опыт культурной идентичности и являются элементами системы коммуникативных связей в данном сообществе.

Юрта как художественный микромир

Конструктивное разделение юрты на три уровня, согласно тенгрианскому мирозданию, достаточно полно представлено в трудах А. Каирбековой [Каирбекова 2005], Э. Шакеновой [Шакенова 1993] и ряда других ученых. Художественные особенности оформления интерьера юрты, помимо эстетической значимости, являются и средством «описания» ее ментальной конструкции (вертикальный и горизонтальный план).

Верх (верхний ярус) – это всегда возрастание, богатство, благополучие, плодородие. Поэтому этот ярус юрты (купол) оформлялся как модель небосвода. Шанырак в Западном Казахстане до сих пор выкрашивается в голубой цвет (цвет Неба), а свисающие ворсовые и безворсовые баскуры и уық бау с несколькими рядами узлов и кистей из разноцветных шерстяных нитей создают иллюзию звездного неба и призваны отгонять злых духов. Если смотреть снизу вверх на купол юрты с висящими разнообразными лентами-бау, перед взором встает практически такая же картина, какую видит ребенок в колыбели с висящими фетишами. Многие баскуры воспроизводят различные варианты узора «Мировое дерево», солярные символы, обыгранные народными мастерицами в ярких сочетаниях белого, красного, насыщенного коричневого, бордо и других цветов.

Шанырак юрты можно назвать «солнечным окном», которое, как и всякое окно, по А. К. Байбурину, связано с миром таких косми-

ческих явлений и процессов, как солнце (луна), стороны света, чередование света и тьмы, дня и ночи, зимы и лета и т.п. [Байбурун 1983, 140]. Космическую вертикаль моделирует бакан – шест для поднятия шанырака и его фиксации, призванный соединять миры: Верхний, Срединный и Нижний.

В зоне Срединного мира юрты располагаются мебель, настенные ковры и другие текстильные изделия. Практически все пространство этого уровня подчеркивает жизненную энергию, выраженную в богатстве орнамента и цвета, в основном доминирующего и жизнеутверждающего красного. Этот цвет в тюркской культуре ассоциируется с жизнью, огнем, солнцем, молодостью, мощью.

Композиция всех видов ковров полна охранной символики – иттабан («след собаки»), алакурт («пестрая гусеница»), ормекши («паук»), тумарша («оберег»), корган («защита»), жыланбас («змеиная голова») и т.д., а также благопожеланий в виде различных модификаций древнейшего символа фарна, удачи и богатства – рогообразных завитков: космуйиз («парные рога»), сыныкмуииз («сломаный рог») и др. В целом казахский ковер (ворсовый и безворсовый) – это целый космос, со звездами, планетами, сценами жизни и т.д., его можно читать, как книгу. Например, треугольник – это не только оберег-тумарша, но и женское начало, а часто встречающиеся ромбы – символ плодородия. Многочисленные треугольники и ромбы, вытканые на коврах, – ничто иное как пожелание потомства и продления рода. Волнистые или ломаные линии обозначают воду – символ жизни, круги – бесконечность мира, Вселенной, пишет А. Р. Каирбекова [Каирбекова 2005, 49].

В интерьере юрты ковровым композициям вторит декор деревянной мебели – сундуков (сандык), асадала, кровати и т.д. Их украшение резьбой, инкрустирование костью и другие способы декорирования словно оживляют громадный мир кочевника, бесконечно разнообразный и вечно живой. Это акцентируется самой формой юрты, где взор, не спотыкаясь об углы, идет по кругу, презентуя «мир как безмерность» [Шакенова 1993, 92]. В этом художественном космосе сама круговая форма юрты и круговые линии орнамента говорят «...о неторопливо, округло текущем времени... передают движение времени, жизни и сам мир, неизменный и вечный по представлениям кочевников», – пишет К. Нурланова [Нурланова 1993, 226].

Центр всей композиции Срединного мира – очаг (огонь) как проекция жизни, символ жизни, благополучия, достатка. От порога по центру проходит мнимая граница между мужским

и женским пространством. На мужской стороне располагаются чисто мужские атрибуты – седла, оружие, уздечки и т.п., а на женской – домашняя утварь, посуда, колыбель и др. Атрибуты этих «сторон» оформляются узорами / декором, характеризующими их назначение.

Подобным образом и дверь юрты с ее конструктивными элементами представляет собой эстетически преобразованную семиотическую проекцию трехчастной вертикали: притолока может быть соотнесена с Верхним миром, дверь и боковые стенки дверной рамы – со Средним, порог – с Нижним миром. В пользу этого прочтения говорит и то, что каждый элемент двери декорируется специфическим образом, то есть языком знаков определенной локальной зоны того или иного ритуала, символически соответствующего своему пространственному миру.

В зоне Нижнего мира (пол как нижняя граница жилого пространства) расстилаются сырмак, текемет и алаша, которые метафорически призваны закрывать собой земные «провалы, отверстия, трещины, пути в подземный мир» [Каирбекова 2005, 48]. Следует отметить, что в тюркском фольклоре популярен образ старухи-кемпир, латающей прореху земли, чтобы туда не провалились люди или оттуда не поступала энергия подземного мира.

Идея космического союза двух противоположностей – мужчины и женщины, дня и ночи, светлого и темного (позитив–негатив) и т.д. – как символика жизни и смерти отражена в сырмаках. Границы внешнего и внутреннего миров (темного и светлого) в этом виде постилочного ковра фиксируются красным шнуром, символическим цветом жизни. В текемете же, наоборот, темное и светлое перемежаются, что создает «ощущение проницаемости всех элементов мира друг для друга» [Барманкулова 2008, 60].

Алаша представляют собой ковры, сшитые из разноцветных тканых полос. Такое разноцветье, вобравшее в себя все краски земли, – это отражение всего многообразия окружающего мира, где колористические сочетания контрастирующих цветов – черного, зеленого, желтого, красного, белого и т.д., по мнению А. Р. Каирбековой, – яркое живописное полотно, созданное руками женщины и дающее положительный жизнеутверждающий заряд [Каирбекова 2005, 49]. Думается, что столь яркий декор «низа» и его сакральный смысл передают стремление минимизировать его губительное влияние на живущих в юрте – представителей Среднего мира.

Мавзолей как «дом мертвых» и зеркальное подобие Земного

Идея вечного умирания и воскрешения, представления о последнем пристанище как вечном доме, сооруженном наподобие земного, находят свое отражение в мавзолеях (казахских мазарах). Примером служат мазары, входящие в комплекс Мавзолея Исабека Ишана (Экибастузский регион, Прииртышье). Эти погребальные конструкции возведены в виде одноэтажных жилых домов с двухскатной крышей, дверью и побеленными стенами (ил. 1). Пожалуй, единственное их отличие от жилых домов – отсутствие окон, а также полумесяц на крыше и надгробный камень.

Древнейшие образцы «домов мертвых» (домовины) встречаются в раннее Средневековье у финно-угорских и позднее – у славянских народов (Звенигород, Рязань, Карелия и другие регионы) [Богуславский 2003, 370], что соотносится с космогоническими представлениями, в соответствии с которыми умершие и там живут в домах. А «духи предков подобны реальным людям... Они нуждаются в еде и питье, действуют так же, как и живые» [Богуславский 2003, 375].

В свою очередь, археология Казахстана демонстрирует множество примеров идентичности колыбели и могильных конструкций на ранних этапах истории. «Все крупные могильные конструкции по харак-

Ил. 1. Места захоронения в комплексе «Мавзолей Исабек Ишана». Фотография Т. Крупы. (Личный архив Т. Крупа)

теру и форме сооружения напоминают “бесик”, что, вероятно, связано с религиозными представлениями древнего населения о Смерти как акте перерождения в ином, загробном мире» [Горячев, Потапов, Чернов 2021, 25]. В некоторых случаях погребальная камера даже умышленно повторяет конструкцию детской колыбели, считают ученые.

Тождественность юрты и казахстанских купольных мавзолеев была отмечена рядом исследователей [Маргулан 1947; Герасимов 1957; Маргулан 1986; Ибраева 1994 и др.]. Наиболее детально этот вопрос был рассмотрен К. Ибраевой [Ибраева 1994], которая определяет ряд признаков их идентичности: место перегиба (место перехода барабана к скупье) идентично с местом тканой полосы, соединяющей купольные жерди юрты с нижней конструкцией; идентичность верхних частей купола и юрты; перемычка над проемом на входе в мавзолей, как и в юрте.

А. Медоев, анализируя одну из мечетей Мангыстау, пишет, что идея купола в монументальной архитектуре продиктована конструкцией свода юрты и воплощена вплоть до имитации отверстия наверху юрты (шанырак) путем включения круглого солнечного окна в центр свода [Медоев 1993, 257]. Можно наблюдать и некоторое сходство интерьера юрты и мавзолея.

Исследуя один из древнейших мавзолеев Центрального Казахстана докараханидского периода Домбаул (VIII–IX века), Г. Герасимов отмечает его сходство с юртой по форме и ориентации входа на юг. Ученый пишет: «Своеобразная примитивная внешняя форма мавзолея, напоминающая юрту, вызвана была, с одной стороны, состоянием строительной техники, а с другой – господствовавшей в тогдешнем обществе идеологией шаманизма, по которой загробная жизнь “духа” покойника должна быть подобна земной» [Герасимов 1957, 7].

Наблюдается и художественное оформление стен и сводов ряда купольных мавзолеев росписями, повторяющими внутреннее убранство юрты. Для росписей казахские мастера, как правило, использовали минеральные красители, а саму роспись выполняли на гладкой поверхности пиленого камня (в основном Западный Казахстан) или на отштукатуренной и забеленной поверхности стен.

Многоцветные росписи встречаются на таких мавзолеях, как Нарзбай (Улытауский район, Торткара), Кулсары (низовья Эмбы), Сырлы-там, Сырлы-там II в долине Джиланчик Тургайской степи, на некрополе Коркут-Ата (Сырдарья) [Маргулан 1986, 77], а также на Мангыстау и Устюрте – некрополь Караман-Ата, некрополь Камысбай и др., которые в основном датируются XIX – началом XX века. По мнению А. Х. Маргулана, самой древней из них явля-

ется роспись на большой надгробной плите в одном из мавзолеев г. Жезказган (к сожалению, автор не указывает, в каком именно мавзолее). Роспись выполнена клеевыми красками. На плите изображены воин и его конь. Созданные вопреки предписаниям ислама, эти образы отражают пережитки древних верований, сохранившихся у казахов [Маргулан 1986, 77]. Разумеется, сюжеты с воинами, конями, сценами из военных походов принадлежат погребениям мужчин, вероятнее всего, прославившихся в ратном деле.

А. Х. Маргулан пишет и о росписях трех мавзолеев в Жамбульской области (Байтымбет, Жантай и Ак-Тепе), первые два из которых возведены в середине XIX века, а последний – в начале XX века [Маргулан 1986]. Отожествляя эти росписи с композицией баскуров юрты, ученый указывает на сюжетные картины (караван верблюдов, сцены охоты, летний аул с жеребятами на привязи, всадники в военных доспехах, отдельные предметы утвари, одежда, украшения и т.д.). Каждая роспись «считывается» как символическая метафора. К примеру, караван может означать течение жизни, джайляу – пасторальный рай, всадники-воины – доблесть, честь и т.д.

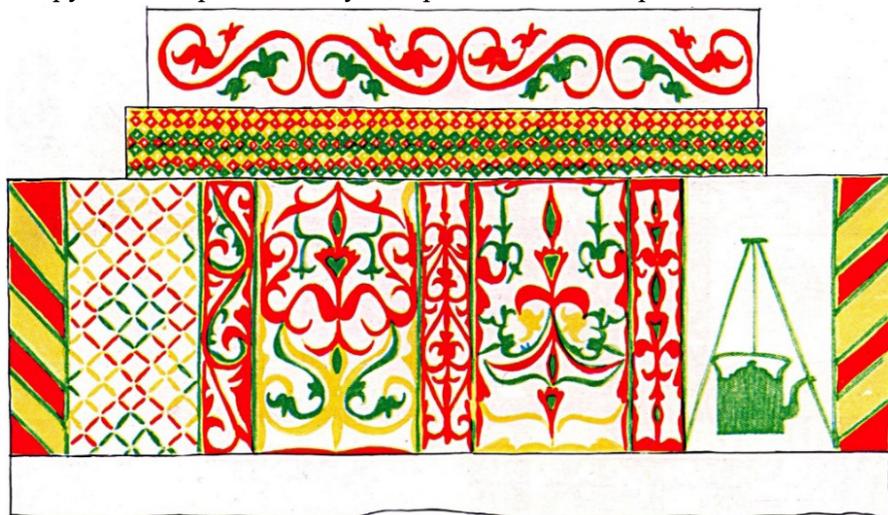
Практически полная имитация интерьера юрты встречается в мавзолее Жантая (Меркенский район, Жамбульская область), свод которого покрыт фресками. Основной сюжет росписи – большой караван, идущий справа налево. Сама композиция отличается многоцветностью и чистыми красками: первый и последний верблюды и три лошади изображены синим, остальные верблюды – желтым, дикие козлы – зеленым цветом, а попоны на верблюдах – красным. Вероятнее всего, по замыслу художника, цвет каждого «участника» этого ритуального шествия играет определенную роль. И само направление каравана справа налево носит символическое значение. Скорее всего, движение каравана влево – движение в Царство мертвых, поскольку правая – это сторона Живых, юга и востока.

Сюжеты исследуемых фресок, по меткому замечанию А. Х. Маргулана, «совершенно одинаковые по стилю», встречаются на ковриках-асмалдыках, которыми покрывались верблюды из свадебного каравана невесты. Думается, что схожесть сюжетов погребальных сооружений и декора текстиля свадебного каравана имеет вполне логическое объяснение. В традиционных представлениях невеста, покидая отчий дом, «умирает» для своего рода и «воскрешается» в новом статусе – жены и будущей матери в роду своего мужа. Эта тема более детально рассмотрена в статье, посвященной сравнительному анализу свадебной обрядности казахов и финно-угорских народов [Наурызбаева, Шайгозова, Кульсариева 2021].

Анализируя интерьерные росписи мавзолеев Западного Казахстана, К. Ибраева отмечает, что орнаментальные композиции, представляющие собой изображения в широкой полосе (ил. 2, 3) и опоясывающие по периметру все помещение, конструктивно расположены на условных местах кызыл-баскура [Ибраева 1994]. Иногда выше него находится акбаскур (парадный), имеющий, как правило, свободную композицию в виде вьющегося стебля.

Орнаменты в виде вьющихся стеблей, их переплетений и пальметты (жауказын) – популярные мотивы казахского искусства, они несут идеи вечного обновления и возрождения жизни, единства, развития и взаимосвязи. «Они представлены великим множеством вариантов древовидных композиций, построенных на вертикальной оси симметрии, сеточными орнаментами, центрическими композициями» [Ибраева 1994, 37]. Любая древовидная композиция в произведениях искусства, думается, отражает представления о Мировом древе, соединяющем небесную, земную и подземную сферы в единое целое.

Среди богатого орнаментального сюжета росписей встречаются некоторые знаки-символы, выполненные в условно-плоскостной манере: самовары с чайником и чашками, сапоги, туфли, музыкальный инструмент – домбра, камча, оружие, ювелирные украшения и др., то есть предметы или вещи, которые служили человеку при жизни, что обусловлено верой в одушевленность всего сущего. Вместе с этим изображаемый предметный мир представляет собой проекцию знаков, их символические смыслы: обувь означает Путь, музыкальный инструмент – проекция звука, пронзающего миры и т.п.

Ил. 2. Росписи в интерьерах мавзолеев Мангыстау.
Фото и прорисовка А. Ордабаева. (Личный архив А. Ордабаева)

Ил. 3. Росписи в интерьерах мавзолеев Мангыстау.
Фото и прорисовка А. Ордабаева. (Личный архив А. Ордабаева)

Согласно А. Медоеву, в некоторых росписях наблюдаются нарочитость, нарушение композиции декора (по сравнению с юртой), что является «проявлением модернизации за счет новейших профессиональных влияний» [Медоев 1993, 263]. Всевозможные деформации, сдвиги, разрывы и разломы в изображении, уравнивания или гиперболизация размеров, отклонения от прямой перспективы и прочее (любое отклонение от оригинала – в данном случае декора юрты) можно также рассматривать как прием, «рисующий» мир наоборот, т.е. зазеркалье – загробный мир. Нарочитое искажение (перемещение) элементов (орнаментов) в росписи следует понимать как знаки «инакового» мира.

Заключение

Архетипический конструкт «дома» в традиционном представлении кочевого казахского народа вписан в общую картину мира, является частью этой картины и несет в себе все его основные системные элементы. Условно членимая трехчастная модель «колыбель–юрта–мавзолеев» соотносима с тенгрианской трехсферной вертикальной картиной мира (небесная, земная и подземная): колыбель – небесная (если вспомнить тот факт, что до 40 дней младенец – существо двух миров, и в целом представление о детях как об ангелах); земная обитель – юрта; подземная – мавзолеев (место захоронения).

Каждое из художественных воплощений «дома» оперирует соответствующими знаками-символами, как отмечалось, различными изобразительными средствами, которые отвечают правилам прагматики. Визуальные акценты, оказавшиеся в центре внимания данного исследования, безусловно, не в полной мере охватывают весь комплекс вопросов, связанных с идеей о своеобразии символических основ концепта «дом» в традиционных представлениях казахов. Сделаны первые шаги в осмыслении основного вопроса о трехчастной модели концепта «дом» в традиционном казахском мировоззрении, картине мира и перспективах практики визуальной семиотики. Гипотеза, выдвинутая в работе, предполагает дальнейшие шаги в поисках новых подходов, расширении предметного видения изучаемого объекта в ключе семиотических подходов.

В целом семиосфера дома кочевых тюрков неоднородна: она представляет собой различные неравномерные семиотические подсистемы, где в качестве ядерных структур выступают элементы сакрально означенного пространства. В частности, представляется перспективным рассмотрение семиосферы казахской (кииз уй) и киргизской (боз уй) юрты с акцентом на собственно этническом назывании жилища, поскольку в подобном ключе они могут рассматриваться в качестве концептов «степного знания» как целостной знаковой системы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамзон 1949 – *Абрамзон С. М.* Рождение и детство киргизского ребенка (из обычаев и обрядов тяньшанских киргизов) // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1949. № 12. С. 78–138.
- Аванесов 2017 – *Аванесов С. С.* Сакральная топика русского города (4). Интерьер софийского собора: семантика ворот // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. Вып. 3 (13). С. 45–70.
- Байбурун 1983 – *Байбурун А. К.* Жилища в обрядах и представлениях восточных славян. Л. : Наука, 1983. 192 с.
- Барманкулова 2008 – *Барманкулова Б.* Владимир Стерлигов в России и в Казахстане // Консул. 2008. № 4 (15). С. 58–60.
- Башляр 2004 – *Башляр Г.* Избранное: поэтика пространства. М. : Рос. полит. энцикл., 2004. 376 с.
- Беленицкий, Мешкерис 1986 – *Беленицкий А. М., Мешкерис В. А.* Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии // Советская археология. 1986. № 3. С. 16–27.

- Богуславский 2003 – *Богуславский В. В.* Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия. М. : Олма-Пресс, 2003. Т. 1: А–М. 784 с.
- Болотникова 2016 – *Болотникова О. Н.* Дом, дверь и окно в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя и восточнославянская семиотика жилища // *Имагология и компаративистика*. 2016. № 1. С. 153–175.
- Ботякова, Ботякова 1998 – *Ботякова Ю. М., Ботякова О. А.* Раннее детство в представлениях, обычаях и обрядах туркмен // *Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа*, СПб. : МАЭ РАН, 1998. С. 51–84.
- Галиев, Баткалова, Югай 2016 – *Галиев А., Баткалова К., Югай М.* Модель мира японской культуры // *Вестник КазНУ. Сер. востоковедения*. 2016. № 1 (76). С. 70–74.
- Герасимов 1957 – *Герасимов Г. Г.* Архитектурные памятники долины реки Кара-Кенгир. Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1957. 54 с.
- Горячев, Потапов, Чернов 2021 – *Горячев А. А., Потапов С. А., Чернов М. А.* Погребальный комплекс эпохи бронзы урочища Тесик // *Вопросы археологии*. 2021. № 1. С. 10–33.
- Дульгеру 2014 – *Дульгеру Е. Д.* Сакральное в киноискусстве Андрея Тарковского. Архетип дома // *ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики*. 2014. Вып. 2 (2). С. 88–100.
- Ибраева 1994 – *Ибраева К.* Казахский орнамент. Алматы : Онер, 1994. 128 с.
- Каирбекова 2005 – *Каирбекова А. Р.* Узор алаши ложится как стих... (о казахских тканых коврах) // *Деловой Усть-Каменогорск*. 2005. № 6. С. 48–49.
- Лотман 1996 – *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера–история. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Маргулан 1947 – *Маргулан А. Х.* Архитектурные памятники в долине р. Кенгир // *Вестник Академии наук КазССР*. 1947. № 11. С. 62–71.
- Маргулан 1986 – *Маргулан А. Х.* Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата : Онер, 1986. Т. 1. 256 с.
- Медоев 1993 – *Медоев А.* Камень и эстетика номадов // *Кочевники. Эстетика: познание мира казахским искусством*. Алматы : Гылым, 1993.
- Наурызбаева, Шайгозова, Кульсариева 2021 – *Наурызбаева А. Б., Шайгозова Ж. Н., Кульсариева С. П.* Финно-угорский и тюркский ритуал инициации невесты: общее и специфическое в традиционных сакральных знаниях поиски аналогий (на примере обских угров и казахов) // *Вестник угроведения*. 2021. Т. 11, № 2. С. 388–397.

- Нурланова 1993 – Нурланова К. Символика мира в традиционном искусстве казахов // Кочевники. Эстетика: познание мира казахским искусством. Алматы : Гылым, 1993.
- Союнова 1987 – Союнова А. Колыбель в обрядах и верованиях туркмен // Материалы по исторической этнографии туркмен. Ашхабад : Наука, 1987. С. 71–83.
- Старостина 2009 – Старостина Т. Г. Детская люлька эвенков // Тальцы. 2009. № 1. С. 35–39.
- Фирштейн 1978 – Фирштейн Л. А. О некоторых обычаях и поверьях, связанных с рождением и воспитанием ребёнка у узбеков Южного Хорезма // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М. : Наука, 1978. С. 189–206.
- Цивьян 1978 – Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Семиотика культуры: труды по знаковым системам. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1978. С. 65–85.
- Шакенова 1993 – Шакенова Э. Художественное освоение мира // Кочевники. Эстетика: познание мира казахским искусством. Алматы : Гылым, 1993. С. 62–94.
- Элиаде 2000 – Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. М. : Ладомир, 2000. 414 с.
- Celhay, Remaud 2018 – *Celhay F., Remaud H.* What does your wine label mean to consumers? A semiotic investigation of Bordeaux wine visual codes // *Food Quality and Preference*. 2018. Vol. 65. P. 129–145. doi: 10.1016/j.foodqual.2017.10.020
- Lourenção, Giraldi, Oliveira 2020 – *Lourenção M., Giraldi J. M. E., de Oliveira J. H. C.* Destination advertisement semiotic signs: Analysing tourists' visual attention and perceived ad effectiveness // *Annals of Tourism Research*. 2020. Vol. 84. doi: 10.1016/j.annals.2020.103001
- Pane, Fachrudin, Fibriasari 2018 – *Pane I. F., Fachrudin H. T., Fibriasari H.* The Role of Semiotics in Reviewing Architecture // *Proceedings of the International Conference of Science, Technology, Engineering, Environmental and Ramification Researches*. 2018. P. 307–311.

REFERENCES

- Abramzon, S. M. (1949). Rozhdenie i detstvo kirgizskogo rebenka (iz obyчаev i obryadov tyan'shanskikh kirgizov) [Birth and childhood of a Kyrgyz child (from the customs and rituals of the Tien Shan Kirghiz)]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*, 12, 78–138.

- Avanesov, S. S. (2017). Sacred topics of Russian cities (4). Interior of the saint Sophia cathedral: Semantics of gate. *ПРАΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki (ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics)*, 3(13), 45–70. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2017-3-45-70> (In Russian).
- Barmankulova, B. (2008). Vladimir Sterligov v Rossii i v Kazakhstane [Vladimir Sterligov in Russia and Kazakhstan]. *Konsul*, 4(15), 58–60.
- Bashlyar, G. (2004). *Izbrannoe: Poetika prostranstva* [Selected works: Poetics of space]. Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Bayburin, A. K. (1983). *Zhilishcha v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwellings in the rituals and ideas of the Eastern Slavs]. Nauka.
- Belenitskiy, A. M., & Meshkeris, V. A. (1986). *Zmei-drakony v drevnem iskusstve Sredney Azii* [Dragon snakes in the ancient art of Central Asia]. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, 16–27.
- Boguslavskiy, V. V. (2003). *Slavyanskaya entsiklopediya: Kievskaya Rus' – Moskoviya* [Slavic Encyclopedia: Kievan Rus – Muscovy] (vol. 1, pp. 370–375). Olma-Press.
- Bolotnikova, O. N. (2016). House, door and window in Gogol's Evenings on a Farm near Dikanka and semiotics of the Eastern Slavic house. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*, 1, 153–175. [10.17223/24099554/5/9](https://doi.org/10.17223/24099554/5/9) (In Russian).
- Botyakova, Yu. M., & Botyakova, O. A. (1998). Rannee detstvo v predstavleniyakh, obychayakh i obryadakh turkmen [Early childhood in the ideas, customs and rituals of the Turkmen]. In *Detstvo v traditsionnoy kul'ture narodov Sredney Azii, Kazakhstana i Kavkaza* [Childhood in the traditional culture of the peoples of Central Asia, Kazakhstan, and the Caucasus] (pp. 51–84). MAE RAS.
- Celhay, F., & Remaud, H. (2018). What does your wine label mean to consumers? A semiotic investigation of Bordeaux wine visual codes. *Food Quality and Preference*, 65, 129–145. <https://doi.org/10.1016/j.foodqual.2017.10.020>
- Dul'geru, E. D. (2014). The sacred in the films of andrei tarkovsky. The archetype of the house. *ПРАΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 2(2), 88–100. (In Russian).
- Eliade, M. (2000). *Izbrannye sochineniya: Mif o vechnom vozvrashchenii. Obrazy i simvolyy. Svyashchennoe i mirskoe* [Selected Writings: The Myth of the Eternal Return. Images and symbols. Sacred and mundane]. Ladomir.
- Firshteyn, L. A. (1978). O nekotorykh obychayakh i pover'yakh, svyazannykh s rozhdeniem i vospitaniem rebenka u uzbekov Yuzhnogo Khorezma [On some customs and beliefs associated with the birth

- and upbringing of a child among the Uzbeks of South Khorezm]. In G. P. Snesev (Ed.), *Sem'ya i semeynye obryady u narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [Family and family rituals among the peoples of Central Asia and Kazakhstan] (pp. 189–206). Nauka.
- Galiev, A., Batkalova, K., & Yugay, M. (2016). Model' mira yaponskoy kul'tury [Model of the world of Japanese culture]. *Vestnik KazNU. Seriya vostokovedeniya*, 1(76), 70–74.
- Gerasimov, G. G. (1957). *Arkhitekturnye pamyatniki doliny reki Kara-Kengir* [Architectural monuments of the Kara-Kengir river valley]. Academy of Sciences of the Kazakh SSR.
- Goryachev, A. A., Potapov, S. A., & Chernov, M. A. (2021). Funeral complex of Bronze age of the Tesik tract. *Voprosy arkheologii – Kazakhstan Archeology*, 1(11), 9–34. <https://doi.org/10.52967/akz2021.1.11.9.34> (In Russian).
- Ibraeva, K. (1994). *Kazakhskiy ornament* [Kazakh ornament]. Æner.
- Kairbekova, A. R. (2005). Uzor alashi lozhitsya kak stikh... (o kazakhskiy tkannykh kovrakh) [The alasha pattern lays down like a verse ... (about Kazakh woven carpets)]. *Delovoy Ust'-Kamenogorsk*, 6, 48–49.
- Lotman, Yu. M. (1996). *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Yazyki russkoy kul'tury.
- Lourenço, M., Giraldo, J. M. E., & de Oliveira, J. H. C. (2020). Destination advertisement semiotic signs: Analysing tourists' visual attention and perceived ad effectiveness. *Annals of Tourism Research*, 84. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.103001>
- Margulan, A. Kh. (1947). *Arkhitekturnye pamyatniki v doline r. Kengir* [Architectural monuments in the Kengir river valley]. *Vestnik Akademii nauk KazSSR*, 11, 62–71.
- Margulan, A. Kh. (1986). *Kazakhskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo* [Architectural monuments in the Kengir river valley] (vol. 1). Æner.
- Medoev, A. (1993). Kamen' i estetika nomadov [Stone and aesthetics of nomads]. In M. M. Auezov, & M. M. Karataev (Eds.), *Kochevnik. Estetika: Poznanie mira kazakhskim iskusstvom* [Nomads. Aesthetics: Knowledge of the world by Kazakh art]. Gylym.
- Naurzbaeva, A. B., Shaygozova, Zh. N., & Kul'sarieva, S. P. (2021). Finno-Ugric and Turkic ritual of initiation of a bride: the common and specific in traditional sacred knowledge (on the example of the Ob Ugrians and Kazakh peoples). *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*, 11(2), 388–397. (In Russian).
- Nurlanova, K. (1993). Simvolika mira v traditsionnom iskusstve kazakhov [Peace symbols in the traditional art of the Kazakhs]. In

- M. M. Auezov, & M. M. Karataev (Eds.), *Kochevniki. Estetika: Poznanie mira kazakhskim iskusstvom* [Nomads. Aesthetics: Knowledge of the world by Kazakh art]. Gylym.
- Pane, I. F., Fachrudin, H. T., & Fibriasari, H. (2018). The Role of Semiotics in Reviewing Architecture. In *Proceedings of the International Conference of Science, Technology, Engineering, Environmental and Ramification Researches* (pp. 307–311). ICOSTEERR.
- Shakenova, E. (1993). Khudozhestvennoe osvoenie mira [Artistic exploration of the world]. In M. M. Auezov, & M. M. Karataev (Eds.), *Kochevniki. Estetika: Poznanie mira kazakhskim iskusstvom* [Nomads. Aesthetics: Knowledge of the world by Kazakh art] (pp. 62–94). Gylym.
- Soyunova, A. (1987). Kolybel' v obryadakh i verovaniyakh turkmen [Cradle in the rituals and beliefs of the Turkmen]. In *Materialy po istoricheskoy etnografii turkmen* [Materials on the historical ethnography of the Turkmen] (pp. 71–83). Nauka.
- Starostina, T. G. (2009). *Detskaya lyul'ka evenkov* [Evenk baby cradle]. *Tal'tsy*, 1, 35–39.
- Tsiv'yan, T. V. (1978). Dom v fol'klornoy modeli mira (na materiale balkanskikh zagadok) [Home in the folklore model of the world (on the basis of Balkan riddles)]. In A. Maltz (Ed.), *Semiotika kul'tury: trudy po znakovym sistemam* [Semiotics of culture: works on sign systems] (is. 10, pp. 65–85), Tartu University.

Материал поступил в редакцию 19.04.2022

Материал поступил в редакцию после рецензирования 04.12.2022

ТИПОГРАФИКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНДЕКС: СОВЕТСКИЙ ЛАНДШАФТ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

В. Е. Чернявская

Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Россия
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, Калининград, Россия
chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-18-00591
«Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система
смыслообразования» в Балтийском федеральном университете
им. И. Канта.

В рамках статьи обсуждаются типографика знака и типографский дизайн сообщения. Типографика рассматривается как социальный индекс, то есть особого рода прагматическое, социальное значение, возникающее на основе индексальных связей знака и характерного контекста его использования. Значимо, что форма знака распознается и используется в связи с активностью человека в социальном контексте и изучается в связи с типографической идеологией. Теоретико-методологические основания анализа созданы разработками в области мультимодальной социальной семиотики, социальной индексальности знака, опираются на объяснительные подходы в социолингвистике, лингвистической антропологии, дискурсивном анализе, в рамках нового направления лингвистического анализа, сформированного как типографическая лингвистика. Исследовательский вопрос в проведенном анализе связан с изучением того, как типографика становится неотделимой от социального контекста, в котором она воспринимается как типичная и порождающая определенные социально значимые смыслы. Анализ показывает, что типографика может становиться социальной эмблемой. В статье раскрываются объяснительные возможности понятия «ландшафт», которое в современных разработках используется для обозначения пространства, социально и дискурсивно сформированного. Это ключевое понятие для характеристики мультимодальной природы семиотического пространства. В перспективе социолингвистики, социальной семиотики обсуждаются понятия «семиотический ландшафт», «визуальный ландшафт», «типиграфический ландшафт», которые используются в современных разработках, и их объяснительный потенциал.

Социальное значение типографики и ее индексальный характер анализируются в связи с ее включенностью в советский ландшафт в современном российском контексте. Термином «советский ландшафт» обозначается мультимодальное пространство, в котором взаимодействуют различные семиотические ресурсы, вербальные и визуальные знаки, тек-

сты, визуальные изображения, символы, отсылающие к социокультурным практикам и (само)идентификации человека в советском социуме. Основным объектом анализа в рамках статьи являются типографика и текстовый шрифт, характерные для советского периода и распознаваемые как таковые социальными акторами. Материалом для анализа послужили мультимодальные тексты, состоящие из вербальных и визуальных знаков, используемые в современной российской социокультурной практике при создании рекламных, социальных и коммерческих сообщений. Показывается, как советская ностальгия и актуальность советских смыслов порождают социальную индексальность знака и типографическое значение как особый социальный индекс. Проведенный анализ подтверждает, что типографика имеет прецедентный характер, действует как один из семиотических инструментов оформления и распознавания смысла в социокультурной практике.

Ключевые слова: ландшафт, мультимодальность, социолингвистика, социальное значение, советский ландшафт, типографическое значение, типографическая лингвистика

TYPOGRAPHY AS SOCIAL INDEX: SOVIET LANDSCAPE IN THE MODERN RUSSIAN DISCOURSE

Valeria E. Chernyavskaya

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg,
Russian Federation

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
chernyavskaya_ve@spbstu.ru

This paper suggests a focus on the typography and the typographic design of the text. Typography is considered as a semiotic resource with a meaning-making potential. It may act as social index proving links to contexts and social environments in which these links become crucial for social actors. The paper argues that typographic forms reveal ideological ascriptions. These can be discussed as graphic ideologies or ideologies of graphics, which means a set of beliefs about the socially significant meaning of graphic variants. The theoretical and methodological foundations of the analysis are found in the modern investigations in social semiotics, multimodality, social indexicality, and thus are in line with explanatory approaches in sociolinguistics, linguistic anthropology, discourse analysis, typographic linguistics. The sociolinguistic theory and typographic linguistics provide a social meaning of visual signs or, in a more narrow sense, typographic meaning. This is a kind of pragmatic meaning, arising from the indexical links of the visual sign to the social context of its use. In this framework, the explanatory charge of the concept of

landscape is revealed, which attracted many scholars to denote a multimodal, socially and discursively shaped space, both in the sense of a cultivated environment and also as ideological sites. The notion of landscape involves signs, situation, social actors and ideologies. Therefore, the concepts of semiotic landscape, visual landscape, typographic landscape, which are identified in modern researches, are discussed. The paper shows that typographic landscapes as semiotic products with a social meaning are framed and evaluated in a dynamic way. Typographic meaning is an interpretive phenomenon that derives from the communicative knowledge of interlocutors and is a result of an interactive ascription within a socially embedded practice. The research question is related to the study of how typography becomes, in Agha's terms, a social emblem. It is investigated in connection with the Soviet landscape in the modern Russian urban context. The term "Soviet landscape" refers to a multimodal space in which various semiotic resources, verbal and visual signs, texts, visual images, symbols refer to the sociocultural practices and (self)identification of a person in the former Soviet society. The main object of the suggested analysis within this framework is the Soviet type, characteristic for the Soviet newspapers and framed as such by social actors in the modern context. The analysis is based on multimodal texts used in modern Russian socio-cultural practice when creating advertising, social, and commercial messages. Dealing with landscapes reveals how Soviet nostalgia and the relevance of Soviet meanings give rise to the social indexicality of the sign and to the typographic meaning as a special social index. The analysis shows that typography has a precedent nature, acts as one of the semiotic tools for meaning making in socio-cultural practice.

Keywords: landscape, multimodality, sociolinguistics, social meaning, Soviet landscape, typographic meaning, typographic linguistics

DOI 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73

Введение

В современном российском дискурсе тема советского прошлого остается привлекательной. Советскость не растворилась в постсоветской реальности, но существует в ней. Это прослеживается и в культуре повседневности, и на идентификационно-символическом уровне. Изменения в политических и экономических условиях общества не равнозначны изменениям всех его составляющих и не влекут немедленного изменения в культурном, социальном самоопределении членов общества, в том, что называется социально-антропологическими основаниями. Используются понятия «советский проект», «феномен советскости», «индекс ностальгии по СССР» [Зубкова 2019].

Феномен постсоветской ностальгии выражается разными способами: как винтажная мода на советский стиль в одежде и мебели, многочисленные ретросериалы, игра с электронной советской музыкой (направление *sovietwave*), через использование мотивов советской типографики в современном дизайне [Абрамов 2019, 110]. Считается, что ностальгия по советскому присуща в первую очередь людям среднего и старшего поколения, при этом игры с образами советского прошлого характерны и для молодежной аудитории, проявляющей интерес к такому дизайну, стилю, музыке. Открыты музеи советского быта, возникают экспозиции по воспоминаниям о советских поколениях. Образ советского прошлого окрашен в основном положительно. Так, в Казани и Санкт-Петербурге существуют музеи социалистического быта, заявляемая цель которых – «не показать достижения советского периода, а вызвать у людей тёплые воспоминания и положительные эмоции»¹.

Исследователи отмечают, что советская ностальгия – не политическая программа, которая может сплачивать граждан современной России вокруг отчетливых идей и концепций и направлять их к определенным действиям или решениям. В большей степени это аморфная мифология, в которой современный человек пытается восполнить свои эмоциональные дефициты и запросы на социальную справедливость, предсказуемость, молодость. Люди ностальгируют не по историческому Советскому Союзу, но по мифу о жизни в идеализированном СССР, где все было «дешево», «стабильно» и «для народа». Это характерная ретро-утопия о советской эпохе, которая романтизирует и идеализирует прошлое. И одновременно она является выражением общего социального тренда, в том числе и в западноевропейских государствах, который изучается как ретромания.

Так, публикация в газете «Ведомости» в марте 2020 года отражает результаты исследования о воспроизводстве памяти о Советском Союзе в российском общественном дискурсе. Реакция респондентов на выражение «советская эпоха» такова: о стабильности и уверенности в завтрашнем дне думают 16%, о хорошей жизни в стране – 15%, о личной жизни, детстве, молодости, родителях – 11%. Негативные оценки возникают реже: о дефиците, очередях вспоминали 4% опрошенных, о железном занавесе, застое и репрессиях – по 1%. В целом положительные характеристики советскому времени дают 76% респондентов, нейтральные – 38%, а отрицательные – 7% (сумма более 100%, так как некоторые респонденты давали разные

¹ См.: Музей социалистического быта. Санкт-Петербург. URL: <https://sovietlife.spb.ru/ru/главная> (дата обращения: 01.09.2022).

оценки). При этом «вернуться на путь, которым двигался Советский Союз», согласны лишь 28% респондентов, большинство же выступают за «собственный, особый путь» России (58%)².

Позитивные эмоции в массовом сознании по отношению к позднему советскому периоду, называемому эпохой застоя, проанализированы в ряде современных исследований. Эмпирические данные показывают, что ностальгические настроения по советскому основаны преимущественно на мифе о социальной солидарности, социальных гарантиях, бесплатной медицине, образовании и жилье. При этом возврат в советское прошлое, даже гипотетически, не рассматривается большинством опрошенных респондентов [Абрамов 2019, 118]. Также очевидно, что в коллективной памяти «тоска по державе уступает место тоске по смыслам» [Зубкова 2019, 5], то есть по своей личной истории, пережитому, бытованию, досугу.

В такой проекции специалисты говорят о необходимости профессионального ответа на «ностальгический вызов», то есть на изучение познавательного потенциала ностальгических настроений [Зубкова 2019, 6]. Профессиональный ответ заключается, очевидно, в предлагаемых объяснительных концепциях и методах исследования – социологических, демографических, исторических, которые позволяют отчетливо артикулировать исследовательский вопрос и основной инструментарий для его решения.

В этом дисциплинарном ряду, предлагающем объяснительные подходы, стоят лингвистическая антропология, социальная семиотика, социолингвистика на ее современном уровне как социолингвистика третьей волны. Методологически эти науки объединены сегодня изучением вопросов социальной индексальности, порождения социального значения и социально значимых смыслов.

В рамках статьи вопросы *социальной индексальности* обсуждаются в связи с *типографикой знака и типографским дизайном сообщения*. Значимо, как форма знака распознается и используются в связи с активностью человека в социальном контексте. Исследовательский вопрос связан с изучением того, как типографика получает свой «социальный голос» и становится неотделимой от социального контекста, в котором она воспринимается как типичная и порождающая определенные социально значимые смыслы. Материалом для анализа послужили тексты, используемые в российской социокультурной практике при создании рекламных, социальных и ком-

² См.: Три четверти россиян считают советскую эпоху лучшей в истории страны. Но возвращения в СССР хотят менее трети опрошенных // Ведомости. 2020. 24 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (дата обращения: 01.09.2022).

мерческих сообщений. Проанализированные тексты понимаются как мультимодальные, состоящие из семиотически разнородных ресурсов – вербальных и визуальных.

Методология и принципы анализа

Анализ опирается на теоретико-методологические основания, которые созданы, во-первых, разработками в области мультимодальной социальной семиотики и, во-вторых, концепциями социальной индексальности знака, ставшими влиятельными объяснительными подходами в социолингвистике, лингвистической антропологии [Agha 2007; Blommaert 2005; 2013; Silverstein 1979; Spitzmuller 2015; Spitzmuller 2021; Молодыхенко, Чернявская 2022; Чернявская 2021б]. Ключевым понятием для анализа становится понятие «ландшафт».

Термин *ландшафт* (*Landscape*) стал одним из центральных понятий в социальной семиотике, социолингвистике. Это образ окружающей среды, способы ее символической репрезентации. Термин образован как метафора на основе аналогии. Понятие *ландшафт* отсылает к двум ключевым признакам – это окружающая человека среда и это возделанное, культивируемое пространство. *Ландшафт* обозначает пространство, которое социально и, значит, дискурсивно сформировано, то есть включает в себя представления о должном, приемлемом, характерном. Это идеологически нагруженное пространство реализации властных отношений и контроля в обществе [Blommaert 2013, 3].

Исследовательское внимание к понятию *ландшафт* было методологически подготовлено теориями и практикой дискурсивного анализа и визуальным поворотом в гуманитарном знании вообще и в науке о языке в частности. Ключевое значение имеет признание принципиальной *мультимодальной* природы человеческой коммуникации, в которой слово взаимодействует и сосуществует с иными семиотическими кодами и каналами передачи смысла [Kress, van Leeuwen 1996, 34]³. Этот принцип был эксплицитно выражен в работе G. Kress, T. van Leeuwen “Reading images. The grammar of visual design” 1996 года и получил осмысление и детализацию в последующих исследованиях [Kress, van Leeuwen 2001; Kress 2010].

В 1998 г. британский лингвист Д. Кристал использовал термин *типографическая лингвистика* [Crystal 1998], указав при этом на ряд

³ В оригинале “Language is moving from its former, unchallenged role as the medium of communication, to a role as one medium of communication”.

факторов, препятствующих действительному развитию этого междисциплинарного направления в 1980–1990-е годы. Главной причиной, почему лингвисты до определенного времени игнорировали типографский дизайн, была логоцентрическая доминанта в лингвистике, признание языка приоритетным кодом и каналом для выражения и оформления смыслов. Признание мультимодального характера коммуникации изменило такие теоретические представления. Сегодня мы наблюдаем динамику в исследовательских подходах и переход от представлений о типографике как *terra incognita* к рассмотрению ее как одного из центральных ресурсов для выражения смыслов. Термин *ландшафт* вывел исследователей к новому понятию для обозначения мультимодальной природы семиотического пространства. *Ландшафт* обозначает сложную конфигурацию семиотических ресурсов разного рода, создающую смыслы, которые воспринимаются и интерпретируются социальными акторами. В качестве объектов изучения сложились *семиотический ландшафт* (*semiotic landscape*), *визуальный ландшафт* (*visual landscape*), *типографический ландшафт* (*typographic landscape*) [Backhaus 2007; Daniels, Cosgrove 1988; Gorter 2013; Huebner 2016].

В такой перспективе типографика становится одним из объектов лингвистики, если признать, что для лингвистики существенны вопросы о том, как мы выражаем значения, эксплицитно или латентно. В связи с типографикой интерес вызывает именно вариативность в использовании ресурсов, которая способна продемонстрировать изменения в значении знака, распознаваемые в интеракционном взаимодействии субъектов. И поэтому термин *типографический ландшафт* стал востребованным и даже «модным», как определил эту тенденцию Ю. Шпицмюллер [Spitzmüller 2015], именно в современной социолингвистике, где вариативность в смыслообразовании является центральным объектом изучения. Сложилась особая исследовательская практика изучения семиотизации социального контекста.

Термин *советский ландшафт* используется здесь для обозначения мультимодального коммуникативного пространства, в котором взаимодействуют различные семиотические ресурсы – вербальные и визуальные знаки, тексты, визуальные изображения, символы, отсылающие к социокультурным практикам и (само)идентификации человека в советском социуме.

Объяснительные возможности понятия *ландшафт* в операциональном анализе определяются его составляющими. В представленном выше понимании *ландшафт* включает в себя: 1) знаки; 2) ситуацию; 3) социальных акторов; 4) идеологию.

В такой методологической проекции предлагаемый анализ развивается в следующей системе координат.

Первое. Рассматривается типографика как особый семиотический ресурс, а именно оформление текста средствами набора, шрифта, шрифтовой композиции.

Второе. Существенным является фокус на агентивность и интеракциональность социального взаимодействия. Человек действует и как создатель текстов, выбирающий семиотические ресурсы, адекватные в конкретной социокультурной ситуации, и как адресат сообщения, воспринимающий и интерпретирующий смыслы, способный взаимодействовать в социальных условиях и координировать свою коммуникативную компетенцию с культурно-специфическими нормами общения.

Третье. Наблюдая процессы и формы интеракционального взаимодействия в социуме, мы получаем актуальную информацию, которая значима для формирования и выражения идеологии. Понятие идеологии используется здесь в ряду других понятий, с которыми социологи, философы, лингвисты работают для объяснения предзаданности нашей реакции и интерпретации смыслов. Одно из них – габитус, по П. Бурдьё. Социальная среда производит систему устойчивых схем, приобретенных предрасположенностей человека, используемых им на практике как исходные установки. Однородные социальные позиции социальных акторов порождают у них общие оценки, общие пресуппозиции. Они создают доминирующие дискурсивные практики. Габитус характеризует способность свободно и одновременно под контролем сложившихся установок воспринимать, оценивать, действовать [Bourdieu 1991].

Другое понятие – «архив», или дискурс, по М. Фуко. Это совокупность исторических, детерминированных временем и пространством правил, которые в определенное время и в определенном социальном, экономическом, географическом или языковом окружении определяют условия воздействия высказывания. Это социальная информация, фон, соотносимый с конкретным высказыванием. Анализ дискурса выясняет, почему люди, участвовавшие в свое время в дискурсивной практике и ограниченные рамками своего знания, не могли думать, говорить иначе, чем они это делали. Дискурсивная формация создает смысловую целостность тем и понятий между собой. Собственно дискурс – это «место возникновения понятий», и оно поддерживается сетью отношений между понятиями, высказываниями, всем тем, что в той или иной степени релевантно для возникновения данного знания [Foucault

1997]. Для выражения сходного содержания используется понятие «идеология».

В современном исследовательском контексте выделимы два основных понимания идеологии. В одном из них идеология определяется как совокупность символических репрезентаций – стереотипных представлений, аргументов, которые служат достижению определенных целей внутри отдельно взятых социальных групп. В таком осмыслении идеология характеризует разного рода доктрины, социальные, политические направления и практики для осуществления этих интересов, как-то марксизм, социализм, анти-семитизм, маоизм, дарвинизм и т.д.

В предлагаемом анализе идеология понимается не как организованная система идей, но, в соответствии с другим возможным подходом, как всеобъемлющее явление, типичное для социально-политической системы в целом и для всех, действующих в рамках этой системы. Это представлено в исследованиях Л. Альтюссера, Ж. Лакана, П. Пеше, Р. Барта, детальный обзор точек зрения представлен в работе [Blommaert 2005, 158–202]. Понимаемая так идеология покрывает идеи, воззрения и, значит, культурные проявления в общественных практиках, не имеет ни положительной, ни отрицательной коннотации. Это сложившееся знание для субъектов, участвующих в коммуникации, их допущения и пресуппозиции, те знания о мире, которые создают определенную ментальную рамку для интерпретации и оценки фактов и соответствующих действий. В этом ракурсе идеология стала центральной темой в разных направлениях дискурсивного анализа, в первую очередь в критическом дискурс-анализе, лингвистической антропологии, социолингвистике. Идеология создает рамки для агентивности человека и порождает устойчивые фреймы интерпретации смыслов. Они действуют как своего рода шаблоны для восприятия и оценки использованных языковых, семиотических средств для выражения значений.

Типографическое значение как объект изучения

Типографика – один из модусов в коммуникации, точнее, в письменной коммуникации, если понимать под модусом переменные, особые характеристики, получаемые в дополнение к обязательным базовым свойствам коммуникативного канала. Типографика выступает как особое средство выражения смысла. Под типографикой понимается оформление текста средствами набора и шрифто-

вой композиции. Шрифт предполагает гарнитуру, то есть общие стилевые признаки и принципы шрифтового построения знаков. Типографика имеет строгие правила, определяющие использование шрифтов для верстки и оформления текста в зависимости от особенностей языка. Существует наиболее общее разделение на макротипографику и микротипографику. Макротипографика охватывает общий дизайн, структуру и композицию печатного документа, то есть визуальное оформление, размер шрифта, макет и верстку («лейаут»). Микротипографика характеризует дизайн наборного шрифта, буквенное оформление слов, шрифтовую гарнитуру, цвет, размер [Spitzmüller 2021; Stöckl 2005; Stöckl 2009].

Особой практикой, влияющей на использование шрифта и его уникальность и узнаваемость, был прямой заказ шрифта издателем. Заказные шрифты для различных изданий существовали с начала книгопечатания. В 20-е годы XX века известность получил ряд фирменных шрифтов, например изготовленный для лондонской газеты «Таймс» с одноименным названием. В 1960-е году в публичном пространстве прославился особый шрифт, сделанный для аэропорта Шарля де Голля. В Советском Союзе в 1960–1970-е годы разрабатывались шрифты по заказу центральных советских газет «Правда», «Известия», «Труд», «Красная Звезда». В современной России, после значительного перерыва, в 1990-е годы был изготовлен шрифт «Скриптура Руссика» по заказу издательства Российского Библейского общества, затем появился специальный шрифт «Коммерсант Сериф» для издательского дома «Коммерсантъ» [Кирсанов 2007].

Типографика создает особую фактуру слова. Она не индифферентна, но связана с социальными представлениями о ее уместности и укорененности в определенных контекстах. Типографика становится знаковой системой, способной актуализировать дополнительные коннотации: современности или, наоборот, ретроспективности сообщения, его принадлежности определенному стилю, жанру и т.д. Форма знака приобретает роль дополнительного средства его выделения в общем информационном пространстве, обеспечивает максимальную концентрацию внимания на своем объекте. Графический дизайн создает особый фрейм для интерпретации сообщения и может выступать как контекстуальная подсказка (contextualization cue) в соответствии с пониманием этого термина, по Д. Гамперцу [Gumperz 1992].

Типографический ландшафт включает различные типографические формы в их интерсемиотических связях и проекциях, по-

сколькx типографика связана с другими семиотическими явлениями, соположена, сосуществует с ними в пространственных отношениях. Материальная выраженность знаков играет важную роль не только как форма, но и как существенное условие для восприятия сообщения. Как формулирует Ю. Шпицмюллер, принципиально значимо, что материальный характер знака, его особая форма, не получает знаковый характер за свой счет, в силу самого факта. Материальная выраженность знака становится предметом оценочного восприятия в социальной практике, порождается интеракционностью коммуникантов [Spitzmüller 2015, 128]⁴. При этом, как указывает А. Ага, основное внимание уделяется тому, как и при каких условиях эта связь становится очевидной и определяющей для участников коммуникации и приобретает для них символическую значимость и социальное значение [Agha 2007, 235].

Устойчивая связь при восприятии типографики с определенным контекстом, в котором она типична и ожидаема, порождает *типографическое значение* (*typographic meaning*) [van Leeuwen 2005; van Leeuwen 2006]. Типографическое значение рассматривается как разновидность прагматического, *социального значения*, которое возникает в результате интерпретации знака в связи с контекстом его употребления. Социальное значение, или, в иной терминологии, социальные индексы, является предметом изучения в современной социолингвистике, лингвистической антропологии [Agha 2007; Blommaert 2005; Silverstein 1979]. В работах [Blommaert 2013; Молодыхенко 2020; Чернявская 2020; Чернявская 2021б⁵] показано, как социальная индексальность может проявляться в различных социокультурных практиках, возникает как результат взаимодействия носителей языка в социокультурной практике. О типографском значении следует говорить как о вариативном значении. Специфические графические средства связываются с особыми социальными группами как выражающие специфические ценности и социальные индексы. По аналогии с лингвистической идеологией следует говорить о графической идеологии, создающей устойчивые рамки выражения и восприятия смысла [Spitzmüller 2015, 132]⁶.

Социальная значимость типографики как средства контроля над идеологиями, ценностями, моделями должного осознавалась

⁴ В оригинале: "Materiality is not eo ipso semiotic. What makes it semiotic are social actors' perceptions and interpretations of material objects".

⁵ К перечню работ можно добавить статью автора в выпуске 2, 2021 в этом журнале.

⁶ В оригинале: "In analogy to language or linguistic ideologies, such ascriptions might be termed graphic ideologies or ideologies of graphics".

всегда. Так, после революции 1917 года была проведена реформа русской орфографии. Шрифту уделялось большое внимание, поскольку он считался одним из самых существенных элементов типографского дела и воздействия печатного слова. Выработка нового типографского шрифта была поставлена в связь с новыми задачами советского общества на государственном уровне. Для упорядочения шрифтового ассортимента к 1927 году был издан первый каталог шрифтов треста «Полиграф». В СССР существовал Полиграфический комитет, который занимался выработкой нового стандарта шрифтов, работа была закончена к 1930 году. Созданная при НИИ полиграфической и издательской техники РСФСР шрифтовая лаборатория стала основой для возрождения отечественной шрифтовой школы. Разрабатывались нормы для проектирования рисунка, методика анализа построения и критерии оценки художественного качества шрифтов. В первую очередь отбирались шрифты для применения в массовых изданиях и детской литературе. В полиграфической практике стали использоваться только 23 шрифта. Безошибочно узнаваемыми были шрифты центральных советских изданий – «Правды», «Известий», которые воспринимались как ключевой формат для выражения идеологически значимых ценностей и установок в обществе [Кирсанов 2007]. В советской идеологии шрифт изначально связывался с выражением и формированием социально значимых смыслов и социальной идентичности.

Социальное значение в связи с вариативностью графических форм становилось предметом анализа в [Androutsopoulos 2004; Bain, Shaw, Bertheau 1998; Eskilson 2007; Stöckl 2005]. Так, в исследованиях [Spitzmüller 2015; Spitzmüller 2021] проанализировано восприятие готического шрифта в контекстуальной зависимости с периодом немецкого национал-социализма 1933–1945 гг. В немецких текстах и особенно плакатах периода национал-социализма использовались шрифты двух типов: готическая фрактур и шрифт модерн. Готическая фрактур, поздняя разновидность готического шрифта, стала ключевой в националистической символике. Само название «готический шрифт» дано в XV веке, в период Возрождения, чтобы отделить изобретенный шрифт германского народа от «гуманистического» письма антиква. Готическая фрактур стала, таким образом, инструментом идентификации и самоидентификации немцев, отделяющих себя от чужих и чужой культуры. Этот тип шрифта оказался идеологически нагруженным. С 1933 года в Германии готический шрифт стал использоваться намеренно, как выражение принадлежности к немецкой расе и для трансляции

«немецких ценностей». Использование готического шрифта было призвано связать победоносное историческое прошлое Германии и ее новую «миссию», провозглашенную в Третьем рейхе. Связь типографики и социальной практики, в которой она использовалась, стала устойчивой. Показательно, что и в современном немецком обществе готическое начертание букв стойко ассоциируется с национал-социалистическим прошлым Германии. Как указывает Ю. Шпицмюллер, использование готической фразктуры сегодня оценивается как маркер неонацистских практик и высказываний в неонацистском контексте [Spitzmüller 2015, 135]⁷. Готический шрифт стал особого рода социальной эмблемой.

Типографика, таким образом, может становиться «объектом-знаком, который транслирует информацию о некоторой социальной типизации, в которую включен индивид или на которую он претендует, используя данный знак. Примером такой типизации могут быть как относительно устойчивые и традиционные категории идентичности, такие как гендер и социоэкономический класс, так и любые другие группы, категории и роли с которыми идентифицируется индивид» (курсив в оригинале. – В.Ч.) [Молодыхенко 2020, 122].

Материал и интерпретация

Отказ от идеологии советского периода не означает отказа от образов советского времени, они остаются привлекательными. В современной российской практике советская символика востребована в рекламном дискурсе. Самым типичным является использование символики советской эпохи в местах общественного питания. Существует множество стилизованных в советском стиле ресторанов, кафе. Другой отсылкой к советскому является использование советских образов и брендов. Торговая марка – отличительный знак предприятия, фирмы, размещаемый на изготовляемых и продаваемых ими товарах. Она представляет собой графическое изображение, начертанное аутентичным шрифтом и имеющее особое сочетание знаков, букв, слов. Бренд вызывает устойчивое эмоциональное отношение к нему потребителей, ассоциации при соприкосновении с ним.

Советский ландшафт создают знаки разного рода. Так, в марочном имени бренда могут содержаться слова с семантикой «советское», «советский», например «Советское шампанское». По этому

⁷ В оригинале: “Many people are indeed firmly convinced that Gothic type does in one way or the other point towards (neo-)nationalistic actors, contexts and practices”.

принципу в современной России созданы новые бренды, например творожные сырки «Советские традиции» (ил. 1).

Ил. 1. Сырок «Советские традиции».

Источник: <https://xn----8sbekcaueaao9b6agdpf0f.xn--p1ai/>

Используются знаки-символы, актуализирующие смыслы в связи с советским прошлым. На современном российском рынке успешны многие советские бренды и торговые марки, создающие символические ассоциации с советским. В их ряду печенье «Юбилейное», плавленые сырки «Дружба», напитки «Тархун», «Байкал». Примеры могут быть продолжены. Используются визуальные образы советских времен и в марочных знаках новых продуктов. Например, торговая марка шоколадных конфет «Ильич. Революционный вкус»⁸ использует визуальный образ Ленина и вербальный компонент *Ильич*, характерный для оборотов «лампочка Ильича», «заветы Ильича» (ил. 2).

Ил. 2. Конфеты «Ильич. Революционный вкус». Фото автора

В названии товаров или услуг зачастую используются топонимы советского периода, например парикмахерская «Ленинградская» (ил. 3).

Специальный исследовательский интерес представляет особая фактура слова, выраженная характерной типографикой. Показательны следующие примеры.

В 2015 году фармацевтический дистрибьютер Pharma Group запустил аптечную сеть «Советские аптеки».

⁸ Шоколадные конфеты позиционируются производителем как натуральные шоколадные конфеты трюфели ручной работы высокой ценовой категории. URL: https://coffeelb.ru/catalog/sladosti/tryufeli/konfety_tryufel_lich_vesovye_1_kg/

Ил. 3. Парикмахерская «Ленинградская» на ул. Большой Морской в Санкт-Петербурге. Фото автора

Концепция сети основана на низких ценах и удовлетворении спроса покупателей в шаговой доступности. Основной лозунг аптечной сети: «Советская Аптека по советским ценам!». Весной 2020 года, с начала пандемии коронавирусной инфекции, продажи франшизы под брендом «Советские аптеки» выросли втрое⁹. Марочный знак «Советской аптеки» имеет отличительное шрифтовое оформление, стилизованное под шрифт центральных газет «Правда» и «Известия», издававшихся в Советском Союзе (ил. 4). Этот шрифт используется и в газете, издаваемой сегодня Коммунистической партией Российской Федерации (ил. 5).

Ил. 4. Советская аптека на ул. Ленсовета в Санкт-Петербурге. Фото автора

Газета основана 5 мая 1912 года В. И. Лениным

Орган Центрального Комитета КПРФ

Ил. 5. Газета Правда ЦК КПРФ.
Источник: <https://gazeta-pravda.ru/>

⁹ См.: Бывшие рестораторы зачистили в аптеку. Растет спрос на медицинскую франшизу // Коммерсантъ. 2020. 09 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4317212?query> (дата обращения: 01.09.2022).

Советский шрифт также используется в названиях различных точек общественного питания, например кафе «Советские времена»¹⁰ (ил. 6).

Ил. 6. Кафе «Советские времена» на ул. Покровке в Москве. Фото автора

Аналогичный прием применяют рекламодатели, стилизующие рекламное сообщение под информационную статью в советской газете «Правда». Так, в одной из своих рекламных акций современный гипермаркет стилизовал текст рекламного лозунга «В Ленте дешевле» как шрифт, воспроизводящий название «Правды» советских времен. Рекламный лозунг был графически оформлен как заголовков этой газеты, и эмблема магазина «Лента» стилизована под изображение ордена Ленина, создавая визуальную референцию к центральной газете (ил. 7).

Ил. 7. Рекламное объявление гипермаркета «Лента». Фото автора

Узнаваемым маркером советской эпохи можно считать и трафаретный шрифт. Это особый тип шрифта. Трафаретная надпись сопоставима с рукописной, но отличается более формальным статусом. С помощью трафарета делаются надписи на плакатах, транспарантах, разного рода объявления, социально значимые высказывания политических партий и общественных движений. Трафаретные надписи были характерным признаком в советском

¹⁰ Культурная закусочная в стиле СССР в центре Москвы закрылась в июне 2021 г. из-за пандемии, просуществовала более 10 лет. См.: <https://www.mk.ru/photo/gallery/24486-466486.html> (дата обращения: 01.09.2022).

городском пространстве. Визуальная интертекстуальность в связи с использованием отсылок к трафаретной надписи блокадного Ленинграда в социальной рекламе в современном городском пространстве подробно рассмотрена в работе [Чернявская 2021а]. Типографика трафаретного шрифта ненейтральна, ее пластика и ритм создают эмоциональный настрой. Примечательно современное объявление в транспорте с призывом оплачивать проезд (ил. 8). Обращение «товарищи» в советской стилистике, стереотипная языковая конструкция «своевременно и правильно оплачивайте» усиливается шрифтовым дизайном. Визуальный текст создает воздействующий эффект именно как отсылка к коллективной памяти о советской бескондукторной системе проезда, гражданской сознательности и одновременно о неперемennom контроле за исполнением правил поведения для всех.

Ил. 8. Объявление в вагоне трамвая в Ярославле.
Фото автора

Приведенный материал можно рассматривать как отражение двух отчетливых трендов. Во-первых, это тенденция к коммерциализации социальных практик и коммодификации, в процессе которых все больше предметов и качеств человеческой деятельности получают материальную значимость. Характерным признаком и проявлением такой социальной практики является то, что через организованное множество товаров и услуг в массовый публичный дискурс транслируются определенные шаблоны потребления, лайфстайл-модели общественного поведения, и значит отражаются определенные формы идентичности. Товар превращается в ресурс для конструирования или стилизации идентичности, показывает принадлежность субъекта (реальную или подразумеваемую) к определенному стилю жизни, или, в иной терминологии, к определенному социотипу [Молодыхенко 2019; Молодыхенко 2020].

Во-вторых, использование разнородных объектов-знаков в функции выражения определенного социального смысла свидетельствует о расширении рефлексивных практик и позволяет обращать

внимание на усиление рефлексивности и метапрагматической функции коммуникации, которые обеспечивают доступ к оценочным установкам, presupпозициям, стоящим за семиотическим выражением смыслов.

Применительно к рассмотренному здесь советскому ландшафту возможно заключить, что со знаками, отсылающими к советскому прошлому, мы сталкиваемся не рутинно и естественно направляемся к ним. Советская стилизация *интенциональна* для своей целевой аудитории, предполагаемой как носитель определенного предпосылочного знания, убеждений и вкусовых предпочтений¹¹. Характерной спецификой, однако, становится то, что советскость, советский стиль не несут конструктивного эффекта, понимая под последним обоснование целесообразности, желательности определенной социокультурной практики и ее реконструкции. Здесь невозможно говорить о стратегическом аспекте, то есть о включенности семиотических средств в общую стратегию формирования советской идентичности, продвижения (навязывания) советского стиля жизни или же легитимизации неких ценностей, связанных с ним. Нет инструктивности, то есть аспекта how-to, информирующего целевую аудиторию о способах реализации заданной практики, как это формулирует Е.Н. Молодыченко [Молодыченко 2020, 122–124].

Заключение

Проведенный анализ показал, что типографика знака действует как один из семиотических инструментов оформления и распознавания смысла. Она связана с выражением особого рода значения, которое определяется как индексальное значение, возникающее на основе устойчивой связи знака и контекста его использования. Типографика имеет прецедентный характер. В связи с этим исследование типографического значения как социального индекса откры-

¹¹ Показательной иллюстрацией и подтверждением этого тезиса может стать мнение, высказанное в интервью газете «Коммерсантъ» российским музыкантом Максимом Фадеевым: «Я не думаю, советскость это или не советскость. Я думаю о том, что у меня было классное ощущение, когда я покупал мороженое в стаканчиках. Вдруг это мороженое пропало. Сначала оно стало невкусным, потом туда стали добавлять маргарин, потом оно стало чудовищным. И мне хочется попробовать то самое мороженое, которое мне покупала бабушка в детстве. Я так хочу». См.: «Русский народ всегда отрицает то, что ему предлагают нового» : Максим Фадеев об отечественном шоу-бизнесе и патриотизме // Коммерсантъ. 2016. 16 сент. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3087608> (дата обращения: 01.09.2022).

вает новые перспективы в осмыслении объяснительных возможностей концепции интертекстуальности и интердискурсивности. Интердискурсивность показывает, как идет бесконечный процесс семиозиса. Интердискурс складывается на когнитивном уровне как знание о значении знаков, о контекстах их использования, историческом, культурном, социальном фоне, общих темах и мотивах, о сложившихся оценках, пресуппозициях, что приводит в движение механику смыслопорождения и позволяет интерпретировать высказывания в каждом конкретном случае. Интердискурсивность и интертекстуальность как эксплицитное взаимодействие текстов лежат в основе коммуникативной компетенции человека при понимании типографских объектов-знаков.

Типографика и типографическое индексальное значение могут и должны изучаться не только в социальной семиотике как проявления мультимодального характера человеческой коммуникации, но и как один из объектов лингвистики, поскольку лингвистика изучает вариативные, эксплицитные и имплицитные, формы выражения значений.

Советский типографический ландшафт является свидетельством сохраняющейся коллективной памяти о бытовании в советский период. Одновременно следует представлять, что социальное значение динамично и контекст восприятия сообщения подвижен, изменчив в силу динамики и подвижности самих социальных, политических, экономических связей в обществе. В актуальной практике происходит выдвигание одних составляющих и погашение других. Наблюдение и анализ этих процессов приведут в дальнейшем к новым выводам, в том числе и применительно к изучению социальной индексальности типографического значения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов 2019 – *Абрамов Р. Н.* Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования // *Общественные науки и современность*. 2019. № 5. С. 108–120.
- Зубкова 2019 – *Зубкова Е. Ю.* Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // *Российская история*. 2019. № 5. С. 3–14.
- Кирсанов 2007 – *Кирсанов Д. М.* Историко-морфологическая модель развития русского наборного шрифта. Взаимосвязь объективных и субъективных факторов : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2007.
- Молодыхенко 2019 – *Молодыхенко Е. Н.* Коммуникативно-прагматические особенности «лайфстайл-инструкции» как интер-

- нет-жанра в культуре потребления // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 79–102. doi: 10.17223/19986645/57/5.
- Молодыченко 2020 – *Молодыченко Е. Н.* Метасемиотические проекты и лайфстайл-медиа: дискурсивные механизмы превращения предметов потребления в ресурсы выражения идентичности // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24, № 1. С. 117–136. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-1-117-136. URL: <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/23252>
- Молодыченко, Чернявская 2022 – *Молодыченко Е. Н., Чернявская В. Е.* Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. № 19 (1). С. 103–124.
- Чернявская 2020 – *Чернявская В. Е.* Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 1. 135–147.
- Чернявская 2021a – *Чернявская В. Е.* Социальное значение в зеркале политической корректности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 2 (18). С. 383–399. doi: 10.21638/spbu09.2021.208.
- Чернявская 2021б – *Чернявская В. Е.* Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М. : УРСС, 2021.
- Agha 2007 – *Agha A.* Language and Social Relations. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language; vol. 24).
- Androutsopoulos 2004 – *Androutsopoulos J.* Typography as a Resource of Media Style: Cases from Music Youth Culture // Proceedings of the 1st International Conference on Typography and Visual Communication / K. Mastoridis (ed.). Thessaloniki : University of Macedonia Press, 2004. P. 381–392.
- Bain, Shaw, Bertheau 1998 – *Bain P., Shaw P., Bertheau P. T.* (ed.) Blackletter: Type and National Identity. New York : Princeton Architectural Press, 1998.
- Backhaus 2007 – *Backhaus P.* Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon : Multilingual Matters, 2007.
- Blommaert 2005 – *Blommaert J.* Discourse: A Critical Introduction. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.

- Blommaert 2013 – *Blommaert J.* *Ethnography, Superdiversity and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity.* Bristol ; Buffalo ; Toronto : Multilingual Matters, 2013. (Critical Language and Literacy Studies; vol. 18).
- Bourdieu 1991 – *Bourdieu P.* *Language and Symbolic Power.* Cambridge, MA : Harvard University Press, 1991.
- Crystal 1998 – *Crystal D.* *Toward a Typographical Linguistics // Type: A Journal of the Association Typographique Internationale.* 1998. Vol. 2 (1). P. 7–23.
- Daniels, Cosgrove 1988 – *Daniels S., Cosgrove D.* *Introduction: iconography and landscape // The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design, and Use of Past Environments / S. Daniels, D. Cosgrove (eds.).* Cambridge : Cambridge University Press, 1988. P. 1–10.
- Eskilson 2007 – *Eskilson S. J.* *Graphic Design: A New History.* Yale University Press. 2007.
- Foucault 1997 – *Foucault M.* *What is Critique? [Qu'est-ce que la critique? (Critique et Aufklärung)] // Foucault M. The Politics of Truth.* Los Angeles : Semiotext(e), 1997. P. 41–82.
- Gorter 2013 – *Gorter D.* *Linguistic landscapes in a multilingual world // Annual Review of Applied Linguistics.* 2013. Vol. 33. P. 190–212.
- Gumperz 1992 – *Gumperz J. J.* *Contextualization Revisited.* In P. Auer, & A. di Luzio (Eds.), *The Contextualization of Language.* Amsterdam and Philadelphia: Benjamins. 1992. P. 39–53.
- Huebner 2016 – *Huebner T.* *Linguistic landscape: history, trajectory and pedagogy // Journal of Humanities.* 2016. Vol. 22. P. 1–10.
- Kress, van Leeuwen 1996 – *Kress G., van Leeuwen T.* *Reading images. The grammar of visual design.* London : Routledge, 1996 (1st ed); 2006 (2nd ed.).
- Kress, van Leeuwen 2001 – *Kress G., van Leeuwen T.* *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication.* London : Hodder Education, 2001.
- Kress 2010 – *Kress G.* *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication.* Abingdon : Routledge, 2010.
- Silverstein 1979 – *Silverstein M.* *Language Structure and Linguistic Ideology // The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels / P. R. Cline, W. Hanks, C. Hofbauer (eds.).* Chicago : Chicago Linguistic Society, 1979. P. 193–247.
- Spitzmüller 2015 – *Spitzmüller J.* *Graphic Variation and Graphic Ideologies: A Metapragmatic Approach // Social Semiotics.* 2015. Vol. 25 (2) (thematic issue “Typographic Landscapes”; ed. by J. Järlehed, A. Jaworski). P. 126–141.

- Spitzmüller 2021 – *Spitzmüller J.* Approaching Typographic Variation // Vestnik of St. Petersburg University. Language and Literature. 2021. Vol. 18 (4). P. 910–928.
- Stöckl 2005 – *Stöckl H.* Typography: Body and Dress of a Text – a Signing Mode Between Language and Image // Visual Communication. 2005. Vol. 4 (2). P. 204–214.
- Stöckl 2009 – *Stöckl H.* The language-image-text – Theoretical and analytical inroads into semiotic complexity // Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. 2009. № 34 (2). S. 203–226.
- Van Leeuwen 2005 – *van Leeuwen T.* Typographic Meaning // Visual Communication. 2005. Vol. 4 (2). P. 137–143.
- Van Leeuwen 2006 – *van Leeuwen T.* Towards a Semiotics of Typography // Information Design Journal. 2006. Vol. 14 (2). P. 139–155.

REFERENCES

- Abramov, R. N. (2019). Attitude to the late soviet past as an object of sociological research. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, 108–120. (In Russian).
- Agha, A. (2007). *Language and Social Relations. Ser.: Studies in the Social and Cultural Foundations of Language* (vol. 24). Cambridge University Press.
- Androutsopoulos, J. (2004). Typography as a Resource of Media Style: Cases from Music Youth Culture. In K. Mastoridis (Ed.), *Proceedings of the 1st International Conference on Typography and Visual Communication* (pp. 381–392). University of Macedonia Press.
- Backhaus, P. (2007). *Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*. Multilingual Matters.
- Bain, P., & Shaw, P. (Eds.) (1998). *Blackletter: Type and National Identity*. Princeton Architectural Press.
- Blommaert, J. (2005). *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge University Press.
- Blommaert, J. (2013). *Ethnography, Superdiversity and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity. Ser.: Critical Language and Literacy Studies* (vol. 18). Multilingual Matters.
- Bourdieu, P. (1991). *Language and Symbolic Power*. Harvard University Press.
- Chernyavskaya, V. E. (2020). Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 1, 135–147. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.109> (In Russian).

- Chernyavskaya, V. E. (2021a). Social meaning in the mirror of political correctness. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2(18), 383–399. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.208> (In Russian).
- Chernyavskaya, V. E. (2021b). *Tekst i sotsial'nyy kontekst: sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smysloporozhdeniya* [Text and social context: sociolinguistic and discursive analysis of meaning generation]. URSS.
- Crystal, D. (1998). Toward a Typographical Linguistics. Type. *A Journal of the Association Typographique Internationale*, 2(1), 7–23.
- Daniels, S., & Cosgrove, D. (1988). Introduction: iconography and landscape. In S. Daniels, & D. Cosgrove (Eds.), *The Iconography of Landscape* (pp. 1–10). Cambridge University Press.
- Eskilson, S. J. (2007). *Graphic Design: A New History*. Yale University Press.
- Foucault, M. (1997). What is Critique? [Qu'est-ce que la critique? (Critique et Aufklärung)]. In M. Foucault, *The Politics of Truth* (pp. 41–82). Semiotext(e).
- Gorter, D. (2013). Linguistic landscapes in a multilingual world. *Annual Review of Applied Linguistics*, 33, 190–212.
- Gumperz, J. J. (1992). Contextualization Revisited. In P. Auer, & A. di Luzio (Eds.), *The Contextualization of Language* (pp. 39–53). Amsterdam and Philadelphia: Benjamins.
- Huebner, T. (2016). Linguistic landscape: history, trajectory and pedagogy. *Journal of Humanities*, 22, 1–10.
- Kirsanov, D. M. (2007). *Istoriomorfologicheskaya model' razvoitiya russkogo nabornogo shrifta. Vzaimosvyaz' ob'ektivnykh i sub'ektivnykh faktorov* [Historical and morphological model of the development of Russian typesetting. The relationship of objective and subjective factors]. Abstract of Art Criticism Cand. Diss. Moscow.
- Kress, G. (2010). *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. Routledge.
- Kress, G., & van Leeuwen, T. (1996). *Reading images. The grammar of visual design*. Routledge.
- Kress, G., & van Leeuwen, T. (2001). *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. Hodder Education.
- Molodychenko, E. N. (2019). “Lifestyle instruction” as an internet genre in consumer culture: A communicative-pragmatic perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 57, 79–102. <https://doi.org/10.17223/19986645/57/5> (In Russian).

- Molodychenko, E. N. (2020). Metasemiotic projects and lifestyle media: Formulating commodities as resources for identity enactment. *Russian Journal of Linguistics*, 24(1), 117–136. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-1-117-136> (In Russian).
- Molodychenko, E. N., & Chernyavskaya, V. E. (2022). Representing the social through language: Theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 19(1), 103–124. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.106> (In Russian).
- Silverstein, M. (1979). Language Structure and Linguistic Ideology. In P. R. Cline, W. Hanks, & C. Hofbauer (Eds.), *The Elements: A Parasection on Linguistic Units and Levels* (pp. 193–247). Chicago Linguistic Society.
- Spitzmüller, J. (2015). Graphic Variation and Graphic Ideologies: A Metapragmatic Approach. *Social Semiotics*, 25(2), 126–141.
- Spitzmüller, J. (2021). Approaching Typographic Variation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Yazyk i Literatura*, 18(4), 910–928. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.417>
- Stöckl, H. (2005). Typography: Body and Dress of a Text – a Signing Mode Between Language and Image. *Visual Communication*, 4(2), 204–214.
- Stöckl, H. (2009). The language-image-text – Theoretical and analytical inroads into semiotic complexity. *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*, 34(2), 203–226.
- van Leeuwen, T. (2005). Typographic Meaning. *Visual Communication*, 4(2), 137–143.
- van Leeuwen, T. (2006). Towards a Semiotics of Typography. *Information Design Journal*, 14(2), 139–155.
- Zubkova, E. Yu. (2019). Soviet life as an object of historical reconstruction. *Rossiyskaya istoriya*, 5, 3–14. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 13.01.2022

Материал поступил в редакцию после рецензирования 14.12.2022

ИНДИКАТОР ВИЗУАЛИЗАЦИИ ГРАНИЦ В «УСТРОЙСТВЕ» НАУКИ / BOUNDARY VISUALIZATION INDICATORS IN THE 'STRUCTURE' OF SCIENCE

ЯЗЫК КАК ИНДИКАТОР ВИЗУАЛИЗАЦИИ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

О. А. Донских

Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Россия

Новосибирский государственный технический университет, Россия
oleg.donskikh@gmail.com

Рассматриваются изменения в языке, которые в конечном итоге привели к формированию функционального стиля, представляющего научное мышление. Эти изменения начинают происходить в период, обозначенный Ясперсом как «осевое время», когда возникает рефлексивное мышление, что приводит, в частности, к осознанию языка в поэтическом дискурсе. Поэзия делает речевую деятельность предметом внимания, что отражается на отношении к текстам. Они оформляются по определенным, хорошо сформулированным правилам, используется синонимия, изобретаются новые слова. Под влиянием поэзии складывающаяся в это время философия начинает перестраивать картины отдельных фрагментов реальности, создавая абстрактную лексику, которой в принципе не существовало в языках предшествующих обществ. Именно появление общей лексики становится условием для правильной организации определений, а следовательно, для появления нового типа классификаций. Софисты с их языковыми играми готовят возможность представления общего знания на уровне логики, что необходимо для формирования научной методологии, в первую очередь в работах школы Аристотеля. Внимание к языку приводит к созданию грамматик (независимо в Индии в V веке до н.э. и в Греции в III веке до н.э.) и, соответственно, к появлению литературного языка.

Ключевые слова: наука, научное мышление, язык и речь, поэзия, «осевое время», рефлексия

LANGUAGE AS AN INDICATOR OF THE VISUALIZATION OF SCIENTIFIC THINKING

Oleg A. Donskikh

Novosibirsk State University of Economics and Management;
Novosibirsk Technical State University, Novosibirsk, Russian Federation
oleg.donskikh@gmail.com

This article examines the changes in language that eventually led to the formation of a functional style representing scientific thinking. These changes begin to take place during the period designated by Jaspers as “axial time”, when reflexive thinking emerges, leading, in particular, to an awareness of language in poetic discourse. Poetry makes speech activities the subject of attention, which is reflected in attitudes toward texts. They are framed according to certain well-formulated rules, synonymy is used, and new words are invented. Under the influence of poetry, philosophy emerging at this time begins to reconstruct pictures of certain fragments of reality, creating an abstract vocabulary that in principle did not exist in the languages of previous societies. It is the emergence of a common vocabulary that becomes a condition for the proper organization of definitions, and hence for the emergence of a new type of classification. Thus, in mythological consciousness, classifications, however lengthy they may be, do not go beyond the visually represented, while the appearance of words not correlated in principle with the objects of the external world (like being, space, infinity, atom, etc.) allows the formation of new generic chains. This is the expression of a reflective attitude to reality, the new way of thinking about the world. The Sophists, with their language games, prepare the possibility of representing general knowledge at the level of logic, which is necessary for the formation of scientific methodology, primarily in the works of the Aristotelian school. Attention to language leads to the creation of grammars (independently in India in the 5th century and in Greece in the 3rd century) and, consequently, to the emergence of literary language. On a new level, attention is paid to the way of expressing thought including the scientific style.

Keywords: science, scientific thinking, language and speech, poetry, “axial time”, reflexion

DOI 10.23951/2312-7899-2023-2-74-80

Для того чтобы мы могли говорить о научном мышлении, необходимо определить признаки, которые его характеризуют. Наиболее естественным индикатором выступает здесь язык. Мне представляется, что, исследуя появление и развитие определенной функциональной сферы языка, можно наметить несколько этапов движения к научному мышлению, а именно оно определяет то,

что отличает науку от любой другой сферы человеческой деятельности. В основе такого подхода лежит простое убеждение в том, что мышление и язык неразрывно связаны. Но сначала нужно дать предварительное определение того, что я буду понимать под наукой. Я буду определять науку как деятельность, сознательно направленную на получение нового знания об *определённом фрагменте того, что представляется реальностью*.

Предварительным этапом интеллектуального движения в сторону науки выступает определённое осознание языка (обычно абсолютно не осознаваемого говорящими), которое рождается в процессе поэтического оформления известных текстов. Дело в том, что обычное использование языка не требует его осознания, а совершается абсолютно естественно, как будто владение речью присуще человеку от рождения. Здесь нужно провести различие между речью и языком. Первая – это способ общения людей, тогда как язык – организованная многоуровневая система знаков, каждый из которых есть «соединение смысла и акустического образа» [Соссюр 1977, 53]. Речь происходит здесь и сейчас и предполагает использование языка, который существует как некое целое независимо от нее. То есть у тех, кто пользуется языком, у говорящих и слушающих, нет сознательного представления о текстах, которое требует знания правил их регулярной организации, хотя они этими правилами владеют.

Известно, что поэзия появляется раньше прозы, поскольку проза – более сложное явление. Поэтическое оформление речи возникает в разных культурах по-разному, оно облегчает запоминание текстов, и этим пользуются те, кому необходимо уметь воспроизводить достаточно длинные тексты, – гимны, песни, лоции (используемые в бесписьменных обществах) и др. Подобные тексты производятся уже сознательно и, соответственно, требуют осознания набора правил, не обязательно формулируемых в явном виде, но ясно понимаемых создателем. Необходимы ритмическая организация составляемых предложений, их метрическое оформление, требующие счета слогов и учета ударений, использование других повторяемых единиц вроде анаграмм, о которых писал тот же Соссюр. Принципиально то, что речевое высказывание становится предметом внимания, в отличие от ситуации с обыденной речью, структура которой совершенно не осознается говорящим. Кроме того, возникает необходимость подбирать синонимы, а в некоторых случаях даже придумывать неологизмы (известно, что в текстах «Ригведы» встречается немало слов, которые употребляются лишь один раз, и это, как правило, указывает на то, что слово было

придуманно в определенном контексте, а потом больше не употреблялось). В любом случае именно в условиях подобного внимания к речи появляется, например, в индийской традиции «шикша» (фонетика) с большим числом правил, позволяющих сделать текст более музыкальным и приятным для восприятия [Wilke, Moebus 2011, 342]. Фактически речь идет о том, что текст специально обрабатывается, и при этом формулируется ряд правил, которые определяют характер подобной работы. В древнегреческой традиции с текстами работают аэды – творцы эпических произведений, наиболее знаменитым из которых является Гомер.

Подобное отношение к текстам формируется в «осевое время» (так Карл Ясперс называет период перехода от коллективного к индивидуальному сознанию). В это время «сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление» [Ясперс 1991, 33]. Мифологическое сознание начинает упорядочиваться и приобретает рефлексивную составляющую, которая строится на новых принципах. Это происходит в комментариях к ведическим гимнам в индийской традиции, а также в сознательно выстроенных теогониях в греческой традиции. Начинается активное обобщение мифологических представлений через определенные понятия, определяемые уже не только чисто контекстуально, как это было до осевого времени: «порядок», «справедливость», «мера», – к которым в рамках мифологического еще мышления примыкают антонимы: «хаос», «несправедливость», «безмерность» (гибрис). Если в рамках мифологического сознания мир осознавался через представленные символически противоположности вроде хищников и травоядных, сухого и влажного, холодного и горячего, неба и земли, верховья и низовья, красного и белого и др. (согласно структурной антропологии К. Леви-Стросса [Леви-Стросс 1999]), то здесь появляются абстрактные понятийные пары. Они еще зависят от контекста, но уже начинают определяться и друг через друга. Кроме того, порядок вносится хронологией, когда персонафицированные образы укладываются в определенной временной последовательности.

Далее интеллектуальное движение, которое ведет к науке, связано с философией. Именно философия поэзия передала способность к правильной организации текстов и словотворчеству. Стоит обратиться к первому известному аутентичному тексту античной философии – фрагменту из Анаксимандра, сохраненному Симпликием: «А из каких [начал] вещам рожденье, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [=ущерба] в

назначенный срок времени», – и этот текст сопровождается комментарием: «...как он сам говорит об этом довольно поэтическими словами» [Фрагменты 1989, 127]. Но не менее любопытно то, что философам явно не хватает слов, чтобы выразить новое открываемое ими рефлексивное содержание. Мифологическое сознание представляет мир в конкретных контекстуально зависимых понятиях, причем в словарях соответствующих языков нет общих понятий. Неслучайно именно с интеллектуальной деятельностью философов приходит целая серия новых слов, позволяющих сформировать лексику таким образом, что она дает возможность выражать родовидовые отношения, что невозможно для языков первобытных обществ. Именно появление общей лексики становится условием для правильной организации определений, а следовательно, для появления нового типа классификаций. И до этого языки классифицируют множество объектов определенного рода. Леви-Стросс приводит достаточно примеров, когда туземцы выделяют и с легкостью перечисляют 450 видов растений, 75 видов птиц, 20 видов муравьев, 50 типов стрел и т.п. [Леви-Стросс 1999]. Но только с философией осуществляется выход на такие общие слова, как бытие (онтос), космос, фюсис (природа), бесконечность (апейрон), логос, названия четырех стихий (корней) и т.д.

Появление таких слов означает, что меняется позиция говорящего о мире, он выходит за пределы конкретных образов на уровень рефлексии. Эти слова в принципе невозможно соотносить с реальностью. Стоит отметить тот восторг, который испытывают авторы создаваемых ими абстрактных понятий. В это время появляются и доказательства, как в философии (апории Зенона), так и в математике (Пифагор). Затем интеллектуальная деятельность осуществляется уже независимо от поэзии, и на новом этапе софисты начинают играть с понятиями и, по сути дела, осуществляют рефлексии над уже родившейся философской мыслью. Они на новом уровне обращают внимание на способ выражения мысли. Этот этап дает возможность представления общего знания на уровне методологии, что становится особенно очевидным в работах школы Аристотеля. На данном этапе возникают конкретные науки [Donskikh 2018].

В V веке до н.э. появляется грамматика санскрита Панини, а в конце III века до н.э. – греческая грамматика Дионисия Фракийского. Появление грамматик означает, что сформировался литературный язык, который начинает обогащаться за счет различных функциональных стилей, причем одним из важнейших стилей оказыва-

ется язык науки, отражающий специфику нового типа мышления.

Если говорить о Греции, то наука была создана в Александрии. Здесь она отрывается от философии, и начинается работа по осмыслению отдельных фрагментов картины мира. У философии был взят метод: «Ученые Мусейона не исповедовали определенной философии и даже аристотелевской философии. Они заимствовали у Аристотеля не метафизику, а направление работы, метод работы... Это действительно был университет. Следовательно, в Александрии создали науку» [Боннар 1992, 252–253].

Собрание разнородных неупорядоченных текстов потребовало огромной филологической работы. Именно филология заложила основание для всех остальных научных дисциплин, которыми занимались в библиотеке и Мусейоне. Это произошло благодаря тому, что филология позволила, во-первых, правильно организовать собираемые в библиотеку тексты, и это дало возможность ученым разных направлений познакомиться с работами предшественников, а во-вторых, совершенствовала язык, позволяя эффективно и терминологически грамотно общаться на различные темы. Иногда обилие текстов приводило к ситуациям, когда гипотезы множились и не находилось логического основания, позволявшего предпочесть какую-нибудь из них. Стоит заметить, что совершенно не случайно первыми руководителями библиотеки были филологи-поэты.

Возвращаясь к заданному определению науки как деятельности, сознательно направленной на получение нового знания об определенном фрагменте того, что представляется реальностью, можно сказать, что именно в Александрии сформировался тот язык, который мог представить эти фрагменты реальности на понятийном уровне, который позволил давать правильные определения и строить соответствующие классификации. Именно здесь были написаны «Начала» Евклида, «О круговращении небесного свода» Эратосфена, собран корпус Гиппократов и т.д.

И еще один аспект. Мифологическая картина мира глубоко символична, а язык науки – это уже разделение понятий на два класса: первые составляют абстрактный уровень, тогда как вторые оказываются верифицируемыми.

БИБЛИОГРАФИЯ

Боннар 1992 – Боннар А. Греческая цивилизация. От Еврипида до Александрии. М. : Искусство, 1992.

- Левин-Стросс 1999 – *Левин-Стросс К.* Тотемизм сегодня // Левин-Стросс К. Первобытное мышление. М. : ТЕРРА-Книжный клуб ; Республика, 1999. С. 37–110.
- Соссюр 1977 – *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. С. 7–285.
- Фрагменты 1989 – *Фрагменты ранних греческих философов.* М. : Наука, 1989. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики.
- Ясперс 1991 – *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991. С. 32–50.
- Donskikh 2018 – *Donskikh O.* Splitting concepts: steps of reflection // ΣΧΟΛΗ (Scholē). Философское антиковедение и классическая традиция. 2018. Том 12. Вып. 2. С. 402–425.
- Wilke, Moebus 2011 – *Wilke A., Oliver M.* Sound and Communication. An Aesthetic Cultural History of Sanskrit Hinduism. Berlin ; New York : Walter de Gruyter GmbH & Co., 2011.

REFERENCES

- Bonnard, A. (1992). *Greek Civilization: From Euripides to Alexandria.* Iskusstvo. (In Russian).
- Donskikh, O. (2018). Splitting concepts: steps of reflection. ΣΧΟΛΗ (Scholē). *Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*, 12(2), 402–425.
- Jaspers, K. (1991). *The origin and goal of history* (pp. 32–50). Politizdat. (In Russian).
- Lebedev, A.V. (1989). *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments from early Greek philosophers] (part 1). Nauka.
- Levi-Strauss, C. (1999). Totemism. In C. Levi-Strauss. *The savage mind* (pp. 37–110). TERRA-Knizhnyy klub; Respublika. (In Russian).
- Saussure, F. de. (1977). Course in general linguistics. In F. de Saussure, *Writings in general linguistics* (pp. 7–285). Progress. (In Russian).
- Wilke, A., & Oliver, M. (2011). *Sound and communication. An aesthetic cultural history of Sanskrit Hinduism.* Walter de Gruyter GmbH & Co.

Материал поступил в редакцию 14.11.2022

Материал поступил в редакцию после рецензирования 10.01.2023

НАУКА КАК КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ОПТИКЕ ПАРАДИГМЫ МЫШЛЕНИЯ-ВМЕСТЕ-СО-СЛОЖНОСТНОСТЬЮ

В. И. Аршинов

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия
varshinov@mail.ru

Статья посвящена попытке конструктивно осмыслить, что имеется в виду (или что скрывается) под зонтичным термином «наука» (или «научность») в мультиперспективной оптике рекурсивного мышления-вместе-со-сложностью как процессуально-рекурсивного мышления «посередине». Подчеркивается, что так понимаемое мышление-вместе-со-сложностью (парадигма сложности в терминологии Э. Морена) противопоставляется парадигме простоты не как отрицание необходимости (и неизбежности) процедур упрощения, а как мыследеятельная, лингво-семиотически опосредованная, осознаваемая стратегия редукции сложности (в трактовке Н. Лумана). Оно предполагает также определенную этику добродетели в смысле учения о срединности Аристотеля и учения о выборе срединного пути Дао. Обсуждается восходящий к пониманию Симондоном генезиса техничности как фазового сдвига в первобытном магическом мироощущении применительно к коэволюционному пониманию науки и научности как семиотического переплетения (Entanglement) лингво-технонаучности, а также коэволюционного переплетения естественнонаучного и гуманитарного знания и различных способов-режимов познания, эко-когнитивных семиотических практик.

Ключевые слова: рекурсия, сложность, переплетение, коэволюция, процесс, семиотические практики, наблюдатель сложности

SCIENCE AS A COGNITIVE-SEMIOTIC PROCESS IN THE OPTICS OF THE THINKING-TOGETHER-WITH-COMPLEXITY PARADIGM

Vladimir I. Arshinov

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
varshinov@mail.ru

The article is an attempt to constructively comprehend what is meant by (or, what is hidden under) the umbrella term “science” (or scientificity) in the multiperspective optics of thinking-together-with-complexity. This way of thinking is understood as the search for coherence – an inner unity in the flow of the emerging chaotic variety of interactions between man and his natural

and technogenic environment in the epoch of the Anthropocene and the emerging artificial intelligence. Not giving a strict definition of complexity, the article refers to a recently published Russian translation of the book by the French thinker Edgar Morin with an afterword by the translator (Yakov Svirsky) and the editor of this book (Vladimir Arshinov). In this connection, the following explanation is provided: thinking-together-with-complexity (the hyphen here is very important as a linking sign) is inter-disciplinary (and trans-disciplinary) thinking that focuses exactly on the prefix inter, which has a fundamental meaning. It is recursive-procedural mediating thinking in the middle. The article emphasizes that this way of thinking – together-with-complexity (the complexity paradigm in Moren's terminology) – is opposed to the simplicity paradigm not as a denial of the necessity (and inevitability) of simplification procedures, but as a thought-activating, linguo-semiotically mediated and conscious strategy of reducing complexity (as interpreted by Niklas Luhmann). It also implies a certain virtue ethics in the sense of Aristotle's doctrine of middleness and the doctrine of choosing the middle path of Tao. The discussion goes back to Simondon's understanding of the genesis of technicality as a phase shift in the primordial magical worldview, as applied to the co-evolutionary understanding of science and scientificity as a semiotic entanglement of linguistic-technological-scientificity; as a process of techno-mediated, recursive contact-bonding of man as an organ-like, bodily embodied universe with his reanimated complex environment of biospheric and, ultimately, cosmic habitat, which has generated him and is generated by him; and, of course, as the coevolutionary intertwining of natural-science and humanitarian knowledge and modes of cognition, eco-cognitive semiotic practices.

Keywords: recursion, complexity, entanglement, coevolution, process, semiotic practices, complexity observer

DOI 10.23951/2312-7899-2023-2-81-94

Необходимость находиться посередине –
серьезная проблема для экологического мышления.

Тимоти Мортон. «Стать экологичным»

Некоторые любят разделять и классифицировать,
в то время как другие наводят мосты – сплетают отношения,
превращающие разделение в живой контраст, чья сила в том,
чтобы воздействовать, пробуждать мысль и чувство.

Изабель Стенгерс. «Восстанавливая анимизм»

Введение

Я вижу свой текст как попытку конструктивно присоединиться к интересному и очень важному разговору о том, что имеется

в виду (или что скрывается) под зонтичным термином *наука* (или *научность*) в самом широком смысле этого слова, а также раскрывается-разворачивается в мультиперспективной оптике мышления-вместе-со-сложностью, понимаемого так же, как поиски связности (или внутреннего единства) в турбулентном потоке становящегося разнообразия взаимодействий человека и окружающей его природной и техногенной (в том числе и цифровой) среды. За неимением места (или просто неуместности) я не буду здесь давать (строго или нестрогого) определения концепта сложности, отсылая к недавно вышедшему русскому переводу книги Э. Морена «О сложности» с послесловием переводчика (Я. И. Свирского) и редактора этой книги (В. И. Аршинова) [Морен 2019, 273–282]. Ограничусь лишь совершенно необходимыми для понимания хода моих рассуждений-ассоциаций пояснениями, надеюсь, интуитивно понятными.

Первое пояснение: мышление-вместе-со-сложностью (подчеркну, что дефисы здесь как знаки связывания весьма важны) – это мышление междисциплинарное (и трансдисциплинарное), где приставка *меж* имеет принципиальное значение. Это именно мышление посередине. Как подчеркивает Морен, сложностное мышление – это *связывающее* мышление, противостоящее упрощающему, разделяющему (Декартовскому) мышлению «по частям», а также дисциплинарно ориентированному редуционизму. Спешу, однако, здесь добавить, что так понимаемое мышление-вместе-со-сложностью противостоит парадигме простоты не как отрицание необходимости процедур упрощения, их неизбежности во всяком сказанном слове, акте познания и восприятия. Напротив, это упрощение предполагает мыследеятельную, *семиотически* опосредованную, *осознаваемую* стратегию редукиции сложности [Луман 2007]. Оно предполагает также определенную этику добродетели в смысле учения о срединности Аристотеля и учения о выборе срединного пути Дао. В связи с этим сошлюсь и на недавно возникшее направление (мета)методологической мысли, именуемое симплексологией (Simplexity: Simplifying Principles for Complexity Word), позиционирующее себя как раз «между» просто понимаемой простотой и сложно понимаемой сложностью.

Вернусь к основной теме моего нарратива о науке как процессе техно-опосредованного контакта-связывания человека как орга-

ноподобной, телесно воплощенной вселенной с окружающей *его реанимированной* сложностной средой биосферного и в конечном счете космического обитания, его породившей и им же порождаемой. Ради пояснения этой сложносочиненной синтаксической конструкции сошлюсь на принцип коэволюции человека с самим собой, опосредованный создаваемыми им техническими артефактами и, конечно же, языком, в том числе языком поэзии, религии и мифопоэтики, – здесь я полностью солидаризируюсь с позицией О. А. Донских¹. Но я также не могу здесь удержаться от соблазна и не процитировать знаменитое высказывание Н. Бора в контексте дискуссий по поводу понимания квантовой механики: *«Мы все подвешены в языке таким образом, что не можем определить, где верх, а где низ»*. Наконец, завершая этот вступительный экскурс-погружение в сложностность, процитирую И. Стенгерс, одно из высказываний которой я поместил в качестве эпиграфа к данному тексту: *«Дабы противостоять могущественному образу древовидного прогресса с наукой в качестве ствола, я обращаюсь теперь к другой идее Делеза – идее необходимости “мыслить посередине”, то есть – без привязки к основанию или идеальной цели, так и от отделения чего-либо от среды, которая необходима для существования...»* [Стенгерс 2021, 83].

Мыслить-вместе-со-Спенсером Брауном

Итак, зафиксируем. Мышление-вместе-со-сложностностью – это процесс рекурсивного мышления посередине субъекта и объекта, мышление соединяющее, но не диалектически-гегелевским способом (процессы объективации и субъективизации). Можно, используя терминологию В. В. Налимова, «распаковать» эту срединность, включив в рассмотрение Байесовского наблюдателя, а заодно и сослаться на примечательную статью Виктории Лысенко «Трудное дело “середины”»: “срединность” (mesotes) Аристотеля и “срединный путь” (majjhima patipad) Будды» [Лысенко 2004]. Но это включение выходит далеко за рамки данной статьи. Вместо этого я приступаю к трудному делу, обратившись к работе английского математика, инженера, ученика Бертрана Рассела Джорджа Спенсера-Брауна, впервые увидевшей свет в 1969 году под названием

¹ Статья О.А. Донских «Язык как индикатор визуализации научного мышления» в этом номере журнала.

«Законы формы» (The Law of Form) [Spencer-Brown 1969]. Это сочинение, чем-то напоминающее знаменитый «Логико-философский трактат» Витгенштейна, открывается словами: «Чтобы наблюдать – надо провести различие» [Spencer-Brown 1969, 1]. И с этой целью он вводит свой знак различия – уголок Спенсера-Брауна \sqcap . Значение этой семиотической инновации сопоставимо разве что со знаками равенства ($=$), тождества (\equiv), бесконечности (∞) или нуля, играющих на протяжении веков ключевую роль в научном познании, научном дискурсе².

По поводу этого «уголка» написано множество комментариев и интерпретаций, но я сфокусируюсь на следующих моментах. Во-первых, фиксация уголка – это перформативно-дескриптивное действие (сенсорно-моторное), которое, по Спенсеру-Брауну, порождает пространство и время, разделяя и соединяя внешнее и внутреннее посредством запуска процесса рекурсии [Попков 2022]. Контингентно соединяя то, что уже обозначено как «внутри» уголка, и то, что еще не обозначено, но тем не менее может рассматриваться как некий фон, контекст, окружающая среда, как некая потенциальность или «просто» некая сложность. Или, короче, – как некое, до поры до времени непоименованное, безымянное Иное. Или парадоксально определяемое как неопределенное. Здесь также уместна топологическая визуализация в образе известного листа Мебиуса. Подчеркну еще раз, что проводимое по Спенсеру-Брауну различие содержит в себе указание его пересечь. Это равнозначно логической связке «Оба И» или отрицанию или / или.

Во-вторых, в этой операции различения / соединения возникает фигура наблюдателя, который, следуя терминологии основоположника кибернетики второго порядка Хайнца фон Ферстера, именуется наблюдателем второго порядка. А я здесь предпочитаю говорить о наблюдателе сложности. Естественно возникает вопрос: причем здесь «второй порядок»? Дело в том, что наблюдатель первого порядка находится в уже означенной среде «внутри» уголка, но он не видит его как границы. Напомню высказывание Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего мира». Эту границу-уголок видит наблюдатель второго порядка, но у него тоже есть свое «слепое пятно», так что было бы ошибкой видеть

² Достаточно указать на поиски окончательных законов природы в форме некоего фундаментального уравнения мироздания.

в нем новое издание трансцендентального наблюдателя в смысле Канта. Здесь было бы уместно вспомнить Гуссерля и Хайдеггера, но для меня ближе коммуникативная социокибернетика Н. Лумана и энактивистский дискурс автопоэзиса Варелы и Матураны. При этом оба наблюдателя находятся в рекурсивной (рефлексивной) связи между собой, так что наблюдатель второго порядка – это самореферентный наблюдатель, наблюдающий себя как Другого.

Осознавая, что все сказанное выше может вызвать замешательство, сформулирую его другими словами. Именно уголок Спенсера-Брауна фокусирует наше внимание на границе-мембране-контакте органоподобной, автопоэтической системы и, вообще говоря, изменчивой, хаотичной, турбулентной среды. Фокусируется на их взаимообусловленности, рекурсивной взаимосвязанности, понимаемой как процесс непрерывного семиозиса, по Пирсу, в котором, если прибегнуть к терминологии гештальт-психологии, фигура рекурсивно переплетается с фоном и в этом смысле неотделима от него, как текст от контекста. Вот это развертывающееся во времени, становящееся единство (связность) настоящего, его переплетенность с уже актуально обозначенным прошлым и еще потенциально не обозначенным (и в этом смысле – неопределенным) будущим и есть становящаяся коммуникативно-семиотическая форма Спенсера-Брауна. И в эту картину с необходимостью включается и трансграничный наблюдатель сложности как знак-интерпретанта в смысле триадичной перцептивной семиологии Пирса. Таким образом, форма Спенсера-Брауна становится инструментом перцептивно лингвистической коммуникации-контакта органоподобной системы с ее средой, рекурсивным (циклическим) процессом, в котором в качестве его собственного значения возникает смысл. Возникает понимание смысла как включенного в процесс самоорганизации значений, значимых признаков, знаков-ключей формирования образа восприятия как гештальта.

Пользуясь более привычной терминологией, добавлю, что наблюдателя сложности можно также рассматривать как семиотического, диалогического посредника между такими традиционными персонажами классического философского дискурса, как субъект и объект, или естественнонаучного разграничения порядок / хаос. Или как квантовоподобного актора / агента здесь и теперь, соединяющего в настоящем уже актуально случившиеся

события уходящего прошлого и предвосхищающего квантовые вероятности (возможности) становящегося будущего, их квантовоподобного переплетения (Entanglement).

Мыслить-вместе-с-Симондоном

Каким же образом все эти рассуждения можно соотнести со спецификой той деятельности, которая именуется научным познанием, будь то познание естественнонаучное или гуманитарное, познание, понимаемое как процесс открытия непознанного или же конструирования, создания некоего закономерно осмысленного порядка из хаоса окружающей среды? Отвечая на этот вопрос в контексте дискурса парадигмы сложности как поиска / конструирования средств, связей, знаков, образующихся в процессах проведения различий / пересечений (но не стираний в редукции к статической целостности), процессах телесно обусловленных касаний перцепций – встреч с Иным (и с самим собой), я обращаюсь к творческому наследию Жильбера Симондона, к его концепции индивидуации, сфокусировавшись на его понимании техничности, которая для меня коэкстенсивна концепции научности. Здесь, к сожалению, мне приходится оставить без внимания самую оригинальную и сегодня востребованную его концепцию индивидуации, отсылая к только что вышедшему переводу Я. И. Свирского первой части его главного труда [Симондон 2022].

Не вдаваясь в детали, приведу несколько высказываний Симондона, резонирующих с Законами Формы Спенсера-Брауна: «... Чтобы понять философское значение существования технических объектов, следует обратиться к обобщенной генетической интерпретации отношений человека и мира <...>. Наша общая гипотеза относительно связи человека с миром состоит в том, что единство, образованное человеком и миром, необходимо рассматривать как некую систему. Эта гипотеза не ограничивается, тем не менее, утверждением, что человек и мир образуют некую жизненную систему, включающую живое и его среду; эволюция и в самом деле могла бы рассматриваться как адаптация, то есть поиск стабильного равновесия между жизнью (le vivant) и средой <...>. Связь человека с миром не является простой адаптацией, управляемой законом саморегулирующейся целесообразности <...> эволюция

этой связи, в которой среди прочих модусов существования (*modes d'être*) участвует техничность, демонстрирует, напротив, возрастающую от одного этапа к другому способность к эволюции, обнаруживая новые формы и силы, способные заставить развитие эволюционировать далее...» [Симондон 2013, 94–95]. Наконец, приведу еще одну цитату, достаточно обширную, но важную для разъяснения моего понимания научности как технонаучности: «Техничность, обнаруживающая себя в использовании предметов³, может мыслиться как проявляющаяся в ходе структурирования, которое временно решает проблемы, поставленные первичной и первобытной фазой отношения человека к миру. Можно назвать эту первую фазу *магической фазой*, взяв это слово в наиболее общем смысле и рассматривая магический способ существования как дотехнический и дорегиозный, располагающийся прямо поверх простой связи живого со своей средой. Магический способ связи с миром вовсе не лишен организации, привязывание к миру и человеку еще не конкретизировалось и не обособилось при помощи специальных предметов или специального класса людей, однако оно существует функционально в первом структурировании, простейшем из всех, – в том, которое порождает различие в мире между фигурой и фоном <...>. Техничность появляется как как один из двух аспектов решения проблемы связи человека с миром; другим одновременным и соотносящимся аспектом является возникновение определенных религий» [Симондон 2013, 97].

В дополнение замечу, что в современной *теологии второго порядка*⁴ сегодня активно формируется новая парадигма мышления *посередине*, инициированная ирландским католическим философом У. Десмондом, автором книги “Being and Between”, концепции Метаксологии (Metaxological), срединного мышления [Desmond 1995].

Но вернемся к Симондону, продолжив цитирование: «Техничность никогда не должна рассматриваться как отдельная реальность, но как часть системы. Она является частичной реальностью и реальностью переходной, результатом и принципом генезиса. Результат эволюции, техничность является хранилищем эволюционной способности именно потому, что в качестве решения пер-

³ Знаков-символов, а также специализированных языков, таких как, например, математика, – добавил бы здесь я.

⁴ Термин мой. – В. А.

вичной проблемы она обладает полномочиями посредника между человеком и миром» [Симондон 2013, 97]

Здесь, видимо, уже пора расстаться с Симодоном, с тем чтобы попытаться найти место синергичной сборки *техничности и научности* как неких субкультур, относительно автономных, точнее автопоэтических, и в то же время взаимносопряженных, взаимопереплетенных реальностей, являющихся в этом своем качестве специализированными средствами эволюционной связи человека и мира, его контакта с миром, креативной коммуникации, диалога с природой и между самими людьми. С моей точки зрения, это место – зоны сборки – можно увидеть с позиций находящегося в режиме рекурсивно-коммуникативного диалога наблюдателя сложности второго порядка, осознающего глубокий экологический и эволюционный смысл высказывания: «Я различаю себя и иное, следовательно, я существую как наблюдатель». Я существую вместе с другим. То есть со-существую. В этом способе мышления-вместе-со-сложностью особое место принадлежит знакам, процессам семиозиса и так называемым креольским смешанным языкам, возникающим в так называемых зонах смыслового обмена (Trading Zone), по Галисону, лингво-семиотического взаимодействия – контакта разных культур. Рассматривая становящиеся гетерогенные и эволюционирующие материально-семиотические системы научной культуры, Галисон выделил-различил в них три когнитивные субкультуры: субкультуру практического мышления теоретиков, оперирующих математическими символами, субкультуру экспериментаторов, оперирующих приборами, разного рода материальными устройствами-аппаратами, и, наконец, субкультуру инженерных практик конструирования различных приборов и установок для эксперимента [Галисон 2004]⁵. Сюда же можно теперь добавить и еще одну субкультуру, а именно субкультуру практик программирования, написания компьютерных кодов, экспериментирования с нейросетями.

И тогда единство как *связность различаемых практик* внутри исторически сложившихся форм научного познания определяется степенью координации всех этих субкультур, тем, что можно было бы назвать общей когнитивной экологией. А это уже проблема

⁵ Английский вариант данной статьи опубликован в сборнике "The Science Studies Reader" / ed. by M. Biagioli. New York : Routledge, 1999. P. 137–160.

конструирования новых гибридных (креольских) языков, инициирования процессов инновационного поиска в области семиотики, в том числе в области биосемиотики, экосемиотики, семиотики нейросетей, проблема погружения в контекст, отсылающий к наследию Пирса, прагматистской антологии абдуктивно ориентированного, открытого будущему способу мышления, мышления посредством выдвигания и опровержения дерзких, по Попперу, гипотез, мысленных экспериментов, в частности тех, согласно которым все – органическая и неорганическая вселенная (космос) и человек «внутри нее», или же мыслимый, по образному выражению Карен Барад, как находящийся «на полпути к Вселенной»⁶ [Barad 2007]. Или / и – как сеть лингвистически и технологически оснащенных акторов-наблюдателей-участников, вовлеченных в непрерывный материально-семиотический процесс. Тем самым наука в некотором смысле на ее новом витке спирали развития возвращается к тайнам магии, к новому очарованию мира [Пригожин, Стенгерс 2005] и, если угодно, к новой переосмысленной теологии постантропоцентризма, гипотезе витальности материи [Беннетт 2018], возрождению идеи панпсихизма в духе Спинозы–Лейбница. И в этом конвергентном эволюционном процессе гуманитарное знание, ориентированное на создание средств интересубъективного диалога между людьми, и естественнонаучное знание, ориентированное на создание средств диалога с природой [Пригожин, Стенгерс 2005], выступают как две взаимодополняющие связанные перспективы в мультиперспективном мышлении-вместе-со-сложностью.

Вместо заключения

Одной из специфических отличительных черт естественнонаучного познания в той его форме, как оно развивалось в контексте европейской культуры, является феномен его стремительного, взрывного роста за последние пять столетий, от гелиоцентризма Галилея до мультивселенных, черных дыр, связываемых между собой квантовыми переплетениями (Entanglement) в моделях современных квантовых космологов⁷.

⁶ Процитированные слова есть в заголовке книги [Barad 2007], перевод которой, насколько мне известно, готовится в Перми.

⁷ Эти пять столетий Нового времени были названы социологом Рэндаллом Коллинзом эпохой быстрых открытий [Коллинз 2002].

Будучи ограниченным размерами данной статьи, я предельно кратко попытаюсь далее объяснить этот феномен научности, как он видится в оптике мышления-вместе-со-сложностью, которая, как я уже отмечал выше, вовсе не отрицает процедур упрощения. В моем случае эти упрощения касаются отвлечения от непосредственного рассмотрения таких несомненно важных факторов, как социально-экономическая и культурная эволюция западного сообщества за эти столетия. Данные факторы учитываются, принимаются во внимание здесь как некая экзосемиотическая среда, на фоне которой внимание *фокусируется на особенностях мыследетельных практик в субкультурах* научного эндосемиотических познания, как они оформились в качестве так называемого естественнонаучного познания Нового времени, или, короче, науки Нового времени. В связи с этим обычно утверждается, и, конечно, вполне справедливо, что оно – естественнонаучное познание – стало таковым, включив в свою познавательную практику эксперимент в качестве ключевого средства активного вопрошания природы, не попытки, а диалога с ней, по выражению Пригожина и Стенгерс, создания интерфейса, языка-переводчика с «языка природы» на язык человека. При этом, однако, зачастую без должного внимания оказывается тот факт, что становление научного мышления Нового времени, его научность и пресловутая точность обусловлены возникшим синергичным взаимодействием, эволюционным когнитивным симбиозом уже сложившихся к тому времени математических и экспериментальных практик. Именно «между ними» возник тот качественно новый тип креативного инструментально-прагматически оснащенного научного воображения, который именуется мысленным экспериментом, или, если угодно, абдуктивным умозаключением, по Пирсу, являющимся, по сути, его отличительной чертой, а также переплетенным с процессами семиозиса, семиотической активностью интерпретируемых наблюдателями знаков. Или – с их интерпретантами как посредниками между объектами и репрезентативами, в терминологии того же Пирса. Замечу при этом, что присутствие мысленного эксперимента как семиотического инструмента-посредника в научных текстах по сложившейся традиции далеко не всегда явно артикулируется. Он относится к сфере личностного, неартикулированного, молчаливого знания, в смысле М. Полани (*tacit knowledge*) [Полани 1985].

И все же есть значимые исключения. Вспомним ключевой для понимания специальной теории относительности мысленный эксперимент А. Эйнштейна с наблюдателем, «оседлавшим» электромагнитную волну и смотрящим в зеркало, которого наблюдает другой наблюдатель – «второго порядка» в терминах современной неокибернетики, который видит, что первый наблюдатель не может видеть своего изображения, если придерживаться классического принципа относительности и сложения скоростей Галилея.

Соответственно, если говорить об инструментальной, операциональной оснащенности этого способа мышления-вместе-со-сложностью, то нам следует сфокусировать внимание на двойственной субъектно-объектно ориентированной фигуре распределенного семиотического наблюдателя как актора мысленного эксперимента, наблюдателя и конструктора семиотических швов, лингво-перцептивного посредника в процессах креативной, интерсубъективной коммуникации в средах научных субъкультур, включая с необходимостью структурное автопоэтическое сопряжение изобретенных в естествознании мыследеятельных процедур объективации знания с Умвельт-семиосферой культуры гуманитарного знания.

Визуально-тактильная, когнитивная семиотика, киберсемиотика энактивного, телесно расширенного трансдисциплинарного познания, экологически сфокусированного на процессах взаимодействия органоподобных систем и их сред, становится в этом контексте как никогда актуальной.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беннетт 2018 – *Беннетт Дж.* Пульсирующая материя. Политическая экология вещей. Пермь : Гиле Пресс.
- Галисон 2004 – *Галисон П.* Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.
- Коллинз 2002 – *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002.
- Луман 2007 – *Луман Н.* Введение в системную теорию. М. : Логос, 2007.
- Лысенко 2004 – *Лысенко В.* Трудное дело «середины»: «срединность» (mesotes) Аристотеля и «срединный путь» (majjhima patipad)

- Будды // Сравнительная философия. М. : Вост. лит., 2004. Вып. 2. С. 182–199.
- Морен 2019 – Морен Э. О сложности. М. : Ин-т общегуманитарных исследований, 2019.
- Полани 1985 – Полани М. Личностное знание. М. : Прогресс, 1985.
- Попков 2022 – Попков В. Математика сознания. Глубинные истоки мышления и «Законы формы» Дж. Спенсера-Брауна. М. : ЛЕНАНД, 2022.
- Пригожин, Стенгерс 2005 – Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М. : КомКнига, 2005.
- Симондон 2013 – Симондон Ж. Суть техничности // Синий диван. 2013. № 18. С. 93–114.
- Симондон 2022 – Симондон Ж. Индивид и его физико-биологический генезис. М. : Ин-т общегуманитарных исследований, 2022.
- Стенгерс 2021 – Стенгерс И. Восстанавливая анимизм // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 2 (136). С. 80–94.
- Barad 2007 – Barad K. Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham : Duke University Press, 2007.
- Desmond 1995 – Desmond W. Being and the Between. Albany : State University of New York Press, 1995.
- Spencer-Brown 1969 – Spencer-Brown G. Laws of Form. London : Allen & Unwin, 1969.

REFERENCES

- Barad, K. (2007). *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Duke University Press.
- Bennett, J. (2018). *Vibrant matter: A political ecology of things*. Gile Press. (In Russian).
- Collins, R. (2002). *The sociology of philosophies: A global theory of intellectual change*. Sibirskiy khronograf.
- Desmond, W. (1995). *Being and the Between*. State University of New York Press.
- Galison, P. (2004). Trading zone: Coordinating action and belief. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 1, 64–91. (In Russian).
- Luhmann, N. (2007). *Introduction to systems theory*. Logos.
- Lysenko, V. (2004). Trudnoe delo “serediny”: “sredinnost” (mesotes) Aristotelya i “sredinnyy put” (majjhima patipad) Buddy [The difficult matter of the “middle”: Aristotle’s “middleness” (mesotes) and Buddha’s “middle path” (majjhima patipad)]. In M. T. Stepa-

- nyants (Ed.), *Sravnitel'naya filosofiya* [Comparative philosophy] (is. 2, pp. 182–199). Vostochnaya literatura.
- Moren, E. (2019). *On complexity*. Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. (In Russian).
- Polanyi, M. (1985). *Personal knowledge*. Progress.
- Popkov, V. (2022). *Matematika soznaniya. Glubinnye istoki myshleniya i "Zakony formy" Dzh. Spensera-Brauna* [Mathematics of Consciousness. Deep origins of thinking and "Laws of Form" by G. Spencer-Brown]. LENAND.
- Prigogine, I., & Stengers, I. (2005). *Order out of chaos: Man's new dialogue with nature*. KomKniga. (In Russian).
- Simondon, G. (2013). The essence of technicity. *Siniy divan*, 18, 93–114. (In Russian).
- Simondon, G. (2022). *The genesis of the individual*. Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. (In Russian).
- Spencer-Brown, G. (1969). *Laws of Form*. Allen & Unwin.
- Stengers, I. (2021). Reclaiming animism. *Neprikosnovennyuy zapas: Debaty o politike i kul'ture*, 2(136), 80–94. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 14.11.2022

Материал поступил в редакцию после рецензирования 10.01.2023

ОТ ПОЭЗИИ К НАУКЕ ИЛИ ОТ ПРАВИЛ К ТЕОРИИ¹

А. В. Болдачѐв

Лаборатория институционального проектного инжиниринга,
Москва, Россия
boldachev@gmail.com

Развиваются два тезиса: (1) наука – это одна из форм или сфер познания, наравне с искусством, философией, религией, математикой, мистикой; (2) определить, что такое наука, можно только проведением границ между перечисленными формами познания. Констатируется, что различия между познавательными сферами не определяются ни при обращении к истории их формирования, ни на уровне их связи с языком, – все они используют язык как основной инструмент фиксации результатов познания. Базовыми же критериями, обеспечивающими относительно строгое проведение границ между наукой и другими познавательными сферами, являются специфика предмета познания (воспроизводимый или уникальный) и структура текста, в котором фиксируется результат познания (рациональный или иррациональный).

Ключевые слова: наука, познание, знание, язык, философия

FROM POETRY TO SCIENCE OR FROM RULES TO THEORY²

Alexander V. Boldachev

Laboratory of Institutional Design Engineering, Moscow, Russian Federation
boldachev@gmail.com

Cognition is an activity that ensures adaptation and better orientation of a person in the world. The result of cognitive activity is not a specific consumer product or service, but behavioral scenarios (usually recorded in the form of texts) that generally increase human survivability in the world. Cognitive activities are primarily distinguished by their subjects: aesthetic perception (art), unified forms of thinking (philosophy), universal values (religion), explicit structural unity (mathematics), and implicit unity of the world (mysticism). The subject of scientific cognition should be recognized not just as abstract reality, but as unequivocally reproducible phenomena, regardless of their ontological status. And this decision undoubtedly corresponds to the general scientific representations of the reproducibility of experiments and the possibility of

¹ Ответ на статью Олега Донских «Язык как индикатор визуализации научного мышления», опубликованную в этом номере журнала.

² A reply to a paper by Oleg Donskikh, "Language as an indicator of the visualization of scientific thinking", published in this issue of the journal.

recording the regularities revealed in them in the form of rational sign systems (formulas and theories). The main contribution of philosophy to the development of science lies not in “word creation”, not in introducing new concepts (being, cosmos, nature, infinity, logos, etc.), but in using these new concepts to construct complex, internally consistent structures that, when recorded in text, are called theories. Science as an independent cognitive activity formed when it had combined two linguistic practices, two text forms of knowledge representation: (1) empirical statements about uniquely reproducible phenomena and (2) theoretical statements, logically derived within a sign system that describes those phenomena in scientific terms. It is essential to note that neither empirical statements, such as experimentally obtained ones, nor theory conclusions are scientific in and of themselves. They only become scientific when the results of observations match the logical/mathematical conclusions of the theory. Science is a cognitive activity whose subject is uniquely reproducible phenomena and whose result is theories whose logical conclusions must be confirmed by empirical data. Disciplines such as religion, art, philosophy, mysticism are not sciences because their subjects are not reproducible. Mathematics as a whole cannot be considered a science because its subject, although reproducible, is inseparable from the discipline itself, that is, there is no clear separation of theoretical and empirical statements in it.

Keywords: science, cognition, knowledge, language, philosophy

DOI 10.23951/2312-7899-2023-2-95-102

Итак, присоединяюсь к дискуссии о науке, инициированной Олегом Донских в статье «Язык как индикатор визуализации научного мышления», в чем-то соглашаясь с изложенными им идеями, развивая их, а в чем-то споря с ними.

Прежде всего обозначу свои исходные позиции. Как и Олег Донских, я считаю, что мышление вообще и особенно научное неразрывно связано с языком. При этом мышление я определяю как оперирование понятиями с целью построения систем понятий (мыслей). Именно развитие языка, активный обмен знаками и особенно манипулирование знаками внутри единичного сознания позволили отделить операции с понятиями от действий с предметами. Это и обеспечило выделение мышления в самостоятельную деятельность, не требующую обязательной опоры на сенсорику и поведенческую активность.

Однако здесь обязательно следует заметить, что такая связь мышления с языком не является специфической для науки: все познавательные сферы – религия, искусство, наука, философия – воз-

ники и функционируют в сфере языка и оформляют результаты познания в виде знаковых систем – текстов. Более того, можно поставить под вопрос само выделение каких-то особых типов мышления: научного, религиозного, философского. Ведь действительно, нередки случаи, когда один человек успешно работает сразу в нескольких познавательных сферах, и трудно предположить, что для написания научной работы, философского трактата или художественного произведения он использует разные мышления. Да и мой собственный опыт свидетельствует, что способы оперирования понятиями хотя и зависят от сферы деятельности, но не настолько, чтобы говорить о необходимости выделения разных типов мышления в различных познавательных сферах. А вот различие между бытовым мышлением и познавательным все же принципиально, и связано оно, как уже отмечалось, с отрывом мышления (оперирования понятиями) от действий с предметами.

Тут следует отметить, что для понимания специфики науки важно указать ее отличие не столько от бытовых, производственных и прочих деятельностей, сколько от других познавательных сфер, к которым также следует отнести искусство, философию, религию, математику, мистику. Познание – это деятельность, обеспечивающая адаптацию и лучшую ориентацию человека в мире. Но не локально (здесь и сейчас), а глобально: результатом познавательной деятельности является не конкретный продукт потребления или услуга, а поведенческие сценарии (как правило, зафиксированные в виде текстов), повышающие в целом выживаемость человека в мире. А поскольку мир не сводится только к физической реальности, поскольку человек живет прежде всего в социуме с его ценностными, этическими, эстетическими и другими отношениями, для успешного функционирования человека в сообществе себе подобных требуются особые методы и формы познания, принципиально отличные от научных. И естественным образом в социуме зарождаются познавательные деятельности, предметом которых являются эстетическое восприятие (искусство), единые формы мышления (философия), всеобщие ценности (религия), явное структурное единство (математика) и неявное единство мира (мистика). И тогда задачу очерчивания границ науки можно свести к указанию ее отличий от других познавательных деятельностей [Болдачёв 2007].

Еще одним принципом, важным при исследовании любого предмета, в том числе и науки, на мой взгляд, является строгое отличие его генезиса от актуального (здесь и сейчас) анализа. Не всегда история возникновения и развития предмета позволяет правильно зафиксировать специфику его современного бытования, провести границы между ним и другими сущностями. К примеру, как я уже отмечал выше, указание на языковые корни науки не поможет нам сформулировать ее отличие от философии или религии. Как не поможет и указание на факт исторического отпочкования науки от философии. Наука никогда не была философией, вернее, научные знания никогда не были философскими, просто до определенного момента и философские, и научные высказывания продуцировали одни и те же люди, которые в донаучные времена назывались философами.

И вот теперь, после столь концептуально содержательного введения, можно перейти непосредственно к дискуссии. Начну с определения науки, предложенного Олегом Донских: «Я буду определять науку как деятельность, сознательно направленную на получение нового знания об *определённом фрагменте того, что представляется реальностью*». Прежде всего обратим внимание на привязку науки к так называемой «реальности». Резонно предположить, что это указание необходимо, чтобы отделить науку от таких познавательных сфер, как философия, религия, математика, про которые нельзя сказать, что их предметами являются фрагменты реальности. Но, с другой стороны, изучают ли фрагменты реальности, скажем, лингвистика, теология? К тому же слово «реальность» не имеет фиксированного значения – некоторые философские направления вообще отказываются от понятия «реальность» (например, радикальный конструктивизм, не говоря уже о субъективном идеализме). Поэтому я бы предложил вообще не использовать слово «реальность» в определениях, тем более что его легко заменить указанием на такой общепринятый признак этой самой реальности, как «однозначная воспроизводимость». Тогда предметом познания науки следует признать не абстрактную реальность, а однозначно воспроизводимые явления, независимо от их онтологического статуса. И такое решение, безусловно, соответствует общим научным представлениям о воспроизводимости экспериментов и возможности фиксации выявленных в них закономерностей в виде рацио-

нальных знаковых систем (формул, теорий). Представление в качестве предмета науки однозначно воспроизводимых явлений сразу же проводит границу между наукой и такими познавательными деятельностями, как искусство, религия, философия, мистика, в которых предмет либо уникален (религия), либо невоспроизводим в восприятии (философия, искусство, мистика).

Теперь давайте обратим внимание на используемое в определении слово «знание» и зададим простой вопрос: а всякое ли знание о воспроизводимых явлениях научно? Всякую ли деятельность, направленную на получение нового знания, следует считать научной? Например, статистический анализ экономических и прочих показателей, опросы общественного мнения и тому подобное однозначно направлены на получение новых знаний, но такие знания не принято называть научными. Или картографическая, геологическая деятельность явно нацелена на получение новых знаний о воспроизводимых явлениях, но и эти знания не принято относить к научным. То есть не все, что про знание фрагментов реальности, не все, что предоставляет нам новые знания о воспроизводимых явлениях, можно автоматически отнести к науке.

Итак, возникает вопрос: а какое же знание научно? И ответ на него дает нам Олег Донских. Но только не в своем исходном определении науки, а в рассуждениях о ее постепенном выделении из языковой практики. В качестве первого шага «онаучивания» предметных знаний Донских видит их оформление в виде поэтических текстов, то есть *«такого сознательного представления текстов, которое требует знания правил их регулярной организации»* (здесь и далее курсивом выделены цитаты из текста Донских). Тут предельно важным представляется указание на *«регулярную организацию»*, то есть выделение в тексте воспроизводимых структур. Поэтические тексты, как подчеркивает Донских, *«требуют осознания набора правил»*, и, кроме того, сам *«язык становится предметом внимания, в отличие от ситуации с обыденной речью»*. Именно выделение языка – а точнее, текста как предмета анализа – и формирование понятий, не связанных с описываемой в текстах предметной деятельностью, а фиксирующих закономерно воспроизводимые языковые структуры, непосредственно подвели к созданию первой научной дисциплины – грамматики. То есть грамматика – это не просто знание о тексте как фрагменте реальности, а знание правил, фиксирующих

однозначно воспроизводимые закономерности построения текстов. При этом правила должны быть сформулированы в специально созданных для этого терминах.

Далее Донских отмечает, что особый вклад в становление научного познания внесла философия, в которой *«появляется целая серия новых слов, позволяющих сформировать лексику таким образом, что она дает возможность выразить родовидовые отношения»*. Вполне соглашаясь с этим, я бы все-таки отметил, что основная заслуга философии в становлении науки заключается не в *«словотворчестве»*, не во введении новых понятий (бытие, космос, природа, бесконечность, логос и др.) и не в *«выходе за пределы конкретных образов на уровень рефлексии»*, а в использовании этих новых понятий для построения сложных, внутренне согласованных структур, которые, будучи запечатленными в тексте, называются теориями. В отличие от грамматики, оперирующей отдельными правилами, философия подняла познание на уровень построения целостных рациональных (логически согласованных) систем понятий.

Но саму философию, несмотря на ее теоретичность (логичность) и способность фиксировать в структурах понятий закономерности своего предмета, то есть продуцировать знания о нем, принципиально нельзя отнести к научной деятельности. Поскольку предмет философии – философское мышление философа – не является однозначно воспроизводимым, этот предмет недоступен для анализа другими. То есть проверить логичность философской теории, воспроизвести ее выводы можно, но вот сверить эти выводы с ее предметом – мышлением философа – может только сам философствующий.

Наука же как самостоятельная познавательная деятельность сформировалась тогда, когда объединила в себе две языковых практики, две текстовых формы представления знаний: эмпирические высказывания об однозначно воспроизводимом явлении и теоретические высказывания, логически полученные в рамках знаковой системы, описывающей в научных терминах это явление [Болдачёв 2022]. При этом существенно, что сами по себе ни эмпирические, например экспериментально полученные, высказывания, ни выводы теории не являются научными. Таковыми они становятся только при совпадении результатов наблюдений с логическими / математическими выводами теории. К примеру, сами по себе социологические статистические данные являются просто эмпирическими,

а не научными знаниями. Так и некая социологическая теория вне и до подтверждения не может считаться научной. Таковой она становится только после совпадения ее расчетов с результатами социальных замеров.

Трактовка науки как познавательной деятельности, обязательно включающей теоретическую и эмпирическую составляющие, применима не только к точным наукам, но и к гуманитарным. Подробный разбор литературного произведения или описание исторического события сложно считать научными. А вот когда у ученого есть теория и он ищет и находит ее подтверждения в произведениях писателя или документальных свидетельствах, то такую деятельность, безусловно, следует назвать научной – литературоведческой или исторической. При этом для гуманитарных наук очевидно и наличие у них однозначно воспроизводимых предметов (исходные тексты может прочитать каждый) и теоретических выводов, логичность которых также можно подвергнуть проверке (хотя, конечно, и не такой строгой, как в точных науках).

В завершение осталось формально обобщить полученные выводы. Наука – это познавательная деятельность, предметом которой являются однозначно воспроизводимые явления, а результатом – теории, логические выводы которых должны подтверждаться эмпирическими данными (тонкости соотношения верификации и фальсификации научных теорий требуют отдельного рассмотрения). Такие познавательные дисциплины, как религия, искусство, философия, мистика, не являются науками, так как их предметы невоспроизводимы. Математику же в целом нельзя отнести к науке, поскольку ее предмет хотя и воспроизводим, но неотделим от самой дисциплины, то есть в ней отсутствует однозначное разделение теоретических и эмпирических высказываний.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Болдачёв 2007 – *Болдачёв А. В.* Наука, искусство, религия. От непосредственного единства к опосредованному единению познания // *Болдачёв А. В.* Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.
- Болдачёв 2022 – *Болдачёв А. В.* Интегральная эпистемология. От индивидуального понимания к постнаучному здравому смыслу. М. : Ridero, 2022.

REFERENCES

- Boldachev, A. V. (2007). Nauka, iskusstvo, religiya. Ot neposredstvennogo edinstva k oposredovannomu edineniyu poznaniya [Science, art, religion. From direct unity to indirect unity of knowledge]. In A. V. Boldachev, *Novatsii. Suzhdeniya v rusle evolyutsionnoy paradigmy* [Innovations. Judgments in line with the evolutionary paradigm] (pp. 239–244). St. Petersburg State University.
- Boldachev, A. V. (2022). *Integral'naya epistemologiya. Ot individual'nogo ponimaniya k postnauchnomu zdravomu smyslu* [integral epistemology. From individual understanding to post-scientific common sense].

Материал поступил в редакцию 14.11.2022

Материал поступил в редакцию после рецензирования 10.01.2023

КАК УСТРОЕНА НАУКА: ВИЗУАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Л. Б. Жуков

Институт проблем связей с общественностью, Москва, Россия
Lbg@tpri.ru

Наука как познание – это процесс. Наука как социальная система – это тоже процесс. В этих процессах мы время от времени фиксируем опорные точки, позволяющие описывать их с точки зрения определенной универсальной позиции. В том числе, я полагаю, на роль такой позиции подходит представление об ориентации в окружающей среде. Познание и сопутствующая ему наука в таком случае предстают как система все более и более сложной ориентации, сложность которой одним концом упирается в неопределённость, которую можно представить, с одной стороны, в реальном концепте сложности, а с другой – в ирреальном концепте абсолютной абстракции. Лучше всего такую абстракцию, на мой взгляд, характеризует парадоксальное слово / понятие «ничто». Как сложности и ее физического представителя – запутанности – мы не имеем в наличии, хотя реально имеем дело с ее производными – сложившимися формами вещей (вроде электрона в двуцелевом эксперименте), так тем более мы не имеем в наличии абсолютных абстракций (вроде, скажем, упомянутой уже «истины»). Ориентация в конечном счете сворачивается в четыре ориентира, которые образуют фрактальный кортеж, разворачивающийся в любом предмете, в котором мы захотим сориентироваться, включая отдельное сознание или систему науки. Эти ориентиры суть данности, схемы, позиции и «ничто» (за горизонтом этих ориентиров остаются неопределенность и абсолютная абстракция). Паттерн классической науки, задающий типологию науки вообще, опирается на три ориентира: исследователь с определенной позиции наблюдает данности мира и описывает их с помощью теорий (схем), которые верифицированы посредством научного эксперимента. Коротко это выглядит так: позиция => схемы => данности. По сути, это тип / паттерн естественных наук. Новый тип наук – гуманитарные науки – характеризуется прямо противоположным вектором в том же паттерне: позиция <= схемы <= данности. С появлением гуманитарных наук стало возможным говорить о научной и познавательной типологии, поскольку тут было заложено начало формирования представления о наблюдателе (в противовес естественнонаучному субъекту), благодаря которому реальные ориентиры были трансформированы в условные. Гуманитарный наблюдатель из позиции данностей наблюдает / описывает позиции как данности; таким образом реализуется паттерн классической науки, но сама наука становится другой – у нее другой предмет исследования и другой взгляд (позиция), из которого она исходит. Две эти точки – позиция наблюдения и предмет исследования – определяют тип науки. Одновременно иерархическая картина мира становится сетевой.

Теперь, комбинируя ориентиры в разных сочетаниях, мы получаем ориентацию в типах современной науки и познания, в том числе в описанных Вячеславом Степиным неклассических и постнеклассических науках. Неклассика включает в себя теоретические науки. Пример естественных теоретических наук – теоретическая физика и биосемиотика; пример гуманитарных теоретических наук – теоретическая социология и теория психотерапии. Постнеклассика включает в себя общие теории. Пример естественных общих теорий – общая теория систем и синергетика; пример гуманитарных общих теорий – герменевтика и семиотика.

Ключевые слова: наука, познание, ориентация, фрактал, знак, форма, типология, сложность, «ничто», социальная система

HOW SCIENCE WORKS: VISUAL ORIENTATION IN SEMIOTIC SPACE

Leonid B. Zhukov

Institute for Public Relations Problems, Moscow, Russian Federation
bg@rpri.ru

Science is a specific and even unbelievable, I would say paradoxical, kind of human activity, just like any functional system in modern society. It is accepted that science establishes truth, but this truth is not true, as evidenced by Popper's criterion of falsifiability. Another problem is the distinction between science as a social system and cognitive activity, so that much of modern scientific work may have nothing to do with cognition at all, but only with the self-reproduction of the social system. Finally, modern science also essentially differs from everything from which its genesis is usually deduced: firstly from primitive mythological not even cognition, but consciousness; then from primary philosophical views with attempts of objective descriptions sewn into them; then from theories verified by scholasticism; and, finally, from classic science, which actually underlies all sciences, forming in the Enlightenment era the concept of object and method of scientific experiment. Science as cognition is a process. Science as a social system is also a process. In these processes we fix from time to time reference points that allow us to describe them in terms of a certain universal position, which different philosophical orientations define differently. Among other things, I believe, the notion of orientation in the environment fits the role of such a position. Cognition and its accompanying science then appear as a system of a more and more complex orientation, the complexity of which at one end rests on uncertainty, which can be represented in the real concept of complexity or, metaphorically, in the image of quantum metaphor as quantum entanglement, and, at the other, in the unreal concept of absolute abstraction, which perhaps could be imag-

ined – if it were possible! – as a sign cleared of content. Such a form is best characterized by the paradoxical word/notion of “nothingness.” Just as we do not have complexity and its physical representative, entanglement, although we really deal with its derivatives – collapsed forms of things (like the electron in the double-slit experiment), so even less do we have absolute abstractions (like, say, the already mentioned “truth”), although we work with unreal concepts, of which, on occasion, only a sign remains. Thus, a point can be a real point placed with chalk on the blackboard in the classroom, or it can be an unreal “mathematical point,” which a handful of chalk on the blackboard only symbolizes. Orientation ultimately collapses into four reference points, which form a fractal tuple that unfolds in any subject in which we wish to orient ourselves, including the individual consciousness or system of science. These orientations are given, schemata, positions, and “nothingness” (beyond the horizon of these orientations there remain indeterminacy and absolute abstraction). The pattern of classical science, which defines the typology of science in general, relies on three reference points: the researcher observes from a certain position the data of the world and describes them through theories (schemata), which are verified through scientific experiment. Briefly, it looks like this: position \Rightarrow schemas \Rightarrow data. In essence, this is the type/pattern of natural sciences. A new type of sciences – the humanities – is characterized by the exact opposite vector in the same pattern: position \Leftarrow schemata \Leftarrow data. In this case, in fact, with the emergence of the humanities it became possible to speak of a scientific and cognitive typology at all, since the beginning of the formation of the notion of the observer (as opposed to the natural science subject) was laid here, thanks to which real reference points were transformed into conditional, typologically relative ones. Thus, the humanitarian observer observes/describes positions as given – thus the pattern of classical (natural) science is realized, but science itself becomes different – it has another subject of research and another view (position) from which it proceeds. These two points – the position of observation and the subject of research – determine the type of science. In this case, the hierarchical picture of the world created by the natural (classical, enlightened) sciences becomes networked. Now, by combining the reference points in different combinations, we get an orientation in the types of modern science and cognition, including the non-classical and post-non-classical sciences described by Vyacheslav Stepin. The non-classical includes the theoretical sciences (natural and humanitarian). An example of natural theoretical sciences is theoretical physics or biosemiotics; an example of humanities theoretical sciences is theoretical sociology and psychotherapy theory. The post-non-classical includes general theories (also natural theories and humanities). An example of natural general theories is general systems theory and synergetics; an example of humanitarian general theories is hermeneutics and semiotics.

Keywords: science, cognition, orientation, fractal, sign, form, typology, complexity, “nothingness”, social system

DOI 10.23951/2312-7899-2023-2-103-114

Это правда – для того чтобы перевернуть мир, требуется точка опоры¹. Я предлагаю в качестве такой «точки опоры» – ещё одной – использовать способность к ориентации². Даже самые примитивные существа уже сориентированы – они различают тепло и холод, свет и тьму, опасную среду и комфортную и т.д. Физические предметы ориентированы относительно других физических предметов. Что уж говорить о человеке и обществе, ориентирующихся в смысле! Ориентация живых существ нам как живым существам кажется ближе, чем ориентация физических предметов. А ориентации человека и общества кажутся в некоторых отношениях почти неотличимыми друг от друга, ибо, как заметил Никлас Луман, никто не делит человека на психического и социального³.

Как мне представляется, в процессе онтогенеза системы, будь то человеческое сознание, или общественная коммуникация, или любые другие типы систем, например система языка, система познания, философская система и т.д., происходит выработка четырех типов ориентиров: данностей, схем, позиций и «ничто» (чистых абстракций). Первые три ориентира реальные, четвёртый – ирреальный, потому о нем прагматически настроенные исследователи предпочитают не говорить, если только их прагматизм не заводит их на территорию семиотики или в трудную проблему «невероятной эффективности математики». Трёхсоставность реальной сферы ориентации выглядит как универсальный принцип. Тут я бы припомнил, что в определении формы Спенсер-Браун исходит из трёхсоставного единства различения, указания и формы [Spencer-Brown 1979, 1] и так же точно в предмете логики Фреге различает три части: знак, значение и смысл [Фреге 2008, 182].

История человечества, желающего обладать истинными знаниями о мире, что, собственно, и позволяет людям существовать в комфортной среде (причём постоянно повышая уровень ее комфорта

¹ Из фразы Архимеда с древнегреческого (в латинской транслитерации): *Dos moi pu sto, kai tan gan kinase*. Буквально: Дай, где стать, и я поверну Землю [Серов 2005, 155].

² Краткость изложения не позволяет мне развернуть здесь это понятие в контексте других, более устоявшихся, поэтому я предлагаю опираться на интуитивное представление об ориентации, которое ассоциативно следует из самого слова.

³ Луман пишет: «Тем более не способствует продвижению вперед стремление взять за основу учение о двух идентичностях, личной и социальной, не говоря уже о том, что никто себя так двояко вообще не идентифицирует и никакой наблюдатель не смог бы различить эти идентичности» [Луман 2007, 362].

и надёжности, все более подпадающей под контроль человеческого разума), привела к созданию в XVII–XVIII веках нормативного паттерна научного познания. Это паттерн просвещенной науки. В терминах теории ориентации он выглядит так: позиции => схемы => данности. Другими словами, наука (позиция, которая была неотделима от исследователя, субъекта) изучает мир (данности) посредством теорий (схем). Средством верификации гипотез – сверки теоретической схемы с данными опыта (данностями) – является научный эксперимент, в котором предсказание теории поверяется на опыте [Галилей 1987, 136]. Новейшим дополнением к верификации служит фальсификация [Поппер 2002, 335]. Гипотезы верифицируются, теории фальсифицируются – так работает аутопоэтической маховик современной науки.

Схема науки, выработанная эпохой Просвещения, как паттерн научной ориентации⁴ лежит в основе современного научного мировоззрения. Особенностью революционного поворота, произошедшего в XIX–XX веках (но заложенного уже просветителями, в первую очередь Кантом и Гегелем), является формирование ирреального ориентира «ничто» (у Канта здесь речь идёт о трансцендентальности) [Кант 2015, 42].

Формирование ирреального ориентира («ничто») трансформировало реального субъекта⁵ в абстрактного наблюдателя. Одновременно иерархия, на вершине которой находился исследователь (субъект, рассматривающий мир с позиции природы, – натурфилософ), а в основании – познаваемые явления природы (данности), превратилась в сеть. На смену эпохе Просвещения пришло Новое время с его процессом дифференциации естественных наук на научные дисциплины и явлением наук гуманитарных, выделившихся наравне с естественными.

Гуманитарные науки по сравнению с естественными – науки другого типа (но тем не менее – науки!). Их типологическая особенность заключается в том, что у них другой предмет исследования («дух» вместо «природы») и другая позиция наблюдателя (распо-

⁴ Под «научной ориентацией» я подразумеваю способ получения истинных знаний в любом типе наук и в познании вообще. А в социальном измерении, наука – это коммуникация в коде истины, если воспользоваться формулировкой Лумана.

⁵ Он, вообще говоря, доселе не осознавался, благодаря чему и находился в слиянии с научной позицией (откуда, как мне представляется, идет традиция говорить «мы» в авторском научном тексте, как бы стирая уникальное «я» автора).

ложенная в ориентире данностей), в то время как схема типологически остается такой же, как в естественных науках. Это стало возможным благодаря абстрагированию наблюдателя, вследствие чего и ориентиры оторвались от своего, так сказать, субстанциального начала и стали условными. Гуманитарный наблюдатель из позиции данностей (ориентира данностей, который стал играть роль позиции наблюдения) рассматривает позиции как данности. Что это значит? – Это значит, что гуманитарному наблюдателю не важно естественное основание, на котором он сам находится (откуда ведет наблюдение), зато ему интересны позиции наблюдения других наблюдателей, явленные как данности, которые он исследует. При этом теория остается по типу такой же каузально-логической схемой, как и в естественных науках. Схема гуманитарных наук: позиции \leq схемы \leq данности (с противоположным вектором наблюдения, в отличие от естественных наук). Средства верификации и фальсификации теорий в гуманитарных науках также принципиально иные типологически (но тем не менее остающиеся в рамках научного паттерна, синхронизирующего их с кодом истины).

Повторюсь: в XIX веке произошла научная революция, значение которой мы в полной мере осознаем лишь сегодня – семья естественных наук пополнилась гуманитарными. Между тем гуманитарные науки с точки зрения естественных столь резко отличаются от них, что многие вовсе не считают их за науки. Их предмет – человек, то есть тот самый наблюдатель, который в классической научной парадигме (схеме) доселе наблюдал мир (и которого классическая наука, по сути, никак не идентифицировала). Повторю, в момент становления гуманитарных наук о «наблюдателе» в современном понимании речи еще не шло – под им понимался человек или Бог. Представление о наблюдателе начало формироваться как раз с момента становления гуманитарных наук. Гуманитарные науки сохранили классическую схему научного наблюдения – наблюдатель-наблюдающий-данности, – но классические позиции наблюдателя и данностей изменили свои значения (поменялись местами!): данностью стал сам человек, а именно авторские позиции и стили, а наблюдателем стали данности, а именно человек, но уже потенциально опознаваемый в роли безликого «наблюдателя» (именно «наблюдателя» в отличие от «человека»), которому

не интересны ни физическое, ни биологическое устройство мира, поскольку все его внимание устремлено на дух, душу, сознание, психе́ (др.-греч. *Ψυχή*) и т.д., да и сам он уже становится не физическим и не биологическим. По сути, человек как бытовое, ненаучное понятие в момент становления гуманитарных наук начинает выпадать из поля зрения науки (и естественной, и гуманитарной), его замещает «наблюдатель». Вместе с тем понимание схемы (теории) в гуманитарных науках еще сохраняет свое классическое значение. Отзвук изначально классического понимания предмета гуманитарных наук (в естественнонаучном смысле) и поныне сохраняется в коннотации понятия субъективного – субъекта как противоположного объекту (а поскольку «субъект» – не обязательно «человек», это понятие оказывается сходно с понятием «наблюдателя»). Говоря о «субъектности», таким образом, мы говорим принципиально-научно в классическом смысле (и такое словоупотребление, как мне представляется, уместно также в философии или в философских основаниях наук о человеке); говоря «дух» или «душа», мы говорим метафорически-научно о человеке (но можем перейти в реальный, непосредственно данный контекст, переместившись из системы науки в систему религии); наконец, говоря «сознание» или «психика», мы говорим конкретно-научно в рамках определенных научных дисциплин, прежде всего психологии.

Итак, классический имидж гуманитарных наук связан с тем, что в них сохранена классическая схема науки, соединяющая наблюдателя и данности (хотя эти две позиции уже наполнены иным содержанием) при том, что теория организована так же, как в естественных науках, то есть предполагает каузальную объяснительно-предсказательную схему. Классическая гуманитарная теория, однако, заменяет каузальное следование логическим (следование следствий / выводов из причин / посылок), опираясь на принцип логико-природного параллелизма.

Не успела классическая наука оправиться от потрясения, связанного с рождением гуманитарных наук, как в XX веке сформировалась целая серия новых типов научности (типов наук), которые Вячеслав Степин обозначает как неклассические и постнеклассические науки (и соответствующие типы рационального мышления) [Степин 2003, 632]. Возьмем для примера физику. Теория относительности Эйн-

штейна – образец неклассической науки (по сравнению с ньютоновой физикой), а квантовая теория – образец постнеклассической науки (по сравнению с Эйнштейновой теорией относительности).

В неклассической науке мир, оставаясь цельным, становится относительным, многоосновным, где каждая основа зависит от всех остальных. В постнеклассической науке мир распадется на много миров – по числу основ или множеств основ, на которых мы их готовы основывать (но которые одновременно несовместимы друг с другом, что было сформулировано Бором в его принципе дополнительности) [Бор 2012, 23].

В используемой здесь терминологии (позиция / наблюдатель–схема–данности) в неклассических науках наблюдатель наблюдает схемы (которые ему предстают в роли данностей) посредством данностей (которые начинают выполнять роль схем или научных теорий). Иными словами, появление неклассических наук знаменует собой падение последнего оплота «классической науки» – последнего остававшегося одинакового понимания как в естественных, так и в гуманитарных науках теории как «схемы, объясняющей данности» (а более конкретно – каузальной схемы в естественных науках и логической схемы – в гуманитарных, соединенных воедино принципом логико-природного параллелизма). В естественных теоретических (универсальных) науках (в теоретической физике или теоретической биологии, например), изучающих схемы устройства природы (ведь мы смотрим с классической натурфилософской позиции), «данность в роли теории» выглядит как константа, неведомо откуда взявшаяся, однако таинственным образом приводящая к совпадению теоретического предсказания с эмпирическим результатом (в физике это разного рода космические постоянные, в биологии – некие неизменные схемы функционирования, например принцип естественного отбора, принцип гомеостаза, принцип аутопоэзиса). Напротив, в гуманитарных теоретических науках (теоретической социологии, теории психотерапии, или, я бы сказал, теоретической психологии), изучающих схемы устройства человека (когда мы смотрим с классической позиции гуманитарного наблюдателя), «позиция в роли теории» выглядит как принцип, объясняющий поведение человека или общества, выдвигаемый более или менее волюнтаристски (например, нравственный закон или подсознательный комплекс).

О преемственности классической традиции

В заключение предложенной классификации наук я хочу добавить несколько слов о преемственности научного знания. Эта преемственность проявляется в том, что в любом типе наук – классических, неклассических, постнеклассических – всегда присутствует элемент классических представлений, который в данном случае уместно называть общенаучным. Так, гуманитарные науки, сформировавшись на фоне классических естественных наук, сохранили классическое (естественнонаучное) понимание схемы (теории). Теоретические (универсальные) науки, взяв в качестве предмета наблюдения схемы, ведут наблюдение с традиционных классических естественной или гуманитарной точек зрения. Наконец, постнеклассические науки, основываясь на схеме как на опорной точке наблюдения, в качестве предметов наблюдения имеют вполне традиционные классические данности (как у естественных наук) или позиции (как у гуманитарных наук).

О наблюдателе

Генетическую связь наук, существующую посредством привязки к одному из классических оснований («элементу классических представлений»), интересно было бы дополнить классификацией отношений разных типов наук к концепту наблюдателя. Так, в классических – естественных и гуманитарных – науках наблюдателя нет. Считается, что природа или принципы логики существуют сами по себе, вне зависимости от наблюдателя, кем бы он ни был. Единственно возможный классический наблюдатель – Бог – в конце концов выпадает из сферы науки. Заменой Бога в классической науке вследствие выделения в ней гуманитарных наук, вероятно, могло бы служить представление о наблюдателе в самом общем смысле – наблюдатель как таковой, «наблюдатель» как потенциальное (немаркированное) пространство возможных смыслов наблюдателя. Зато в нововременных неклассических и постнеклассических науках появляется сразу три типа наблюдателей⁶ – естественный (объективный), гуманитарный (субъективный) и конструктивистский

⁶ И четвертый – как ныне актуализированный классический – как таковой, обобщенный – конструируемый постфактум в наблюдении классических наук из настоящего момента.

(схемативный, теоретический, концептуальный) – в зависимости от того, что служит основанием, точкой зрения, откуда ведется наблюдение, – натурфилософский концепт (естественнонаучная позиция, объективная точка зрения), субъект (прообраз наблюдателя, субъективная точка зрения) или схема (конструктивистская точка зрения, объединяющая объективную и субъективную точки зрения на основе артефакта как объективной конструкции).

Таким образом, резюмируя, можно сказать, что классические науки (естественные и гуманитарные) ведут наблюдение с точки зрения наблюдателя вообще; теоретические (неклассические) науки наблюдают с точки зрения естественного (объективного) и гуманитарного (субъективного) наблюдателей; наконец, общие теории (постнеклассические науки) наблюдают с точки зрения конструктивистского (схематического, смоделированного) наблюдателя.

О сложности науки

Сложность современной науки заключается в том, что ныне не существует какого-либо единого научного взгляда на исследуемый предмет: наук стало много и каждая наука стала сама-по-себе-наукой, притом что все науки служат научному постижению мира, а не, скажем, религиозному осмыслению или политическому овладению и пр. (хотя и здесь имеются свои науки, но с иным подходом к понятию истины). Научность варьирует от предельно абстрактной, философской до сугубо эмпирической и даже одномоментной. Поэтому автору ничего не остаётся как выбрать одну закреплённую позицию наблюдения (автоматически становящуюся привилегированной в его тексте) и далее придерживаться ее более или менее жёстко.

Я не могу избавиться от выделенности своей позиции в мире (а говоря о науке, – о приверженности определенному типу науки), но я могу хотя бы указать на неё – таким образом, привилегия моей точки зрения становится условной (а со временем, как мне представляется, в современной науке эта условность начинает подразумеваться в любом строгом утверждении по умолчанию). На привилегированности моей позиции, по сути, основывается представление Майкла Полани о «личностном знании» [Полани 1985, 19]. Это прозрачное умолчание на фоне множества возможных (для меня) и реальных (для других) точек зрения фактически

реализует функцию единства науки, позволяя при случае, когда этого требуют задачи аргументации, опираться на утверждения и данные других наук, не разрушая при этом своего собственного подхода. Другое дело, что такого рода аргументы в дальнейшем должны быть проблематизированы и исследованы на предмет изучения междисциплинарных структурных сопряжений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бор 2012 – Бор Н. Избранные научные труды : в 2 т. / под ред. И. Е. Тамма и др. М. : Наука, 1971. Т. 1.
- Галилей 1987 – Галилей Г. Пробирных дел мастер / пер. Ю. А. Данилова. М. : Наука, 1987.
- Кант 2015 – Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М. : Эксмо, 2015.
- Луман 2007 – Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб. : Наука, 2007.
- Полани 1985 – Полани М. Личностное знание. М. : Прогресс, 1985.
- Поппер 2002 – Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути; отв. ред. В. Н. Садовский. М. : Эдиториал УРСС, 2002.
- Серов 2005 – Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М. : Локид-Пресс, 2005.
- Степин 2003 – Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
- Фреге 2008 – Фреге Г. Логико-философские труды / пер. с англ., нем., франц. В. А. Суровцева. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2008.
- Spencer-Brown 1979 – Spencer-Brown G. Laws of Form. New York : E. P. Dutton, 1979.

REFERENCES

- Bohr, N. (1971). *Izbrannyye nauchnyye trudy. V 2 t.* [Selected scientific works. In 2 volumes] (vol. 1). Nauka.
- Frege, G. (2008). *Logical and philosophical works.* Sib. univ. izd-vo. (In Russian).
- Galilei, G. (1987). *The assayer.* Nauka. (In Russian).
- Kant, I. (2015). *Critique of Pure Reason.* Eksmo. (In Russian).
- Luhmann, N. (2007). *Social systems.* Nauka. (In Russian).
- Polanyi, M. (1985). *Personal knowledge.* Progress. (In Russian).

- Popper, K. R. (2002). *Objective knowledge. An evolutionary approach*. Editorial URSS. (In Russian).
- Serov, V. (2005). *Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopedic dictionary of winged words and expressions]. Lokid-Press.
- Spencer-Brown, G. (1979). *Laws of Form*. E. P. Dutton.
- Stepin, V. S. (2003). *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Progress-Traditsiya.

Материал поступил в редакцию 14.11.2022

Материал поступил в редакцию после рецензирования 10.01.2023

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ (ответ оппонентам)

О. А. Донских

Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Россия

Новосибирский государственный технический университет, Россия
oleg.donskikh@gmail.com

Обсуждается вопрос о возможности считать формами познания не только науку, но и религию и искусство. Представляется, что в силу многомерности каждой из указанных сфер культуры вполне можно в аспекте любой из них рассматривать другие. В свою очередь, на примере античной гармонии обсуждается вопрос о том, что все-таки специфицирует науку как таковую. Здесь явно представлены признаки, которые выделялись в ходе дискуссии: это и специальный насыщенный терминологией язык, и эмпирические положения, и теоретические положения. Доказывается, что с возникновением науки появляется и особая идеальная реальность, не сводимая к предмету изучения. Неслучайно наука начинается с создания идеальных объектов. Отдельно обсуждается вопрос о возможности наличия разных типов мышления. Предлагается использовать термин «функциональный стиль». Обосновывается указание на то, что свободное создание новых слов, которое присуще поэтическому творчеству, позитивно влияет на философский дискурс, в рамках которого создается абстрактная лексика с максимально общей семантикой. Это позволяет строить родовидовые цепочки и, соответственно, иерархические понятийные системы. На примере герменевтики подвергается сомнению тезис о появлении гуманитарных наук в начале XIX века с их новым (по отношению к наукам естественным) отношением между субъектом и предметом исследования. Кроме того, обсуждается вопрос об определении гуманитарных наук и их отличии от наук естественных.

Ключевые слова: наука, формы познания, гуманитарные науки, функциональный стиль, уровни рефлексии

THE VISUALIZATION OF RELATIVITY (A reply to opponents)

Oleg A. Donskikh

Novosibirsk State University of Economics and Management;
Novosibirsk Technical State University, Novosibirsk, Russian Federation
oleg.donskikh@gmail.com

The question of the possibility to consider not only science but also religion and art as forms of cognition is discussed. It seems that due to the

multidimensionality of each of the mentioned spheres of culture it is quite possible to consider the others in the aspect of any of them. This thesis is considered on the example of the figure of Stadel's Lion-man. A special situation develops during the "axial time", when the possibility of reflexive relation between different forms of social consciousness increases sharply. In turn, the example of the antique science *Harmonica* is used to discuss the question of what, after all, specifies science as such. And here those features, which were singled out in the course of the discussion, are clearly presented: this is a special language saturated with terminology, empirical provisions, and theoretical provisions. At the same time, it is proved that with the emergence of a separate science there also appears a special ideal reality, not reducible to the subject of study. It is no coincidence that science begins with the creation of ideal objects, without which the representation of the real ones proves impossible. The question of the possibility of having different types of thinking is also discussed. The use of the term *functional style* is suggested, and this allows the individual researcher to quite accurately combine different functional styles within the framework of his intellectual activity. An indication that the free creation of new words, which is inherent in poetic creativity, positively affects philosophical discourse, in which abstract vocabulary is created with maximum common semantics, is substantiated. This makes it possible to build generic chains and, accordingly, to build hierarchical conceptual systems, which was impossible in the pre-axial period. On the example of ancient hermeneutics, the thesis about the appearance of the humanities at the beginning of the 19th century with their new (in relation to natural sciences) relation between the subject and the object of research is questioned. Besides, the question about the definition of the humanities and their difference from natural sciences is discussed. And also the role of mathematics in the formation of the position of the observer is pointed out.

Keywords: science, forms of cognition, humanities, functional style, levels of reflexion

DOI 10.23951/2312-7899-2023-2-115-124

Соглашаясь с рядом принципиальных положений, сформулированных авторами, участвующими в обсуждении специфики научного знания, я хочу уточнить некоторые существенные, с моей точки зрения, моменты.

Мне сложно согласиться с тезисом Александра Болдачёва¹ о том, что религия, искусство, наука, философия, математика, мистика – это «формы познания». Здесь, с моей точки зрения, смещена пер-

¹ Статья А.В. Болдачёва «От поэзии к науке или от правил к теории» в этом номере журнала.

спектива. Познание как особый отрефлексированный вид человеческой деятельности появляется в культуре вместе с философией и наукой в «осевое время», тогда как религия и искусство существуют в культуре гораздо раньше. Под познанием мы понимаем процесс получения знаний об окружающей реальности, которые могут быть проверены. Но религия и искусство – это нечто существенно иное. Возьмем религию. Она является формой организации взаимодействия людей с природой и друг с другом, но не формой познания как такового. В процесс этого взаимодействия включается особая реальность, которая сознается ключевой частью того мира, в котором живет человек. И эта реальность может быть представлена искусством. Так, возьмем, например, фигурку человекольва из Штаделя возрастом более 30 тыс. лет². Очевидно, что эта фигурка соответствует каким-то знаниям тех, кто ее создал, и эти знания помогали людям выжить, раз они-таки выжили и дали потомство. Но такие знания получены не в процессе познания как мы его понимаем. Проверить их на соответствие реальности невозможно. А можно ли проверить на истинность рассказы Гесиода о возникновении мира?

Теперь возьмем в качестве посылки идею, что количество знаний в человеческом обществе постоянно возрастало, общество и его культура усложнялись, и этот процесс был бы невозможен без познания окружающего мира. (Совершенно очевидно, что охотники и собиратели обладали очень большим запасом знаний. Но это практическое знание существовало параллельно названным формам и вступало с ними в сложные отношения.) Тогда, конечно, и религия, и искусство содержат в себе возрастающую толику знания, и можно говорить о них и как о формах познания. Но у них это никак не является ведущим признаком, это определенная перспектива взгляда на них.

Если мы будем рассматривать науку в перспективе религии, то мы, во-первых, заметим, что наука создает свои миры, а во-вторых, что многое берется на веру, начиная с неявно предполагаемых положений (как это следует из концепции М. Полани).

Для примера возьмем одну из первых наук, возникших в Античной Греции, – гармонику. Это наука о музыке. До нас дошел, хотя

² Человеколев в государственном музее Ульма. URL: <https://web.archive.org/web/20141217225010/http://loewenmensch.de/> (zugreifen: 27.01.2023)

и не полностью, трактат IV века до н.э. «Элементы гармоник», написанный Аристоксеном Тарентским. Что мы в нем обнаруживаем? Вот отрывок, где он говорит о тонах: «Иные допускают три низших, а именно: гипофригийский, гиподорийский, дорийский, отстоящих друг от друга на три диесы, и далее затем: фригийский от дорийского вверх на целый тон, лидийский от фригийского на три диесы, миксолидийский от лидийского на три диесы; однако по какому критерию они установили расстояния между транспозиционными гаммами, – этого они не говорят. Но что такой пикн есть нечто экмелическое и в любом случае неприменимое, ясно выявится в ходе [изложения] нашей дисциплины» [Аристоксен 2006, 325–326]. Здесь я абсолютно согласен с Александром Болдачёвым: гармонику можно определить как науку, которая *«объединила в себе две языковых практики, две текстовых формы представления знаний: эмпирические высказывания об однозначно воспроизводимом явлении и теоретические высказывания, логически полученные в рамках знаковой системы, описывающей в научных терминах это явление»*. Но к этому я хочу добавить следующее: здесь описывается некая реальность, которой не было до появления гармоник как науки. Конечно, музыка звучала. Но то знание, которое представлено Аристоксеном, очевидно, является каким-то новым знанием по отношению к естественно существующей музыкальной стихии (тоже искусственной, поскольку она производится с помощью музыкальных инструментов). Вопрос: это новое знание несет в себе нечто дополнительное по отношению к описываемой музыкальной реальности или нет? Очевидно, что мы имеем дело с некоторой искусственной конструкцией, которая, как мы считаем, эмпирически соответствует музыкальной реальности (кстати говоря, Аристоксен противопоставлял свое учение пифагорейцам, которые рассматривали ту же музыкальную стихию с помощью математики и искали правильные соотношения). Но что значит «соответствует»? Учитывая тот простой факт, что мы не можем сравнивать идеальное с реальным, искусственное построение с естественным явлением, то «соответствие» означает возможность сопоставления двух идеальных представлений, взятых как реальность. А это уже нечто действительно новое. В этом аспекте наука подобна религии: формируется новая реальность, и она начинает определять характер взаимоотношений человека и определенной сферы его деятельности. Здесь мож-

но привести хорошую аналогию с языком. Грамматика – это нечто новое или нет? Да, конечно, она определенным образом представляет язык – идеальный объект, существующий независимо от говорящего и организованный по своим правилам. Но сама грамматика становится той новой реальностью, которая начинает влиять на характер использования языковых конструкций, на организацию словарей и т.п.

Стоит вспомнить и о том, что в науке возникает много идеальных объектов в виде понятий или моделей, которые существуют в своих особых системах отношений (лидером здесь является математика, но о ней чуть ниже). То есть можно вполне обоснованно сказать, что наука, как и религия, создает свою идеальную реальность, позволяющую человеку определенным образом организовать свое взаимодействие с внешним миром. Искусство в еще большей степени уходит от познания, занимаясь созданием новых артефактов и организуя искусственную человеческую среду, отличную от природной. Здесь стоит вспомнить греческое слово «искусство» – τέχνη (от него происходит слово «техника»). Но, очевидно, речь должна идти и о создании новой духовной реальности в виде литературы. Конечно, можно рассматривать искусство как форму познания, но это явно не главный его модус. С другой же стороны, можно рассматривать религию и науку в модусе искусства как деятельно-творческие формы культуры.

Я согласен с Александром Болдачёвым в том смысле, что нет разных резко отличных друг от друга типов мышления. Что в этом ключе демонстрирует язык? Из приведенного текста Аристоксена совершенно ясно, что это очень профессиональный язык определенной сферы знания, и без владения соответствующей терминологией он совершенно непонятен. Это к тезису о том, что наука появляется вместе с этой самой терминологией, которая является правильно, системно организованной, иерархической и, соответственно, новой по отношению к обыденному языку. Здесь применимо понятие *функционального стиля*. Формируется определенный стиль, которым пользуются те, кто работает в сфере науки. И этот стиль как раз и выражает специфику научного мышления. Пример из Аристоксена мне кажется вполне показательным. Возвращаясь к тезису о роли поэзии, я хочу сказать, что именно поэзия создала такую языковую ситуацию, когда нормой стало творческое отно-

шение к языку как таковому. Без этого не могли бы сформироваться другие функциональные стили. И я однозначно согласен с тем тезисом, что гуманитарные науки в такой же мере могут считаться науками, как и естественные. Если смотреть с точки зрения языка, то достаточно взглянуть на очень профессиональные языки лингвистики или литературоведения. И тогда вполне разумно говорить о том, что человек может мыслить, используя разные функциональные стили.

Я также согласен с тем, что основная заслуга философии состоит не в словотворчестве. Здесь мне следовало более точно выразить свою мысль: без словотворчества невозможно было бы построить иерархически организованные системы понятий, а именно это начали делать философы. Особенно показательные родовидовые схемы можно найти у Платона.

Если считать науку своеобразным компромиссом между эмпирическим и теоретическим, то интересно посмотреть на математику. Во-первых, математика однозначно подтверждает тезис о создании особой реальности, а вопрос о том, направлена ли эта реальность на познание внешнего мира, вовсе не очевиден. Эйнштейн говорил: «Если теоремы математики прилагаются к отражению материального мира, они не точны; они точны до тех пор, пока они не ссылаются на действительность» [Эйнштейн 1966, 83]. В мире нет идеальных объектов, которыми занимается математика. Она оперирует ими в мире чистых смыслов. Но, во-вторых, создавая свою реальность, отличную от той, которая нам дана, она в этом пересекается с другими науками. Иначе она не могла бы быть их органической частью. Я бы, скорее, рассматривал континуум наук, где с одной стороны – максимально эмпирические науки, а с другой – «невероятно эффективная» математика с ее понятиями, не имеющими референтов.

Теперь о том понимании науки, которое рассматривает в своей статье Леонид Жуков³. В представленной картине можно выделить два ключевых момента: 1) *формирование ирреального ориентира «ничто»* в рамках трансцендентальной философии Канта; 2) принципиальное различие естественных и гуманитарных наук, ясное осознание чего приходится на XIX век – с появлением последних.

³ Статья Л.Б. Жукова «Как устроена наука: визуальная ориентация в семиотическом пространстве» в этом номере журнала.

Первый момент содержательно связан со вторым, поскольку речь идет о принципиальном изменении субъекта познания. Второй связан с осознанием специфики наблюдателя в структуре научного исследования и оказывается крайне важным при осознании разницы между естественными и гуманитарными науками. Сама идея применения теории ориентации в данном контексте представляется мне очень интересной и продуктивной, и эта схема дает возможность по-новому увидеть трансформации, происходящие в науке и философии науки.

В то же время мне сложно согласиться с некоторыми положениями статьи Леонида Жукова. Во-первых, с тезисом о появлении гуманитарных наук в XIX веке. Филология в весьма развитом виде появляется в Александрии еще до начала нашей эры. В это время там же появляется грамматика, а чуть позже герменевтика, которая становится очень востребованной гностиками и отцами церкви в первые века нашей эры. В александрийской традиции мы обнаруживаем пять основных способов экзегезы Священного Писания: буквально-исторический, нравственный, теоретический, типологический и аллегорический [Саврей 2016, 10]. Это совершенно ясное осознание того, что один и тот же текст может быть интерпретирован совершенно разными способами. Учитывая сакральность текста, это особенно важно. Действительно, в терминологии наблюдателя можно говорить о том, что он способен принципиально менять позицию, и это поняли александрийские ученые – Филон Александрийский и христианские апологеты. Другой вопрос, что это не стало частью сознания научного сообщества того времени, но, как мне представляется, это не осознается и значительной частью современного научного сообщества, которое не включено в дискурс философии науки.

Кроме того, из статьи Леонида Жукова для меня не вполне понятно, какие науки он относит к гуманитарным. Если мы говорим о науках о духе в терминологии Дильтея, то он определяет их предмет как «исторически-общественную действительность», то есть, по сути дела, как культуру. Кроме того, он специфицирует их по принципу метода – в отличие от естественных наук, которые основываются на объяснении, они пользуются методами понимания и интерпретации [Дильтей 2000, 280]. Антропология и психология становятся для Дильтея основой понимания исторической жизни.

Но при этом он говорит в перспективе о иерархии наук о духе, где более простые науки станут основой более сложных, а на вершине окажется история. «Понимание каждого момента истории требует объединения средств различных наук о духе, начиная с антропологии. Когда Ранке говорит, что готов отказаться от собственного “Я”, чтобы увидеть вещи такими, какими они были на самом деле, его слова с исключительным изяществом и силой выражают глубочайшее стремление истинного историка к объективной реальности. Однако опорой такого желания непременно должно быть стремление к научному познанию психических единств, из которых эта реальность и состоит, познанию устойчивых форм, единств, в этой реальности развивающихся и являющихся носителями исторического прогресса. Иначе ему не овладеть этой реальностью: ведь она ускользает от невооруженного взгляда и может быть схвачена только в анализе, в расчленении» [Дильтей 2000, 372]. Таким образом, для Дильтея сам предмет наук о духе оказывается принципиально отличным от предмета наук о природе, поскольку он постигается субъектом, осознающим себя, но логика построения этих наук как системы остается для него такой же. А это означает, что субъект научного познания остается таким же, как и в естественных науках. Он с успехом отстраняется от самого себя как объекта познания. Он становится данностью для самого себя, и формула «позиции => схемы => данности» вырастает до формулы «позиции => схемы => данности => позиции => схемы => данности», т.е. выход на следующий уровень рефлексии означает, что процесс познания трансформирует предмет познания и, соответственно, требует следующей итерации.

Возвращаемся к вопросу о том, какие науки являются гуманитарными. «Исторически-общественная действительность» Дильтея уже по определению гораздо шире, чем «науки о духе», и включает в себя все научные дисциплины от лингвистики до экономики. Кстати говоря, Дильтей именно в связи с языкознанием говорит *об условности* деления наук на два класса – о природе и о духе. Язык, очевидно, является элементом культуры, а не природы, но он обладает фонологическими структурами, которые никак не зависят от позиции отдельного исследователя и являются настолько же объективными, как факты природные. И как здесь можно провести границу между гуманитарными и естественными

науками? Марк Блок писал: «Кинетическая теория газов, эйнштейновская механика, квантовая теория коренным образом изменили то представление о науке, которое еще вчера было всеобщим. Представление это не стало менее высоким – оно сделалось более гибким. На место определенного последние открытия во многих случаях выдвинули бесконечно возможное; на место точно измеримого – понятие вечной относительности меры» [Блок 1973, 14]. От абсолютного наука ушла к возможному, от безусловного к условному, поскольку было осознано, что процесс познания определяется человеческой культурой, частью которой для человека оказывается исторически по-разному понимаемая им природа. И я думаю, что неслучайно Марк Блок в качестве причины изменения образа науки приводит достижения в области естественных наук, а не гуманитарных.

Здесь необходимо вспомнить еще и о том важном сдвиге в сознании ученых, который произошел в связи с открытием неевклидовых геометрий. Осмысление этой ситуации напрямую ведет к идее множества миров и новому обращению к логике возможных миров Лейбница. А если еще раз вспомнить об эффективности математики – учения о чистых смыслах – и ее роли в формировании научного мировоззрения, то относительность очевидно распространяется и на соотношение гуманитарных и естественных наук. А кантианская априорность оказывается заключенной в культуре с ее ценностными основаниями, что, собственно, показали неокантианцы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аристоксен 2006 – Аристоксен. Элементы гармоник (фрагмент) // От Гвидо до Кейджа. Полифонические чтения : по материалам научной конференции 24 февраля 2005 года. М. : ТС-Прима, 2006. С. 315–337.
- Блок 1973 – Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1973.
- Дильтей 2000 – Дильтей В. Введение в науки о духе // Дильтей В. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Дом интеллектуальной книги, 2000. Т. 1. С. 270–730.
- Саврей 2016 – Саврей В. Я. Методы интерпретации текста священного писания // Идеи и идеалы. 2016. № 4, ч. 1. С. 9–22.
- Эйнштейн 1966 – Эйнштейн А. Собрание научных трудов : в 4 т. М. : Наука, 1966. Т. 2.

REFERENCES

- Aristoxen. (2006). Elementy garmoniki (fragment) [Elementa harmonica]. In N. I. Tarasevich (Ed.), *Ot Guido do Keydzha. Polifonicheskie chteniya. Po materialam nauchnoy konferentsii 24 fevralya 2005 goda* [From Guido to Cage. Polyphonic readings. Proceedings of the conference on February 24, 2005] (pp. 315–337). NPF “TS-Prima”.
- Blok, M. (1973). *The apology of history*. Nauka. (In Russian).
- Dilthey, W. (2000). Introduction to the human sciences. In A. B. Mikhaylov, & N. S. Plotnikov (Eds.), *Collected works in 6 volumes* (vol. 1., pp. 270–730). Dom intellektual’noy knigi. (In Russian).
- Einstein, A. (1966). *Collected scientific works: In 4 volumes* (vol. 2). Nauka. (In Russian).
- Savrey, V. Ya. (2016). Metody interpretatsii teksta svyashchennogo pisaniya [Methods of interpreting the text of the Scripture]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 4(1), 9–22.

Материал поступил в редакцию 14.11.2022

Материал поступил в редакцию после рецензирования 10.01.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аршинов Владимир
Иванович Институт философии Российской академии наук.
Доктор философских наук,
главный научный сотрудник.
Ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва,
109240, Россия.
E-mail: varshinov@mail.ru
- Болдачев Александр
Владимирович ООО «Лаборатория институционального
проектного инжиниринга».
Комсомольский проспект, д. 3/3, Москва,
119021, Россия.
E-mail: boldachev@gmail.com
- Донских Олег
Альбертович Новосибирский государственный
университет экономики и управления.
Ул. Каменская, д. 56, Новосибирск, 630099, Россия.
Новосибирский государственный технический
университет.
Пр. Маркса, д. 20, Новосибирск, 630073, Россия.
Доктор философских наук, профессор, PhD
(Monash, Australia).
E-mail: oleg.donskikh@gmail.com
- Жуков Леонид
Борисович Региональная общественная организация
«Институт проблем связей с
общественностью».
Научный руководитель.
Ул. Хамовнический вал, д. 38, оф. 124, Москва,
119048, Россия.
E-mail: Lbg@rprti.ru
- Иванов Дмитрий
Игоревич Сианьский университет иностранных языков.
Кандидат филологических наук, доцент,
профессор института русского языка.
Ул. Вэньюань Наньлу, кампус Чанань, Сиань,
провинция Шэньси, 710128, Китай.
E-mail: Ivan610Ivan610@yandex.ru

- Лакербай Дмитрий
Леонидович
- Ивановский государственный университет.
Кандидат филологических наук, доцент
кафедры отечественной филологии.
Ул. Ермака, д. 39, Иваново, 153025, Россия.
E-mail: lakomotion@yandex.ru
- Наурызбаева Альмира
Бекетовна
- Казахская национальная консерватория
имени Курмангазы.
Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социогуманитарных
дисциплин.
Проспект Абылай хана, д. 86, Алматы, 050002,
Республика Казахстан.
E-mail: naurzbaeva_a@mail.ru
- Нехвядович Лариса
Ивановна
- Алтайский государственный университет.
Доктор искусствоведения, доцент,
директор Института гуманитарных наук.
Проспект Ленина, д. 61, Барнаул, 656049,
Россия.
E-mail: lar.nex@yandex.ru
- Чернявская Валерия
Евгеньевна
- Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого.
Доктор филологических наук, профессор,
профессор Высшей школы лингводидактики
и перевода.
Ул. Политехническая, д. 19,
Санкт-Петербург, 195251, Россия.
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта.
Старший научный сотрудник.
Ул. Александра Невского,
д. 14, Калининград, 236016, Россия.
E-mail: chernyavskaya_ve@spbstu.ru
- Шайгозова Жанерке
Наурызбаевна
- Казахский национальный педагогический
университет имени Абая
Кандидат педагогических наук,
ассоциированный профессор
кафедры художественного образования.
Проспект Достык, д. 13, Алматы, 050010,
Республика Казахстан.
E-mail: zanna_73@mail.ru

AUTHORS

AUTHORS

- Vladimir I. Arshinov Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.
E-mail: varshinov@mail.ru
- Alexander V. Boldachev Laboratory of Institutional Design Engineering, Moscow, Russian Federation.
E-mail: boldachev@gmail.com
- Valeria E. Chernyavskaya Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation.
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.
E-mail: chernyavskaya_ve@spbstu.ru
- Oleg A. Donskikh Novosibirsk State Technical University of Economics and Management, Russian Federation.
Novosibirsk State Technical University, Russian Federation.
E-mail: oleg.donskikh@gmail.com
- Dmitry I. Ivanov Xi'an International Studies University, China.
E-mail: Ivan610Ivan610@yandex.ru
- Dmitry L. Lakerbai Ivanovo State University, Russian Federation.
E-mail: lakomotion@yandex.ru
- Almira B. Naurzbayeva Kurmangazy Kazakh National Conservatory, Almaty, Republic of Kazakhstan.
E-mail: naurzbaeva_a@mail.ru
- Larisa I. Nekhvyadovich Altai State University, Barnaul, Russian Federation.
E-mail: lar.nex@yandex.ru
- Zhanerke N. Shaygozova Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan.
E-mail: zanna_73@mail.ru
- Leonid B. Zhukov Institute for Public Relations Problems (regional public organization), Moscow, Russian Federation.
E-mail: lbg@rpri.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы для публикации в журнале принимаются в электронном формате через форму на сайте <https://praxema.tspu.edu.ru> в разделе «Разместить статью». Если у Вас есть вопросы, Вы можете связаться с редакцией журнала по адресу: Praxema@tspu.edu.ru

Информация о правилах оформления и размещения статей, критерии отбора материалов для публикации, редакционная политика журнала размещены на нашем сайте: <https://praxema.tspu.edu.ru/>

Правила для авторов. Порядок представления материалов к публикации: <https://praxema.tspu.edu.ru/praxema-for-authors.html>

Порядок рецензирования. Критерии отбора материалов для публикации: <https://praxema.tspu.edu.ru/praxema-review-procedure.html>

Публикационная Этика Издания. Принципы издательской этики: <https://praxema.tspu.edu.ru/praxema-editors-publisher-ethics.html>

INFORMATION FOR AUTHORS

All materials for publication in the journal must be submitted in digital format through the form on the website <https://praxema.tspu.edu.ru> in the Place Article section. If you have any questions, you can contact the editorial office at Praxema@tspu.edu.ru

Instructions for preparing and submitting manuscripts, selection criteria for the submissions, the principles of publication ethics are posted on our website: <https://praxema.tspu.edu.ru/en/>

Information for authors. Guidelines for preparing manuscripts for submission: <https://praxema.tspu.edu.ru/en/praxema-for-authors.html>

Peer-reviewing procedure. Selection criteria for submitted manuscripts: <https://praxema.tspu.edu.ru/en/praxema-review-procedure.html>

Editors' publication ethics. The principles of publication ethics: <https://praxema.tspu.edu.ru/en/praxema-editors-publisher-ethics.html>

Издательство ИТПУ